
Огонек
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дом детской книги

...Взгляд вождя устремлен вдаль, к восходящему солнцу: в голубоватой рассветной дымке — необозримый простор полей. Утро нашей Родины... Это очень правильно, что прекрасная картина Ф. Шурпина находится в читальном зале Дома детской книги. Рядом с ней всегда дети, вечное утро жизни...

Десятки миллионов экземпляров книг для детей издаются ежегодно в нашей стране. Государственное издательство детской литературы создало в Москве Дом детской книги. Разработка проблем детского чтения и литературы, помощь школам и библиотекам, пропаганда книги, создание многотомной «Истории детской литературы» — таковы задачи, которые призвано решать это научно-исследовательское учреждение.

Нужно знать, все ли книги удовлетворяют юного читателя, какие он хочет прочесть еще раз, какой герой ему полюбился, все ли понял ребенок в прочитанной книге, как воспринял он рисунки.

Когда Дом детской книги провел среди двух тысяч ребят анкету «Твоя любимая книга», оказалось, что многие книги, издававшиеся для старшего возраста,— например, «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке»,— читают и младшие.

За последние 15—20 лет интересы наших ребят резко изменились. Майн-Рид, бывший некогда «властителем дум» детей, почти забыт. Советские школьники требуют не пустых приключений, а таких книг, как «Школа» Гайдара, «Это было под Ровно» Медведева, «В крымском подполье» Козлова.

Результаты исследований, проводимых в Доме, передаются Детгизу и служат основой создаваемого сейчас пятилетнего плана работы издательства.

На снимках: 1. Читальный зал. 2. Маленькие читатели просматривают каталог библиотеки, составленный из обложек книг. 3. Писатели и художники часто встречаются здесь с детьми. Главный художник Детгиза лауреат Сталинской премии Б. А. Дехтерев среди читателей.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: лауреат Сталинской премии каменщик Николай Ефимович Ольшанов на строительстве дома в Москве.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: в парке ЦДКА. Москва.

Фото В. Евграфова

ОГОНЁК № 31 (1208) 30 июля 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Труженики советских городов и сел несут стахановскую вахту мира. На снимке: Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени машиностроительный завод «Борец». Стахановец третьего механического цеха С. И. Гаврилов (слева), встав на вахту мира, выполняет три с половиной нормы. Справа — начальник цеха И. Г. Петровичев.

Фото Дм. Бальтерманца.

СЛОВО К ЛЮДЯМ ДОБ

Авиация мира и авиация войны

М. М. ГРОМОВ,
Герой Советского Союза

Мне вспоминается сейчас такой же жаркий, как сегодня, июльский день — день появления нашего краснокрылого самолета «АНТ-25» на американской земле вблизи Сан-Джасинто. Это было в 1937 году.

Наша машина вслед за самолетом великого летчика Валерия Павловича Чкалова совершила прыжок через Северный полюс. Мы пробыли в воздухе 62 часа 17 минут, установили два мировых рекорда и своим полетом познакомили американский народ с огромными достижениями Советской страны.

«Во второй раз за несколько недель мы снимаем шапки перед советской авиацией», — писала в те дни «Нью-Йорк таймс». Вся пресса США, без различия направлений, отводила самое видное место перелетам советских летчиков. Американцы выражали искренний интерес к Советской стране и свое восхищение успехами нашего народа.

Сегодня невольно вспоминаются встречи с американскими летчиками, учеными, инженерами. Все они были преисполнены самых дружеских чувств к СССР. Мы обсуждали проблемы мирного использования Арктики; говорили о том, что наши перелеты открыли эру трансполярных перелетов пассажирских и грузовых самолетов из СССР в Америку; мечтали о совместном изучении полярных пустынь и использовании их для нужд народов.

Вклад Советской страны в изучение Арктики огромен. В борьбе с суровой природой проявились самые мирные, гуманные научные цели наших людей. Мы первыми показали достойный пример борьбы с природой.

Но какой пример показали правители Америки?

Окончилась вторая мировая война. Советский народ спас человечество от фашистских варваров. Американские же бизнесмены, подняв ржавые гитлеровские доспехи, усиленно фашизируют свою страну, самым бессовестным образом клевещут на СССР. По воле магнатов с Уолл-стрита военная авиация США с явно агрессивной целью устремилась к Северному полюсу. Мы совершили полеты в Америку на самолетах мира и дружбы, тогда как американцы летали к советской арктической границе на военных самолетах.

Империалистическая клика, жаждущая покорения мира, порабощения народов, не останавливается ни перед чем. Она заставляет теперь американских летчиков бомбить мирные города и села Кореи только потому, что народ этой страны не хочет стать рабом. Даже детей своих американцы приучают «играть» в атомную бомбу...

В те памятные дни 1937 года простые люди Америки, тепло встречая нас, выражали чувства любви и уважения к СССР, советскому народу. Я помню старого докера, говорившего нам: «Американские рабочие хорошо знают, что СССР — родина всех трудящихся». Я помню молодого летчика, с которым летел на пассажирском самолете через весь американский континент. Пилот взволнованно говорил, что он и многие его товарищи радуются успехам советских летчиков и всегда будут их друзьями. Я помню женщин и детей, приходивших к нашей гостинице с письмами любви и привета великому учителю и другу всех трудящихся товарищу Сталину. Я видел и навсегда запомнил трудовую Америку — сталеваров и докеров, машинисток и прачек, летчиков и фермеров, электриков и клерков, — ту Америку, которая сейчас поднимает свой голос протеста против убийств женщин и детей в Корее, против готовящейся третьей мировой войны.

Сегодня мне вспоминается и другой, еще более ранний перелет из Москвы в Пекин. Четверть века назад мне посчастливилось быть в числе первых советских летчиков, прилетевших в Китай на самолете отечественного производства. Мы доставили горячий привет Москвы китайскому народу. Я вспомнил и этот давний перелет потому, что он также был мирным и символизировал укрепление дружбы народов СССР и Китая.

Американская же авиация несла и несет китайскому народу смерть, горе, разрушение городов. Янки поддерживают своими долларами, танками, самолетами и пушками изменника родины, продажного и ненавистного китайскому народу Чан Кай-ши. Американские империалисты всячески помогают гоминдановцам, оккупировали Формозу. Но тщетно! Народ непобедим!

Девять лет назад, осенью 1941 года, я вторично прилетел в Америку. Я наблюдал тогда, как в США действуют фашистские молодчики, не скрывавшие симпатий к Гитлеру.

Вскоре я мог убедиться в том, что гитлеровская агентура орудовала не только в авиации, но и в самом Белом доме. Мы должны были получить несколько самолетов для использования их в борьбе с фашистскими захватчиками. Однако государственные и военные деятели США сделали все для того, чтобы не дать нам самолетов. Агенты врага действовали в Америке беззастенчиво и нагло.

Бывшие прислужники Гитлера, новоявленные фашисты, заняли господствующее положение в нынешней Америке. Атомные бомбы, колорадских жуков, чумных блох — все мобилизуют империалисты, лелея бредовые планы покорения мира.

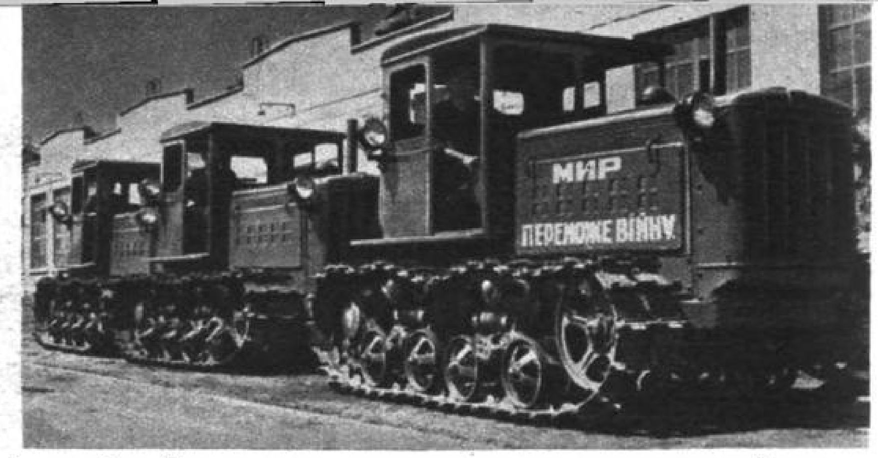
Сотни миллионов людей подписями под Стокгольмским Воззванием скрепили свое решение бороться за долгий и прочный мир. Среди этих подписей есть тысячи и тысячи фамилий трудящихся США. Я верю, что простые люди, которых я видел и с которыми разговаривал в Америке, стоят теперь в рядах борцов за мир. Вместе с миллионами честных, прогрессивно настроенных американцев они не допустят новой войны и обуздают атомщиков.

НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ

Весть о Стокгольмском Воззвании проникла в самые дальние уголки нашей необъятной страны. И нет советского человека, который не стремился бы поставить свою подпись под этим документом мира. Листы с текстом исторического Воззвания на самолете доставлены в колхозные поселки эвенков, расположенные по берегам реки Нижняя Тунгуска.

РОЙ ВОЛИ

С конвейера Харьковского тракторного завода одна за другой сходят «машины мира» — тракторы для колхозных полей. На них надпись: «Мир победит войну».

Фото В. Хейфеца (ТАСС)

Мы верны своей клятве!

М. С. КУТЬЕВ,
старший инженер-технолог московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова

Никогда прежде, выводя свою фамилию на листе бумаги, я не испытывал такого душевного подъема, волнения, как теперь, подписываясь под Стокгольмским Воззванием в защиту мира. Вспомнились мне дни, пережитые пять лет назад в Берлине, во время последних сражений Великой Отечественной войны.

1 мая 1945 года, накануне капитуляции фашистской столицы, гвардейская часть, в которой я служил, вела бои на улицах города. Враг упорно сопротивлялся. Каждый метр продвижения вперед стоил нам жертв и крови. Но воины чувствовали: близка окончательная победа. Бесстрашно бросались в атаки пехотинцы, с непостижимым мастерством вели огонь артиллеристы. В одном квартале шел еще бой, а рядом, в соседнем, откуда уже выбили фашистов, солдаты кормили из своих походных кухонь изголодавшихся, изможденных берлинцев.

Незлобивые и великодушные советские люди жили уже завтрашним днем — днем мира. На стенах немецких домов, испещренных следами осколков, тут и там виднелись большие надписи: «Мы в Берлине!», «Конец войне!». Сделанные наспех острием штыка, надписи эти выражали наши сокровенные мысли и чувства. Каждый воин радовался и гордился: испытание войны выдержано нами с честью, Родина свободна и независима, народы избавлены от фашистского ига. Снова зазеленеют поля, зацветут сады, будут играть и смеяться дети.

Мир! Долгожданный, выстраданный, завоеванный нами мир! Крепить мир — такова была наша клятва на камнях уничтоженного очага войны.

И вот я иду по Москве и вижу новые автобусы, троллейбусы, трамваи, еду в метро, любуюсь новыми вагонами. Я знаю, в этих прекрасных машинах частица и моего труда. Это у нас, на орденоносном «Динамо», изготовляют новейшее электрооборудование для городского транспорта, строятся усовершенствованные механизмы, облегчающие труд людей. А как неузнаваемо преобразилась за эти годы наша Ленинская слобода, еще недавно бывшая окраиной! На месте кривых переулков пролегли большие асфальтированные магистрали. Сносятся деревянные лачуги, возводятся благоустроенные многоэтажные дома.

Вот они, плоды мирной жизни! Вот почему мы, советские люди, за мир, против войны!

Стокгольмское Воззвание подписывал весь коллектив нашего предприятия. Молодые рабочие Тарбеев и Головичев, из учеников выросшие в знатных стахановцев, инженеры Краснов и Тихменев, удостоенные Сталинской премии, люди мирного труда, единодушно высказывают свою непреклонную волю: не допустим войны!

Нам ясно, куда ведут кровавые провокации американских империалистов на Дальнем Востоке. Каждый понимает, какие несчастья для человечества таят в себе планы взбесившихся атомщиков. Но мы не боимся угроз. Своими подписями под Стокгольмским Воззванием советские люди вновь и вновь подтверждают клятву, данную пять лет назад на камнях Берлина: воля и разум миллионов честных тружеников окажутся сильнее безумия кучки озверевших торгашей!

Великий документ правды

Сурен МАРКАРЯН,
врач

Каждому из нас, советских людей, хорошо знакомо, что такое война. Когда я читаю в газете о том, как американские летчики бомбят мирных жителей Пхеньяна, никогда и ничем не угрожавших Соединенным Штатам Америки, я невольно вспоминаю первые месяцы войны. Гитлеровцы бомбят города и села моей страны, обстреливают с воздуха мирных советских жителей. И вот в госпиталь привозят раненых женщин, детей, стариков, и третьи сутки хирург не отходит от операционного стола...

Я бывший военный врач-хирург. Страшное слово «война» ассоциируется в моей памяти именно с этими картинами большого людского горя. Я видел истинное лицо войны в медсанбате, в операционной, где было так много крови.

Надо ли говорить, с какой радостью мы, советские люди, восприняли весть о победе, о мире! Мы истосковались по мирному труду и с ненасытной жаждой принялись за дела, прерванные войной. Демобилизовавшись из Советской Армии, я поступил в ординатуру, начал работать над кандидатской диссертацией, написал свою первую научную статью.

Великий Павлов образно назвал нас, врачей, «механиками человеческого организма». Вместе с многотысячным отрядом «механиков» советского здравоохранения я счастлив тем, что имею возможность отдавать свои силы и знания борьбе с болезнями, которые омрачают светлую жизнь людей, приближают преждевременную старость.

Но империалисты вновь хотят помешать нам жить, работать, творить. Новая война выгодна Трумэну, его хозяевам — пушечным королям и банкирам. А доллары ведь не пахнут, даже если они залиты кровью.

Я подписал Стокгольмское Воззвание — великий документ, своей правдой объединяющий русского врача и британского докера, матерей Франции и крестьян Китая. Мы подписали грозное предупреждение тем, кто хочет развязать новую кровопролитную войну и применить в ней атомное оружие. Пусть эти негодяи не ждут милости от суда народов: он будет беспощаден!

НА СНИМКАХ: слева — члены колхоза «Сталинский путь» встречают гидросамолет, доставивший в тундру бланки с Воззванием. Внизу — первой подписывает Воззвание эвенка Марфа Васильевна Увочан, мать Героя Советского Союза Иннокентия Петровича Увочана, погибшего в годы Великой Отечественной войны.

Фото Н. Степанова

Движения знатной прядильщицы точны и экономны.

Русское сердце

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

1

Из Бухареста возвращалась советская делегация, побывавшая на первомайских торжествах в столице Румынской народной республики. На аэродроме перед вылетом в Москву депутату Верховного Совета СССР прядильщице Любови Ивановне Ананьевой вручили большой букет гвоздик от ударниц текстильной фабрики «Индустрия Бумбакулуй».

— Куда мне столько! — ахнула Ананьева, принимая цветы; одной рукой она прижала букет к груди, другой потрясла руку бухарестской текстильщицы. — Спасибо! Теперь вы к нам приезжайте! В Глуховку!

Женщина что-то быстро и весело ответила по-румынски.

— Она говорит, что видела Глуховку в кинохронике, — перевели Ананьевой. — И вас видела,— сразу узнала!

— Вот и хорошо,— улыбнулась Любовь Ивановна,— значит, старые знакомые!

Заревели моторы. Сидя в мягком кресле самолета, прядильщица вдыхала чуть пряный запах гвоздик.

На вид ей лет тридцать пять. Гладко причесанные волосы стянуты на затылке аккуратным узлом. Приветливая, с живыми и добрыми глазами на открытом русском лице, она сразу располагает к себе.

Через час после того, как самолет приземлился в Москве, Ананьева уже садилась в поезд, следующий на Ногинск. Ей не терпелось скорее попасть в родную Глуховку, на комбинат. В вагоне встретились свои, глуховские: знакомый помощник мастера, несколько молодых работниц.

Ананьеву обступили, забросали вопросами: каков Бухарест? Видела ли товарища Георгиу-Деж? Откуда такие гвоздики?

— Это в знак дружбы,— сказала Ананьева.— Смотрите, что мне еще подарили бухарестские текстильщицы...

Открыв сумку, она вынула тоненькую книжку. На обложке — заголовок на румынском языке: «Sa marim Productia de Fire». А над заголовком красовалась фамилия автора: Liubov Ananieva.

— Книжку мою перевели,— пояснила Ананьева, и в ее спокойном голосе дрогнула взволнованная нотка.— Называется «Увеличить выпуск пряжи». Видите, учатся у нас...

Поезд пришел в Ногинск.

Вагон трамвая, весело трезвоня, доставил Ананьеву к берегу Клязьмы, к тому месту, где круто изгибается река. Сто лет назад на этом «мысу» вырос первый цех Глуховской мануфактуры. Теперь здесь раскинулся шумный городок со старыми и новыми фабричными корпусами, зелеными аллеями и спортивными площадками, школами, магазинами, большими каменными зданиями.

Возле дома к Ананьевой с радостным возгласом бросился навстречу сынишка. Она подняла его на руки, поцеловала, провела ладонью по стриженой головке и озабоченно сказала:

— Набегался... Мокрый, как мышь!..

Войдя в квартиру, она обнялась с матерью, сухонькой, морщинистой Марией Ивановной, одной из старейших глуховских работниц. Мария Ивановна теперь не работает — перешла на пенсию, — но она всегда в курсе производственных дел.

— Что в цехе, мама? — спросила Ананьева, ставя букет в кувшин с водой.

— Вера не вышла: заболела.

Вера Орлова была сменщицей Ананьевой на стахановском участке. Прядильщица встревожилась: может сорваться выполнение плана,— сняла телефонную трубку и позвонила директору фабрики:

— Евгений Никитович? Люба с вами разговаривает... Здравствуйте! Спасибо... Что на участке? Как план? — И, выслушав ответ, решительно сказала: — В ночь выйду. Мало что устала! Ничего...

2

На фабрике заступила третья смена.

Воздух наполнен густым равномерным гудением прядильных машин. Беспрерывно снуют тележки со шпулями и початками.

Между машинами мелькает проворная работница, одетая в легкое ситцевое платьице, в тапках на босу ногу. Не сразу узнаешь в ней Ананьеву. Здесь, в цехе, она кажется моложе.

Пять длинных машин — десять сторонок — две тысячи четыреста веретен. Надо за десять минут обойти весь участок.

Движения Ананьевой точны, расчетливы. Она действует без суетливости и спешки. Вот ее правая рука присучивает нить, а левая в это мгновение обирает пух с чистителя. Это называется комбинированным рабочим приемом. Прядильщица сменила катушку с полуфабрикатом-ровницей. На катушке осталось еще два — три витка. Не поторопилась ли работница? Нет.

— Любовь Ивановна не хочет допускать схода ровницы «догола»,— объясняет мастер.— Экономит секунды. Если сменять голую катушку, так надо долго пропускать ровницу через вытяжной прибор. А веретено будет пока крутиться вхолостую...

Вот обо всем этом: о комбинированных рабочих приемах, о борьбе за секунды, о высоком мастерстве прядильщицы — и написала Ананьева в своей книжке, которую сегодня изучают текстильщицы Бухареста, да и не только Бухареста.

А мать ее была неграмотной.

Помнит Ананьева, как мать приводила ее, пугливую девочку-подростка, на закладку новой прядильной фабрики. Было это в день Первого мая 1928 года. Оркестр играл «Интернационал», колыхались стяги. Ораторы говорили, какой будет фабрика, — просторной, светлой, ничем не похожей на мрачные, тесные корпуса, построенные Захаром Морозовым в пятидесятых годах прошлого века. И тогда мать Любы, с детства хлебнувшая горя у фабриканта, вдруг вынула из узелка серебряную монету и передала дочке:

— Попроси, чтоб положили!

Поборов робость, Люба подбежала к каменщикам, укладывавшим кирпичи фундамента, и сказала:

— Дяденька, положите на счастье!

Кругом заулыбались, и ананьевский двугривенный был замурован в фундамент.

Счастье пришло не сразу. Но оно было прочно, как тот фундамент, на котором строители воздвигали стройное, горделивое — все из стекла и бетона — здание прядильной фабрики. Здесь дочь неграмотной морозовской фабричной работницы стала знаменитой на всю страну прядильщицей, государственным и общественным деятелем Советской страны. Здесь она познала радость настоящей дружбы, любви, творческого беспокойства.

Горе впервые обожгло ее сердце, когда разразилась война.

Муж ушел на фронт 22 июня 1941 года.

— Мало нам пришлось с тобой пожить, Люба,— сказал он, когда она припала к его плечу.

— Вернешься,— ответила она, поправляя на спине мужа вещевой мешок.— Верю, вернешься.

В ноябре она поехала с отрядом рабочих-добровольцев под Наро-Фоминск. Они долбили мерзлую землю, пилили деревья, устанавливали противотанковые заграждения. Потом, когда гитлеровцев отогнали от Москвы, прядильщица вернулась домой.

— Пишет что-нибудь Иван? — спрашивали ее о муже.

— Жду,— глухо отвечала она.

В ту пору ощущалась острая нехватка рабочих рук. На ткацкой женщины сами налаживали станки. Люба, первая из прядильщиц, перешла на обслуживание восьми сторонок, — стала работать за четверых.

В цехе стыли ноги, обутые в разношенные чуни. Срочные заказы армии требовали большого напряжения сил.

В горестный для Любы день пришло извещение из воинской части: Иван Ананьев погиб в бою.

Любовь Ивановна никому не жаловалась на судьбу. Разве была в Глуховке хоть одна семья, которую не задело бы пламя войны?

Вскоре умерла родственница Любы. Остался семидневный ребенок, круглый сирота: отца убили на фронте. Ананьева усыновила мальчика. Вовочка был очень слаб. После ночной смены прядильщица не ложилась отдыхать, а носила мальчика в детскую консультацию. Ребенка поддерживали молочными смесями. Надо было особенно тщательно соблюдать режим кормления. Сколько сил требовала борьба за одну эту детскую, трепетную, как огонек свечи, готовую погаснуть жизнь! У Любы нашлись силы, чтобы и ребенка вырастить и на фабрике стать запевалой стахановских дел.

Ананьева принадлежит к той славной когорте советских работниц, которые не только вынесли на своих плечах всю тяжесть работы для фронта, но и выступили застрельщицами соревнования с первых же месяцев послевоенной пятилетки.

29 октября 1949 года знатная текстильщица закончила свое пятилетнее задание. А через несколько месяцев коллектив Глуховского комбината вместе с рабочими других фабрик и заводов Ногинского района голосовал за Любовь Ивановну Ананьеву на выборах высшего органа власти советского государства.

3

Такой путь прошла эта женщина, которую советские текстильщики не раз посылали своим делегатом к рабочим текстильных предприятий стран народной демократии.

Осенью прошлого года Ананьева вместе с другими знатными стахановцами побывала в Будапеште, на первом венгерском конгрессе новаторов производства.

В центре города возвышался памятник, привлекавший всеобщее внимание. Женщина обеими руками поднимает над головой остролистую пальмовую ветвь — символ свободы и мира. А ниже, на скалистом уступе, со знаменем в руках, с автоматом на груди стоит изваянный из камня советский воин. Надпись на цоколе гласит:

«Памяти советских героев-освободителей — благодарный венгерский народ».

Над землей стелился туман. За Дунаем дрожали огоньки Пешта. Ананьева долго смотрела на них. Памятник навеял грустные воспоминания военных лет... Если бы Иван был жив!

В этот день на фабрике в Кебаня Люба показывала венгерским работницам, как нужно соблюдать маршрут, когда один человек обслуживает пять машин.

Вечером члены советской делегации выступали на другом текстильном комбинате. В зале фабричного клуба негде было яблоку упасть. Тысячи голосов громко скандировали:

— Ста-лин!

— Ра-ко-ши!

И еще одно слово повторялось настойчиво и вдохновенно:

— Мир!

Взяла слово седая женщина в полосатом джемпере — ударница прядильного цеха; ее звали Иштванне. Ананьева видела, как у людей, стоявших в передних рядах, выступили на глазах слезы. Наклонившись к переводчику, она внимала каждому слову оратора.

— Вспоминает о войне... Как издевались фашистские правители... Беременных заставляли делать непосильную работу на военных заводах... Кто отказывался, тех в тюрьму на Маргиткерут... Бомбежка... Сгорел прядильный цех... Прятались в сырых убежищах... Не так боялись за себя, как за детей... Это не должно больше повториться... Сегодня мы работаем на себя. Чем сильнее и богаче будет наша свободная Венгрия, тем меньше будет угроза новой войны... Нет, мы не просто создаем ткани — мы ткем саван войне!

На митинге с особой ясностью раскрылся Ананьевой смысл того, что делали за границей и она, и токарь Быков, и каменщик Шавлюгин, и шахтер Филимонов. Передавая свой производственный опыт зарубежным братьям и сестрам, советские рабочие помогали им в битве за мир. И она, вдова русского солдата, одного из тех, кто отдал жизнь за спасение цивилизации Европы от фашистских погромщиков, участвовала теперь в этой великой битве своим творческим, стахановским трудом.

4

Из далекого Пхеньяна приехал в Глуховку корейский инженер Ким Сан Гвон. Правительство Корейской народно-демократической республики командировало его в Советский Союз изучить опыт лучших прядильных фабрик. Ананьева привыкла, что каждое утро на участке появлялся сухощавый, смуглый, внимательный Ким в шелковой рубашке с короткими рукавами, держа в руках неизменную записную книжку. Она издали улыбалась ему, быстро двигаясь по своему стахановскому маршруту и вычищая кисточкой пух, забившийся между частями машин. Ей нравились методичность и упорство, с какими Ким Сан Гвон изучал технологический процесс, и то, как он медленно, но правильно произносил русские слова. Она уже знала, что корейский инженер — член Трудовой партии, что в Пхеньяне у него есть жена и ребенок, которого зовут Ким Ен Те.

30 июня Ананьева прочитала в газетах, что американские самолеты сбросили бомбы на Пхеньян. В обеденный перерыв она разыскала Ким Сан Гвона, работавшего в этот день в лаборатории.

— Я думала сегодня о вашей семье, — сказала Ананьева, участливо вглядываясь в темные глубокие глаза корейца. — Не тревожьтесь, Ким. Надеюсь, все будет хорошо.

— Спасибо вам... — тихо ответил Ким Сан Гвон.

Через два дня прядильщики собрались на митинг. В садике возле фабричного корпуса поставили столик, накрыли его красной материей. Вокруг плотной стеной столпились рабочие и работницы. Когда Ананьева взяла слово, она увидела сотни устремленных на нее глаз. Любовь Ивановна не любила произносить речей, но сегодня она чувствовала, как ждал народ ее выступления.

— Товарищи! — начала Ананьева, подавляя волнение и заставляя себя говорить спокойно. — Еще не высохли слезы матерей, потерявших своих сынов на войне, слезы вдов, слезы сирот... А враги человечества, империалисты — будь они трижды прокляты! — снова хотят пролить реки крови. Американцы бомбят города и села Кореи. Нельзя с этим мириться, товарищи! Сегодня они напали на Корею, завтра полезут на другие страны. Так можем ли мы молчать? Нет! Я, как ваш депутат, голосовала в Верховном Совете за миролюбивую внешнюю политику, которую проводит наше советское правительство во главе с товарищем Сталиным. Все депутаты единодушно высказались за поддержку Воззвания о запрещении атомного оружия. И сегодня я призываю вас, товарищи глуховцы, поставить под этим Воззванием свои подписи...

Она перевела дыхание:

— Мы вырабатываем не танки и не пулеметы. Мы даем пряжу для миллионов метров ткани. Но наша ткань, товарищи, страшнее для американских заправил, чем танки и пулеметы. Потому что чем больше производит советский народ, чем сильнее его промышленность, тем безнадежнее авантюры поджигателей войны. И мы не одни, товарищи! Есть у нас друзья во всех странах, во всем мире!

Она вспомнила и Будапешт и Бухарест, вспомнила о том, что рассказывала Тереза Ноче, председатель Международного объединения текстильщиков и швейников, о пятнадцатилетней итальянской работнице, уволенной с ткацкой фабрики. Девушка шла во главе многотысячной демонстрации сторонников мира со знаменем в руках. На нее накинулись полицейские, тяжело избили, но девушка не выпустила знамени из рук. Окровавленная, она бросила в лицо полицейским:

— Вы не убьете нашей воли победить войну!

Горячая любовь к братьям и сестрам — рабочим людям всех стран и народов — звучала в речи глуховской прядильщицы. И ненависть к палачам, ненависть к тем, кто целится бомбой в маленького сына Ким Сан Гвона, кто хочет ввергнуть все человечество в огненный ад атомной бойни.

— Нет, не бывать этому!

Л. И. Ананьева с сыном Вовой.

Обмакнув перо, Ананьева первая наклонилась над листом. Вслед за ней под Воззванием начали подписываться все прядильщицы, ткачихи, помощники мастеров, мастера. Простые имена: Комаров, Сухова, Федотова, Пронин, Булычева, Лукина, Орлова — ложились на бумагу строками сурового приговора американо-английским поджигателям войны. А рядом с этими именами русских людей, как символ всемирного братства сторонников мира, встало имя Ким Сан Гвона — инженера из далекой Кореи...

...Обмакнув перо, Любовь Ивановна первая подписала Воззвание.

Фото А. Гостева

МИРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Минуло 15 лет со дня исторического приема в Кремле работников железнодорожного транспорта И. В. Сталиным, руководителями партии и правительства. Это было 30 июля 1935 года. Советским людям памятны сталинские слова о великом государственном значении транспорта, о высокой чести работать на этом участке народного хозяйства, который является грандиозным конвейером нашей страны, где важна и значительна работа каждого работника, каждого винтика. Советский народ торжественно празднует День железнодорожника, как смотр успехов социалистического транспорта и его готовности к выполнению ответственнейших задач, поставленных перед ним Родиной.

СССР — великая железнодорожная держава. Почти трижды могли бы опоясать земной шар по экватору наши стальные магистрали. Более восьми десятых всего грузооборота страны приходится на долю железнодорожного транспорта. Могучие паровозы, электровозы, мощные тепловозы день и ночь мчат тяжелые составы по необъятным просторам Советского государства.

Окруженный заботой партии и правительства, наш транспорт непрерывно развивается и совершенствуется. В послевоенные годы осуществляется грандиозная программа строительства железных дорог и оснащения их самой передовой техникой.

Многомиллионная армия советских железнодорожников-патриотов своим самоотверженным трудом неустанно крепит могущество любимой социалистической Родины, оплота мира во всем мире.

I

В паровозном депо «Красный Лиман» сказали:

— Идите на ту сторону, через пути. Георгий Сергеевич сейчас дома. Он живет близ станции.

Шумилова я застал возле ульев у веранды. Рослый и широкоплечий, он возвышался над голубыми пчелиными домиками, как Гулливер, попавший в страну лилипутов.

Георгий Сергеевич срезал головки высоких ячеек, где обосновались личинки трутней. Воздух, разогретый до вязкости, был напоен сладким запахом цветов и звенел тоненько, по-пчелиному. Рядом с отцом стоял четырехлетний Сергей и монотонно дознавался:

— Пап, почему пчелки суп не едят?

Усаживая меня на диван, Шумилов сказал:

— Я, между прочим, тоже имею отношение к литературе. По родословной линии, впрочем. Дед мой, архангельский крестьянин, добрался до Москвы. Пешком, конечно. И здесь записался в интеллигенты: служил писарем в синодальной типографии.

Георгий Сергеевич улыбнулся. Улыбка оказалась очень широкой и открытой у этого человека, уже чуть полнеющего, но жилистого от физического труда.

На пороге комнаты появился Сергей, ведя за руки двух годовалых близнецов. Черноглазые и упитанные, они очень походили друг на друга. Различать их можно было только по выражению лица: круглая мордашка Павлика всегда расплывалась в приветливой улыбке, а у Вовки был такой вид, словно он вечно чем-то недоволен.

— Прошу знакомиться! — с шутливой торжественностью произнес отец. — Три богатыря. Проще сказать: ось мои хлопци! А близнецов мы так и зовем: оптимист и пессимист.

Шумилов сгреб братцев-близнецов и под веселый писк поднял их на руки.

— До чего же хочется, чтобы они были счастливы! И все у них есть для этого. Только вот одно... если война...

В открытое окно вместе с июльским ароматным теплом вливались шумы большой и мирной жизни. Играли рожки стрелочников. На механизированной горке резко вздыхали пневматические устройства. Репродукторы разносили по округе слова непостижимой для постороннего команды: «Второй отцеп, шесть дробь три, на девятый путь!» Вагоны с хлебом, углем и лесом, послушные приказанию, катились под уклон, спеша занять свое место в шеренгах, строящихся на Москву, Витебск или Пензу. Лязгали вагонные буфера, и взвизгивали колеса, споткнувшись о тормозной башмак. Где-то близко смеялся ребенок, может быть, даже Павлик-оптимист, и какой-то веселый человек подбирал на баяне задорный мотив. А над всем главенствовали гудки паровозов, то озабоченные, то радостные.

Шумилов сказал:

— Сейчас, борясь за мир, паровозники взялись за очень важное дело. Это мы почину попаснянского машиниста Иванова следуем. На первых порах машинисты стремились только к тому, чтобы их паровоз пробегал в сутки пятьсот километров. Ломали мы заскорузлую привычку держать горячий локомотив без толку, на всякий случай. Ну, в основном сломали эту привычку.

А теперь за другой показатель боремся... Вы знаете, что такое тонно-километры брутто? Они получаются от перемножения пройденного пути на вес перевезенного груза. Включая и вес вагонов. Так, Иванов взялся делать в месяц двадцать пять миллионов тонно-километров брутто. Наша бригада приняла такое же обязательство. Другие взяли пока поменьше. Разгон набирают. Да... Называли машинистов пятисотниками, а теперь, наверное, миллионерами назовут. А сколько пользы для укрепления нашего государства, вы только подумайте!

Вдруг Шумилов замолчал и прислушался.

— Вот, слышите?—сказал он.— Мой паровоз свистит. Это Николай Гаврилович Герус возвращается. Напарник. Интересно, сколько он наездил? Сейчас нарядчик меня вызывать будет.

И, действительно, почти в ту же минуту на письменном столе зазвонил телефон.

— Сейчас буду,— проговорил Шумилов в телефонную трубку. И, обращаясь ко мне, сказал: — Если хотите посмотреть, как мы боремся за мир, рекомендую съездить на паровозе — только разрешение получите! Интересное, между прочим, занятие — быть паровозником. Интереснее даже пчеловодства...

II

Локомотив велик, а будка его мала. Места здесь ровно столько, чтобы можно было развернуться с лопатой и не задеть машиниста. В такой тесноте лишний человек — не находка. Но оба товарища Шумилова: его помощник Иван Иванюшкин и кочегар Клавдия Сотник — приняли меня радушно. Широкогрудый Иванюшкин в свободной рубахе с расстегнутым воротом улыбнулся молча и приветливо. А Клавдия Сотник (в депо ее зовут хозяйкой шумиловского паровоза), маленькая шатенка в синем беретике и синем комбинезоне, сказала заботливо, но с насмешливой искоркой в глазах:

— Когда поедем, покачивать будет. Так вы тут стойте, сбоку от машиниста — не упадете.

Экипировка шла быстро. Из люка бункера в тендер высыпались горы топлива, и черная пыль стлалась в ярком электрическом свете.

Иванюшкин оказался не таким уж безмолвным. Высунувшись из окна, он громко и забавно переговаривался с какой-то девушкой в форменной тужурке. Слушая его шутки, смеялись и в нашей будке, и рабочие, стоявшие у транспортера, по которому ехали маслянистые куски подмосковного угля, и сама девушка с железнодорожными петлицами.

Я спросил у Шумилова, не трудно ли Клаве работать кочегаром.

— Я ее еле отстоял,— ответил он.— Хотели недавно перевести на более легкую работу. А она ни в какую — решила машинистом стать. Пришлось обращаться в управление дороги и в профсоюз. Оставили. Мы с Клавой не первый год ездим. Жалко расставаться.

Когда паровоз вышел к контрольному посту, дежурный, глядя на машиниста снизу вверх, сказал:

— Георгий Сергеевич, диспетчер дает вам порожняк на Дебальцево.

— Добро. Хотя сподручнее было бы захватить составчик тысячи на три тонн!

Шумилов открыл регулятор. Паровоз тяжко вздохнул и осторожно двинулся тендером вперед.

Пока прицепляли паровоз и где-то далеко, в тихой и зашторенной диспетчерской комнате, наносили на график номер нашего локомотива, жизнь в будке шла своим чередом. Клава нажимала ногой на педаль. Увесистые топочные дверцы вспархивали вверх, как крылья, обнажая черно-красное чрево топки. Уголь веером летел с лопаты Иванюшкина, и дверцы мгновенно с цоканьем захлопывались.

В любом другом месте кочегар — это человек, который топит. Но на паровозе кочегар уголь не забрасывает в топку. Это — дело помощника машиниста. Первые несколько километров он топит вручную, чтобы создать в топке устойчивый, равномерный слой кокса, а потом уступает свое место «механическому кочегару». Но не окончательно. «Механический кочегар» силен, да слеп. И ловкий помощник должен подправлять его огрехи на колосниковой решетке лопатой...

— Видите, с левой стороны котла пять вентилей вместе? Это для регулировки дутья,— объяснял Шумилов, поглядывая на железнодорожников, хлопочущих у поезда.— Хороший помощник должен играть на них, как музыкант на баяне.

В котле загудело на разные голоса, как вьюжной ночью в печной трубе, только раз в сто сильнее. Это Иванюшкин усилил тягу.

Вскоре помощник снова взялся за лопату, и Клава распахнула дверцы. В топке уже не было того пламени, что ассоциируется у нас со словом «огонь». Там гудело что-то нестерпимо слепящее. Оно было таким белым и плотным, как густой утренний туман в низине.

Снизу сказали:

— Механик, можно отправляться.

В конце поезда помахали фонарем. Главный кондуктор дал сигнал отправления. Паровоз мягко потянул состав (буфера, наверное, залязгали, но нам этого не было слышно) и, погромыхивая, пошел по стрелкам и скрещениям длинных станционных путей.

Промелькнули эстакада депо, переходной мост, быстро убежали назад огни Красного Лимана.

Помощник машиниста пустил в ход «механического кочегара», длинный винт которого, бесконечный, как в домашней мясорубке, тянул в топку мокрый уголь. Клава, стоя на краю будки, поливала из шланга уголь на тендере. А навстречу паровозу быстро и ровно плыли уснувшие домики и темные деревья возле них. Казалось, что все уже налажено и пойдет своим чередом, без усилий и напряжения.

В эту тихую минуту Иванюшкин внезапно сорвался со своего места и схватил лопату. Клава метнулась к педали, и разлётные дверцы захлопали часто-часто. Потом Иванюшкин снова подошел к окну, выглянул и стал поспешно крутить вентили и ручки. В котле загудело истошно, а будку сильно затрясло.

Шумилов повернул напряженное лицо и, встретившись взглядом с помощником, резко толкнул от себя блестящую ручку регулятора. Помощник потянул к себе рычаг — и вдруг из котла со свистом и ревом вырвалась струя пара и все окуталось белым облаком.

Георгий Сергеевич обернулся и крикнул:

— Берем крутой подъем! Держим не меньше пятидесяти километров. Сминусуем минут двенадцать. Очень важно держать высокую форсировку и во-время продуть котел. Помощники у меня молодцы!

А молодцы тем временем энергично трудились с той же стремительностью, и в молочную кипень летели новые порции угля. Не поспешность, а гибкая, натренированная быстрота отличала их труд. Они работали запоем, всем существом внимая радости труда. И для его описания столь ходовые слова, как «слаженный» и «четкий», казались уже стертыми и скудными.

Этих людей, таких артельных и любящих в свободную минуту пошутить и подзадорить ближнего, словно кто-то подменил с первого же поворота паровозного колеса. Они работали сосредоточенно и молча, понимая друг друга без слов. Только Клава Сотник, видно, почувствовав, как хозяйка, неловкость долгого безмолвия, сказала мне:

— Минусуем — это значит нагоняем. Вы бы присели, а то устали все время на ногах,— и она указала мне на маленькое подвижное сиденье, такое, какое делалось для вожатых в старых трамваях: — Это — мое место. Но я не люблю сидеть на работе.

...За узкой распахнутой дверцей все тянулись колхозные сады. И казалось, нет им ни конца, ни края. Но за Артемовском ландшафт сразу и резко изменился: начался сердцевинный Донбасс с терриконами шахт, белесыми лентами шоссейных дорог и ярким светом заводов.

Навстречу все чаще неслись длинные составы, груженные хлебом, нефтью, стальным литьем, комбайнами из Таганрога, дорогим буком и ценным грабом со склонов Кавказских гор. А в длинных и высоких новеньких гондолах везли на север свет и тепло, заключенное в черных кусках антрацита, поблескивавшего в отсветах из нашей будки. Машинисты обменивались с Шумиловым гудками, или, как они сами говорят, свистками, и в темноте короткой летней ночи недолго дрожали и покачивались красные фонари на хвостовых вагонах встречных поездов.

Оставив на путях в Дебальцеве порожняк, Шумилов поспешил в депо и еще на подходе дал какой-то странный гудок: ту-ту-тууу...

— Это не по правилам,— сказал он.— Таких сигналов в официальном лексиконе нет. Это, если хотите, жаргон паровозников и в переводе значит: «Чистить топку, скорей!»

Клавдия зажгла факелы, сунув их для этого в дверцы топки. Не успел паровоз остановиться, как она и Иванюшкин спрыгнули на землю и засновали у колес, поднимая над головой чашечки с горящим мазутом или засовывая их под паровозное пузо. К ним присоединился и Шумилов.

Через несколько минут подошли два человека, сказали: «Здорово, Георгий Сергеевич!» — и полезли на тендер доставать скребки и резаки. Это были чистильщик топки и его помощник. Вскоре рельсы под паровозом осветились багровым светом и в воздухе заклубился едкий запах горячего шлака.

Неожиданно Шумилов отвернулся и стал вглядываться в темноту, чуть разбавленную станционными огнями. Потом сказал:

— Видите, вон Гайворонский...

Я знал, что Петр Гайворонский, известный машинист-тяжеловесник,— давнишний соперник Шумилова. Они соревнуются уже много лет и, чтобы опередить друг друга, прилагают немало сил, сноровки и живой, быстрой сметливости. Самым добросовестным образом напрягал я зрение, но видел только немые силуэты составов и шумные паровозы, яркими мечами прожекторов рассекающие мрак перед собой.

— Он сегодня опять три тысячи тонн берет. Диспетчер сказал.— Шумилов продолжал смотреть мимо меня.— Для него первое удовольствие — состав потяжелее привести. Глядите, глядите, как умно действует!.. Теперь песочку давай, песочку! Только немного...

Шумилов говорил так, словно Гайворонский мог его слышать. А паровоз знаменитого тяжеловесника напрягся до дрожи во всех суставах и сцеплениях, и поезд двинулся медленно, словно нехотя.

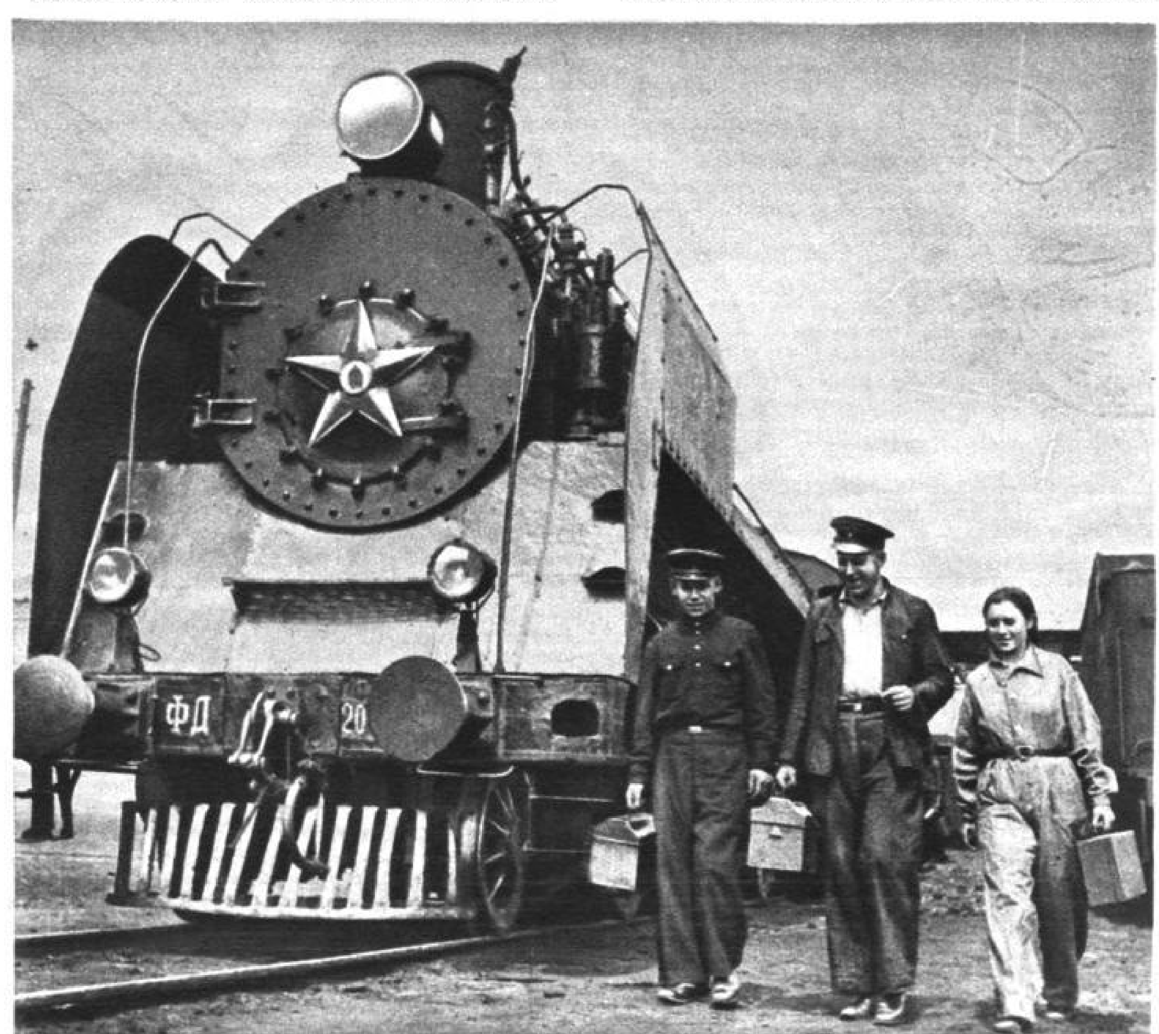
— Молодец, казак! — выдохнул Шумилов.— Сразу взял! Вот это машинист!

Георгий Сергеевич помахал рукой, будто с паровоза могли увидеть его фигуру, затерянную среди станционного размаха. Но что это? С локомотива ответили на приветствие: значит, Гайворонский тоже видел Шумилова, вернее, его паровоз.

Несмотря на все старания (Георгий Сергеевич и с диспетчером отделения успел поговорить по селектору), на долю Шумилова не досталось поезда подстать тому, который повел Гайворонский. Ему дали состав весом в 2700 тонн.

Лишь закончилась экипировка, мы двинулись в обратный путь. Было раннее утро, когда прохладные травы еще влажны и люди спят особенно крепко, а сторожа на переездах встречают поезд с фонарем, словно не верят, что ночь уже прошла.

Теперь навстречу нам несутся на юг составы с крепежным лесом, машинами для шахт,

Паровоз сдан, можно и домой идти.

Фото С. Фридлянда.

ЛАГЕРЬ СЧАСТЛИВЫХ

Горнист играет зорю. Звуки горна поднимают Колю Иванова с постели. Мальчик знает: это побудка и надо идти на зарядку. Так начинается в детском доме каждый день.

Но сейчас Коля не сразу соображает, где он находится. Горн звучит так же призывно, как и обычно, но комната, в которой оказался мальчик, совсем непохожа на детдомовскую.

Коля трет кулачком глаза. Как же это он забыл! Ведь здесь уже не детский дом, а пионерский лагерь, и какой — пловучий!

Пионер будит своих товарищей — Шуру Филиппова, Гену Шалашова, Гену Андреева, тоже воспитанников детского дома. Вчетвером они бегут на палубу, где выстраиваются поотрядно мальчики и девочки.

Так начинается день в пловучем пионерском лагере на теплоходе «Капитан Рачков».

Распорядок дня здесь обычный, лагерный. Только обстановка иная: лагерь все время в движении. Красавец-теплоход совершает путь по маршруту: Куйбышев — Москва — Астрахань — Куйбышев. Рейс длится тридцать дней.

«Капитан Рачков», арендованный у Волжского пароходства Куйбышевским горсоветом под пловучий пионерский лагерь, только что закончил первый рейс с детьми. Он проплыл по Волге, каналу имени Москвы, Москве-реке. В Москве пионеры побывали в Мавзолее Ленина, видели древний Кремль. В Ярославле им запомнился исторический музей, в Горьком — домик, где прошло детство Максима Горького. В Ульяновске они поднимались по знаменитой — почти в тысячу ступеней — лестнице, чтобы посмотреть дом, где родился В. И. Ленин. В Саратове им показывали дом-музей великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

С благоговением ступили пионеры на сталинградскую землю. Как много читали и слыхали они про эти исторические места! Здесь стояли насмерть солдаты Родимцева. Вот легендарный дом Павлова. А вот плёс, где погиб человек, чьим именем назван их пловучий лагерь,— волжский капитан Рачков, перевозивший на своем судне женщин и детей из Сталинграда на противоположный берег...

Незаметно пролетели тридцать дней веселого путешествия.

Мальчики и девочки хорошо отдохнули, поправились, загорели, окрепли...

Сейчас пловучий лагерь совершает второй рейс. На борту теплохода 274 пионера: дети рабочих, служащих, инженерно-технических и научных работников города Куйбышева, воспитанники куйбышевских детских домов. К их услугам превосходные каюты, салоны, просторные палубы, библиотека, музыкальные инструменты.

Пловучий пионерский лагерь. Фото В. Старцева

...Минул первый день чудесного путешествия. Солнце скрылось за крутым, правым волжским берегом. Ребята высыпали на верхнюю палубу и оживленно обмениваются впечатлениями. Сколько повидали они за этот первый день жизни в пловучем лагере! Сказочный Царев Курган, вставший, как страж, у входа в Жигулевские ворота. Зеленые Жигули. Нефтяные промысла, расположенные вдоль берега. Новые рабочие поселки с красивыми белыми домами. Караваны барж и плотов, идущие по реке. А сколько предстоит еще повидать! Впереди двадцать девять дней путешествия!

Н. БОРИСОВ

промышленными товарами с московских и ленинградских фабрик. А Шумилов везет на север донецкий уголек. И взвихренный воздух, попав меж поездов, свистит и завывает.

Георгий Сергеевич неотрывно смотрит вперед, и левая ладонь его лежит на ручке крана машиниста. Опасное мгновение—и тормозная ручка обернется на полный оборот, или, как говорят паровозники, «на всю карусель». Это на случай экстренного торможения. Но путь свободен!

То машинист, то помощник дают длинные предупредительные гудки, и поезд мчится стремительно. Иванюшкин «играет» на своих вентилях бравурный марш; инжекторы почти беспрерывно качают воду: шутка ли напоить такую махину! И котел гудит довольно и весело, а стрелка манометра, как привязанная, трепещет у цифры «15».

Локомотив рвется вперед с колоссальной мощью, почти в 3 тысячи лошадиных сил. Это больше того, что обязан давать он по своему техническому паспорту. Но паровоз зовут шумиловским не только по имени старшего машиниста. И не только давление в 15 атмосфер толкает поршни на бешеную пляску. Их гонит и созидающая мысль: Шумилов многое здесь переиначил. Прибавил резервуар отработанного пара, и теперь тяга воздуха стала более плавной. Переделал прибор продувки труб — обеспечил надежную их чистоту. Изменил Шумилов многое, и газы теперь свободнее текут по жаровым трубам котла. Георгий Сергеевич ничего не оставил в покое: его не смутили технические авторитеты. Он переустроил песочницу, которую машинисты считают вторым регулятором, преобразил даже трубу.

Да разве перечислить все реформы и нововведения человека, который не напрасно получил среднее техническое образование и считает, что семипроцентный коэффициент полезного действия до обидного мал для такой могучей машины!

Чтоб «подтянуть» эти 7 процентов, Шумилов перешел с пассажирского паровоза на товарный. «Будет, где развернуться!» — сказал он. Потому же отказался недавно Шумилов от почетного предложения занять пост главного инженера депо. Он сказал: «Дайте мне потягаться с этими семью процентами. Не надо отрывать меня от паровоза». С ним согласились: ведь и сейчас, когда он командует лишь одним своим локомотивом, его паровоз является законодателем технических «мод». Все машинисты хотят, чтоб трубу им сделали, «как у Шумилова», и чтоб песочница была, «как у Шумилова».

...Не все время везет нас дорогостоящий пар. Временами Шумилов тянет к себе рукоятку регулятора, и на нас начинает работать сила инерции: мы едем даром. Бригада трудится, как обычно: быстро и молча. Только машинист или помощник, кто первый увидит светофор, поднимает руку и бросает односложную реплику:

— Зеленый!

Другой подтверждает:

— Зеленый!

Это двойная бдительность. Проезд запрещающего сигнала — тягчайшее преступление перед государством. И Шумилов проверяет себя: в четыре глаза виднее. А если минута на подъезде к станции свободна и у Клавы, она тоже выглянет, перевесившись через узкую дверцу.

Из общего коллектива железнодорожников мы выхвачены скоростью движения. Но мы не одни. Сотни глаз следят за нами и заботятся, чтоб путь наш был безопасен и чист. Эти люди проверяют рельсы, всю дорогу зажигают для нас зеленые огни светофоров, переводят стрелки, встречают на станционных платформах и переездах одобрительным взмахом фонаря над головой: «Жми, машинист! Путь свободен!» Диспетчеры ведут наш поезд без передышки по сплошной «зеленой улице». Люди, командующие движением, знают: такой машинист, как Шумилов, не подведет.

...Паровоз тихо, словно ощупью, въехал на канаву Краснолиманского депо. К нам подошли трое: высокий, с открытым лицом машинист Андрей Петрович Перевышко, его голубоглазый помощник Степан Михайлович Чередниченко и кочегар Вася Катасонов, плотный русоволосый парень. Это были сменщики.

— Привет товарищам миллионерам! — громко сказал Перевышко. — Много ли доходов наездили?

— Будь здоров, Андрей Петрович! — в тон ему ответил Шумилов, соскальзывая с паровоза особым приемом: не держась за поручни. — Топлива сэкономили три с половиной тонны. Сделали за десять часов четыреста семьдесят пять тысяч тонно-километров брутто. Вот считай, до Дебальцева мне дали порожняка тысячу сто тонн...— и Шумилов протянул ему бумажку, испещренную цифрами и вычислениями.

Для меня непостижимо было только одно: когда он успел это проделать? Я почти все время не спускал с него глаз. Значит, правы были и секретарь парторганизации депо Данил Герасимович Шаля, и старший ревизор Тихон Николаевич Медведев, и другие товарищи, когда говорили про Шумилова: «Это такой человек: все подсчитывает и анализирует. У него колесо без учета не повернется, сейчас же заметит и прикинет на бумажке, что сделать, чтоб напрасно не вертелось».

А Георгий Сергеевич уже предупреждал напарника:

— Учти, Гайворонский взял из Дебальцева три тысячи...

Над станцией вставало ласковое летнее утро, и стрелочники, улучив минутку, поливали цветы и деревца у своих будок, беленьких, как и домики во всей этой местности. Переход от ночи к дню отмечен был еще тем, что железнодорожники потушили сигнальные фонари и взялись за желтые флажки. Круглые сутки и круглый год не прекращается на станции жизнь, размеренная графиком.

Хотя нет, не всегда было так. Не жил Красный Лиман в черные дни фашистской оккупации. А железнодорожники жили и боролись. Они сделали все, чтоб враг не смог провезти ни одного килограмма груза через этот огромнейший узел, не случайно прозванный «воротами Донбасса».

А теперь днем и ночью, быстро катятся с горки вагоны, разбегаясь по назначенным путям. И железнодорожники перед неблизкой дорогой придирчиво заглядывают в буксы и стучат длинными молоточками по колесам, слушая, не идет ли от них тревожный звук. Машинисты проверяют автосцепку — шипит в шлангах стиснутый воздух и судорожно прижимает к бандажам тормозные колодки.

В установленную минуту напутственно мигает круглый зеленый глаз. Длинно и заливисто свистит главный кондуктор. Машинист отвечает ему таким же протяжным гудком. А старший стрелочник играет им обоим на рожке сигнал отправления.

И один за другим уходят на юг и на север длинные товарные составы, которые ведут товарищи Шумилова по борьбе за укрепление могущества Родины социализма, по борьбе за мир для всех народов.

Лауреат Сталинской премии, старший мастер московского инструментального завода «Калибр» Николай Алексеевич Российский.

Фото Т. Бакмана

Лауреат Сталинской премии Елена Михайловна Орлова, заведующая овцеводческой фермой колхоза имени «Первого Мая», Горьковской области.

Фото О. Кнорринга.

Успех и награда

С. КАНЕВСКИЙ

Фото О. Кнорринга

Имя Антонины Александровны Капацинской, доцента Горьковского сельскохозяйственного института, очень популярно среди колхозников Горьковской области. Во многих колхозах мы неизменно слышали это имя, когда касались вопросов животноводства. Показывая фермы, колхозники говорили не без гордости:

— Как вам нравятся наши овцы? Обратите внимание — это новая порода. Вывела ее товарищ Капацинская...

В колхозе имени Первого Мая заведующая овцеводческой фермой Елена Михайловна Орлова назвала Капацинскую своим другом.

Однажды Капацинская приехала в этот колхоз и спросила Орлову, не хочет ли она заняться интересным научным делом. Зоотехник Капацинская просила помощи у молодой колхозницы.

— Признаться, — вспоминает Орлова, — я была смущена и даже испугалась такого предложения. Тогда я плохо понимала, чем могу помочь науке. Однако Антонина Александровна меня успокоила. Самое главное, говорила Капацинская, — желание и упорство, остальное приложится. Так, собственно, и получилось. Вспомнишь, с чего начали, и сама себе не веришь: до того велик успех...

Елена Орлова языком настоящего знатока своего дела рассказала точно и ясно, в чем, собственно, заключалась научная задача, в решении которой она, рядовая колхозница, сыграла немалую роль.

Речь идет об овцах. В Горьковской области издавна распространена местная грубошерстная овца черной масти. Она мала: живой вес ее не превышает 35—40 килограммов. А настрига грубой короткой шерсти, используемой только на валенки, овца дает всего полтора килограмма. Все же местная овца обладает некоторыми ценными качествами: она неприхотлива к корму, вынослива и плодовита.

Овца новой породы дает хорошую белую шерсть, годную для выделки сукна. На снимке: друзья по научной работе — колхозница Е. М. Орлова (слева) и ученый-зоотехник А. А. Капацинская.

Для подъема продуктивности овцеводства в Горьковской области сюда завезли много гемпширов. Живой вес овцы этой породы составляет в среднем 85 килограммов. Кроме того овца дает до 4 килограммов хорошей полугрубой шерсти, годной на выделку сукна.

Но вскоре колхозники разочаровались в гемпширах: они гибли, не выдерживая сурового для них климата.

«Если бы нашим местным овцам привить качества привозных, было бы прекрасно», — мечтали горьковские колхозники. Капацинская и взялась за решение этой задачи.

Капацинская — предприимчивый организатор и энергичный ученый — действовала, опираясь на помощь колхозников. Она объездила десятки колхозов и отыскала способных сотрудников-практиков, согласившихся под ее наблюдением ставить опыты по скрещиванию местных овец с гемпширами.

Результаты получились превосходные. Мичуринцы-животноводы вывели новую породу, в которой слились качества местной овцы и гемпшира. Живой вес овцы новой горьковской породы достигает 76 килограммов. Шерсть у нее белая, однородная, более длинная, чем у гемпширов, годовой настриг — до 6 килограммов. Горьковская овца намного увеличила доходы колхозов. Некоторые из них уже теперь получают от племенного овцеводства до 100 тысяч рублей ежегодно.

Антонина Александровна Капацинская ведет кафедрой разведения животных в Горьковском сельскохозяйственном институте. В прошлом сельская учительница, она теперь видный теоретик животноводства и экспериментатор.

Колхозница Елена Орлова гордится своей дружбой с Капацинской. От Антонины Александровны мы услышали те же слова: она счастлива и горда своей дружбой с колхозниками.

— Талантливые люди наши колхозники! — говорит Капацинская. — Работа с ними радует и вдохновляет.

* * *

За выведение новой продуктивной породы овец правительство присудило Антонине Александровне Капацинской и Елене Михайловне Орловой Сталинскую премию. Этой награды удостоены также ассистент кафедры Е. В. Луковникова и зоотехник А. М. Махлонова.

Руководитель кафедры разведения сельскохозяйственных животных А. А. Капацинская (справа) и ее ассистент Е. В. Луковникова экзаменуют студентов.

Против американской интервенции в Корее

(ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРЕССИВНЫХ ГАЗЕТ США)

Рабочий автозавода «Дженерал моторс» в городе Флинт (штат Мичиган) подписывает Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия, прикрепленное на щите с надписью: «Запретить атомную бомбу!»

Говорит Поль Робсон

На углу 125-й улицы и Лексингтон авеню собралось свыше 1500 жителей Гарлема. Тесной толпой окружили они большой грузовик, на котором установлены громкоговорители. С этой импровизированной трибуны выступает Поль Робсон.

— Негры хорошо понимают, что́ происходит в Корее,— говорит Робсон,— потому что то же самое происходит с нашим народом в Африке. Все дело здесь в золоте, нефти, олове и других естественных богатствах, которые народы Кореи, Африки, Вест-Индии и все цветные народы имеют законное право использовать по своему собственному усмотрению. Но те же люди, которые владеют хлопковыми плантациями на юге США, задумали силой захватить богатства корейского народа... Мы, простые люди Америки, отвечаем на это: «Руки прочь от Кореи!»

Гром аплодисментов подтверждает, что устами Поля Робсона говорит вся прогрессивная Америка. Тут же участники митинга подписывают Стокгольмское воззвание, прибавляя сотни подписей к первому миллиону, который уже собрали в США сторонники мира.

Переодетые полицейские пытаются сорвать митинг. К ним подходит старый рабочий. «Научитесь молчать и соблюдать тишину, пока говорит Робсон»,— произносит он внушительным тоном.

В другом месте участковый полицейский грубо отталкивает негритянку, внимательно слушающую ораторов. Женщина, чувствуя поддержку толпы, взволнованно восклицает:

— Наш народ хочет мира и поэтому говорит: «Руки прочь от Кореи!..»

На могиле Уолта Уитмэна

131-я годовщина со дня рождения крупнейшего американского поэта Уолта Уитмэна отмечалась в этом году как «День мира». В городе Кэмдене, штата Нью-Джерси, на могиле поэта собрались писатели, художники, рабочие, фермеры, студенты, старики и дети — негры и белые.

Вот стоит женщина, убеленная сединой, но с молодым блеском в глазах. Ее знают все присутствующие, вся трудовая Америка. Это ветеран американского рабочего движения 88-летняя «матушка» Блур. Она рассказывает о своих встречах с Уолтом Уитмэном, о том, как он любил детей, цветы, как мечтал о свободной и счастливой жизни для своего народа.

Когда у железной ограды могилы были положены венки от местной организации компартии, от «Международного рабочего ордена» и других обществ и организаций, Блур задумчиво сказала:

— Это хорошо.. Уитмэн ненавидел железные решетки тюрем. Он боролся против них своим стихом так же, как боролся старый Джин Дебс, как борется сегодня Юджин Деннис...

Рядом с «матушкой» Блур стоял молодой человек в очках. Его знает и любит вся Америка, его знают и далеко за ее пределами, как пламенного борца за мир и свободу. Это был Говард Фаст. Через несколько дней после митинга он был брошен в тюрьму за свою смелую, мужественную борьбу против поджигателей войны.

«В эти дни,— писал Говард Фаст накануне своего ареста,— в Америке политических узников становится все больше — это говорит о том, что в нашей стране господствует террор холодной войны ... Судебные органы превратились в открытые, лишенные всякого стыда инструменты фашизма, а само слово «правосудие» звучит насмешкой в сегодняшней Америке...»

Участники митинга в торжественном молчании прослушали стихи, которые читались у могилы Уитмэна. Это были стихи самого Уитмэна, стихи турецкого поэта Назима Хикмета и чилийского поэта Пабло Неруды.

Потом выступил Говард Фаст. Он говорил о том, что три поэта, стихи которых звучали здесь, «высечены из одного и того же народного гранита... Они поют о народе, о рабочих, о борцах за мир и счастье людей».

Throuot the world—
In China, Italy, Israel, in England and Brazil, in France and Mexico, in Finland and Poland, Sweden and the Soviet Union, in Africa and India and in the United States—
Tens of millions of people of all faiths and creeds, all races are signing this appeal.
If we, the people say NO to war THERE WILL BE PEACE.

- We demand the outlawing of the atomic weapons as instruments of aggression and mass murder of peoples.
- We demand strict international control to enforce this measure.
- We believe that any government which first uses atomic weapons against any other country whatsoever will be committing a crime against humanity and should be dealt with as a war criminal.
- We call on all men and women of good will throuot the world to sign this appeal.*

Name	Address or Occupation	

Это фотоплакат из газеты «Уоркер»—боевого органа американских сторонников мира. На фотоплакате призыв: «Запретить атомную войну! Пять миллионов подписей помогут спасти миллионы жизней».

Вот еще один призыв газеты «Уоркер» («Рабочий») к американскому народу: «Ваша рука сможет запретить атомную войну! Подписывайтесь за мир!» Здесь же воспроизведен текст Стокгольмского воззвания.

У киоска Комитета борьбы за мир и запрещение атомного оружия в городе Денвер (штат Колорадо). На этом снимке вы видите жителей Денвера подписывающих Воззвание. Представители Комитета объясняют цели и задачи сбора подписей.

— Будь Уитмэн сейчас среди нас, он боролся бы за мир бок о бок с Говардом Фастом, «матушкой» Блур, Полем Робсоном, вместе со всем американским народом.

Так говорили прогрессивные американцы, расходясь после митинга у могилы своего великого национального поэта.

«Мы хотим мира»,— говорят простые люди Америки

В эти дни в профсоюзные, женские, молодежные комитеты в защиту мира, а также в редакции газет поступает много писем. Реакционная печать тщательно скрывает такие письма от своих читателей. Они появляются только на страницах немногочисленных прогрессивных газет.

Мэри Хендрикс в письме в газету «Дейли уоркер» пишет: «Читая в последние дни в газетах о возмутительной, преступной американской интервенции в Корее, я с особой ясностью осознала великое значение борьбы за мир. Мы не можем терять времени. Нужно расширить движение в защиту мира, мобилизовать массы народа против поджигателей войны».

Один американский рабочий пишет:

«Президент Трумэн с большим шумом объявил недавно о своей программе, предусматривающей «развитие» отсталых районов мира. Нападением на корейский народ, борющийся за мир и свободу, Трумэн угостил нас первой дозой своей программы. Неудивительно, что после этого люди на улицах Нью-Йорка стали еще более охотно подписывать Стокгольмское Воззвание».

Ветеран второй мировой войны Джеймс Эллисон заявляет:

«Я воевал в прошлой войне. Я хочу мира, чтобы попытаться обеспечить сносную жизнь моей семье. Мы, ветераны, знаем, что такое война, и я подписал Воззвание, желая предотвратить новую войну».

Характерна судьба одного письма, отражающего боевой дух прогрессивной молодежи, борющейся за мир. Некоторое время назад Лига рабочей молодежи Нью-Йорка отправила письмо в тюрьму, на имя генерального секретаря американской коммунистической партии Юджина Денниса. В этом письме ньюйоркская молодежь обещала Деннису собрать пять тысяч подписей под воззванием о запрещении атомной бомбы. Вскоре в тюрьму прибыло второе письмо, где сообщалось, что вместо 5 тысяч собрано 11 тысяч подписей и что в ближайшие месяцы будет собрано 250 тысяч. «Зная тягу молодежи к миру,— говорится в письме,— мы уверены, что добьемся этой цели». Как выполняется обещание, можно судить по сообщению газеты «Дейли уоркер» о том, что молодежные организации США уже собрали 200 тысяч подписей, причем свыше 100 тысяч было собрано в течение нескольких дней после опубликования приказа Трумэна об интервенции в Корее.

«Информационный центр сторонников мира», координирующий в США всю деятельность в защиту мира, решил собрать к концу сентября 5 миллионов подписей.

Борьба за мир развертывается в США в обстановке все более усиливающегося террора и репрессий. Но ни клевета, ни жестокие преследования не смогут помешать сторонникам мира продолжать свою благородную борьбу.

Из дома в дом...

Из дома в дом идет сборщик подписей под Стокгольмским Воззванием — Анна Антоновна Переверзева. Эта седовласая женщина с материнским взглядом глубоко запавших глаз — солдат великой армии неутомимых агитаторов и организаторов борьбы за мир. Товарищи и подруги доверили ей сбор подписей советских людей под нерушимой клятвой человечества: отстоять дело мира!

Она простая советская женщина. На глазах Анны Антоновны Ростов-на-Дону в годы сталинских пятилеток стал большим индустриальным центром юга России, столицей колхозного Дона. На глазах Анны Антоновны вырос Ленинский городок — благоустроенный, культурный, чистый и светлый. На ее глазах счастливый народ заселил Камышевахскую балку, место подлых расстрелов рабочих в годы царизма. Анна Антоновна видит, как растут и мужают советские люди, мирным трудом своим воздвигающие светлое здание коммунизма. И в сознании старой женщины, как в сознании всех граждан нашей страны, понятия мир и коммунизм едины и неразрывны.

Муж А. А. Переверзевой погиб в боях за свободу и независимость советской Родины. Четырнадцатилетнего сына Георгия вот тут, недалеко, на Профсоюзной улице, расстреляли фашистские оккупанты. Вдова, мать, потерявшая любимого сына, она хорошо знает, что такое война. Кому, как не ей, понятно горе женщин Кореи, Индонезии, где империалисты хотят надеть ярмо рабства на шею народов!

С этими мыслями обходит она дома своего квартала. В руках у нее текст Стокгольмского Воззвания. Анна Антоновна идет по Спартаковской улице, и все ей здесь дорого. Все создано мирным трудом народа: и школа, что виднеется вдали; и палисадники, увитые виноградом; и цветы — все эти «петушки», «зорьки», георгины, что вытянулись вдоль тротуаров; и молодые деревца, высаженные в часы отдыха; и покрытый дымкой, раскинувшийся внизу милый, родной город. Он был врагом разрушен и трудом советских людей поднят из развалин и пепла. Опоясанный голубым лампасом Дона, весь в лесах строек, Ростов стал еще красивее и уютнее.

Всюду Анна Антоновна — желанный гость, всюду перед ней широко распахиваются двери и человеческие сердца.

Дом № 8 по Спартаковской улице. Здесь живет семья рабочего-столяра Семена Ефимовича Жердева. Анну Антоновну встречает хозяйка.

— Все наши уже поставили подписи на своих предприятиях. С радостью подпишусь и я,— говорит Анна Васильевна Жердева. — Для мирного труда учила и воспитывала детей. Пусть будут прокляты те, кто хочет крови народа! Мы, сторонники мира, сильней поджигателей войны. Нам война не нужна.

Заходит Анна Антоновна к семидесятилетней пенсионерке Прасковье Петровне Кравченко.

Прасковья Петровна неторопливо прочитывает текст Воззвания и подписывает его. Дочь Лидия — учащаяся пединститута, зять Иван Яковлевич — офицер Советской Армии, дочь Антонина — домохозяйка — все они уже скрепили своей подписью этот документ.

Из дома в дом идет Анна Антоновна и повсюду встречает благородное стремление к прочному миру между народами. Велико чувство ответственности советского гражданина перед человечеством, тверда его решимость обуздать империалистических агрессоров.

— Мы на ветер слов не бросаем,— говорит Иван Николаевич Кондауров, проживающий в доме № 4 по улице имени Стачки 1902 года. — Подписать — это мало. Нужно отстаивать мир, не жалея сил.

И тут же Иван Николаевич с гордостью сообщает о своем сыне Михаиле: «Слесарь он. Встал на вахту мира. В день дает две с половиной нормы».

Под текстом Стокгольмского Воззвания Анна Антоновна читает рядом с подписями волнующие строки: «Да здравствует знаменосец мира, наш великий Сталин!», «Одобряю мирную политику партии и правительства», «Клянусь отстаивать дело мира трудом, а ежели навяжут войну, то и оружием и всеми доступными мне средствами!».

Анна Антоновна обошла все дома по Дунаевской улице, Спартаковской, Лениногорской, Коминтерновской, по улице Санко и Ванцетти. Нет в Советской стране сторонников войны! Нет и не может быть! СССР — страна социализма, а социализм — это мир, дружба между народами, большое человеческое счастье. И все люди страны социализма за мир. Перед их волей бессильны поджигатели войны.

К. ПЕТРОВ

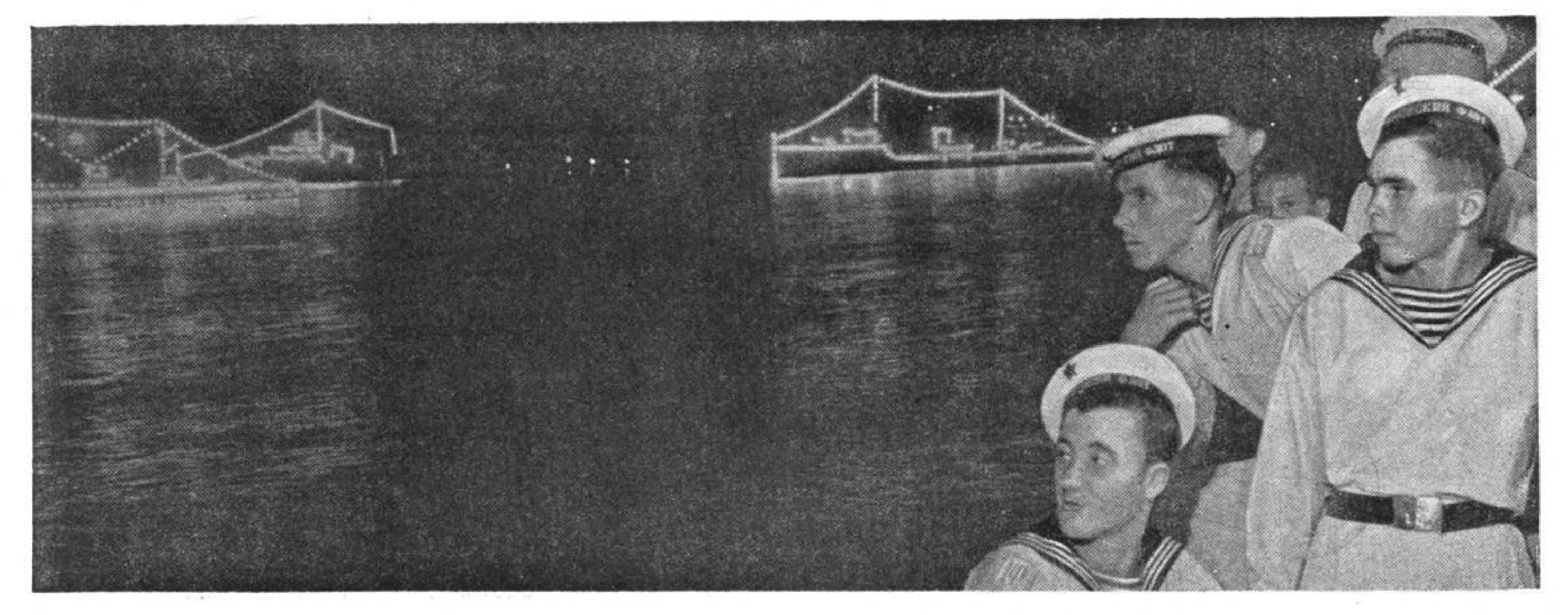

Из дома в дом переходит сборщица подписей под Стокгольмским Воззванием Анна Антоновна Переверзева.
Фото Г. Осокина

КОРОТКО

ВЫСТАВКА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ открылась в Узбекской государственной публичной библиотеке имени Навои. Здесь представлены сотни иллюстраций, заставок к изданной и выпускаемой в Узбекистане политической, научно-популярной, художественной и детской литературе. Большое место занимают работы народных художников республики В. Кайдалова и И. Икрамова.

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ человек посетили Музей В. П. Чкалова в г. Чкаловске (Горьковская область) за десять лет его существования. За истекшие годы музей значительно пополнился. В его фондах теперь больше 2300 экспонатов. Рядом с главным зданием музея оборудован павильон, где выставлен самолет В. П. Чкалова.

Празднование Дня Военно-Морского Флота СССР в Севастополе. Ночью на рейде.

Фото Ф. Кислова

Праздник на Москве-реке

Ракеты праздничного салюта дымными полосами прочертили сияющую голубизну безоблачного московского неба. С трибуной на набережной Центрального парка культуры и отдыха имени Горького поровнялся катер, открывший парад судов на Москве-реке. В столице началось празднование Дня Военно-Морского Флота СССР. Десятки тысяч людей следили за стремительным движением быстроходных катеров, бесшумно скользящими, узкими, похожими на хищных рыб клинкерами и скифами.

На сверкающей глади реки появляются морские шлюпки. На алых полотнищах надписи: «Архангельск — Москва», «Кронштадт — Москва», «Севастополь — Москва», «Астрахань — Москва». Собравшиеся аплодисментами встречают участников звездного шлюпочного перехода.

Спортсмены-моряки закончили в Москве многодневные переходы под парусом и на веслах. 25 мая вышла из Севастополя шлюпка Черноморского флота. 2915 километров осталось за ее кормой. Еще больший путь — 3250 километров — покрыли спортсмены Краснознаменной Каспийской флотилии.

В заключение праздника состоялись гонки аквапланистов, катеров, соревнования по академической гребле и плаванию.

Светофор на паровозе

Густой туман стелется по земле. Где-то вдали грохочет поезд. Машинист, выглядывая из будки, смутно видит ажурный мост и высокую мачту светофора. Он напрягает зрение, но никак не может разглядеть, какого цвета зажжен огонь. При плохой видимости сигналов составы ползут медленно, чтобы не проехать закрытый путь.

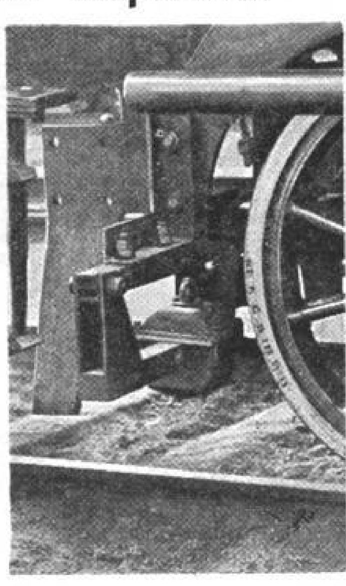
Но вот мы на паровозе, где машинист спокойно ведет поезд независимо от погоды. В его кабине установлены два небольших светофора. Сейчас на них горит зеленый свет, разрешающий движение. И можно быть уверенным, что и светофор на путях показывает то же самое.

При перемене сигнала раздается резкий свист. Светофор «требует», чтобы на него обратили внимание. Машинист нажимает рычаг, иначе через несколько секунд поезд автоматически остановится.

Кто предупреждает о сигнале, который горит вдали?

Это делает автомат, сконструированный сотрудниками лаборатории централизации Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта.

Возле полевого светофора находится мотор. По рельсам, как по проводам, он передает электрические сигналы: три точки обозначают зеленый, две — желтый, одна — красный свет.

Приемник локомотива, улавливающий «телеграммы» автомата, который сообщает сигналы светофора.

«Телеграммы» попадают в приемник на паровозе и здесь преобразуются в огни.

Паровозный светофор облегчает труд машиниста. Когда слепит солнце, в туман или метель автомат помогает ориентироваться, подобно прибору, который служит летчику, совершающему слепой полет.

Я. КОРШ

ГОСТИ ИЗ СТАНИСЛАВА

— Рочестер, — несколько раз повторяет невысокого роста крестьянин в темной блузе. — Рочестер, это я хорошо помню...

Закурив папиросу, он продолжает:

— У нас дома, в селе Верхнем, дела шли погано, никто не надеялся их поправить. И вот отец уехал в Америку, а нас, шестерых детей с матерью, оставил. Сказал, что накопит доллары, и тогда заживем. Отец попал в Рочестер, так назывался этот американский город. Там отец бедствовал несколько лет, а потом в Верхнее пришло извещение о его смерти.

В селе Верхнем ничего не менялось. Семья умершего в Америке Михаила Мельника продолжала нищенствовать. Когда сын Иван подрос, мать сказала, что нужно и ему поехать искать хлеба, только не в Америку. Иван отправился с эшелоном земляков во Францию. Вербовщик сдал их на угольные копи, близ Лилля. Там жизнь была несладкая. Иван захворал, и его отправили домой. Кто знает, куда довелось бы поехать затем сыну Ивана, если бы Советская Армия не принесла освобождение Западной Украине...

Теперь Иван Мельник — председатель молодого колхоза в том самом селе Верхнем, Станиславской области, откуда люди всегда убегали искать по свету кусок хлеба. Неузнаваемой стала жизнь в этом селе, крестьяне познали счастье, принесенное им социалистическим строем.

Сейчас колхозники думают о том, как еще лучше поставить свое хозяйство. Вот они и направили делегатов на Харьковщину, чтобы почерпнуть здесь передовой опыт прославленных сельскохозяйственных артелей.

Прежде всего в Харькове им показали, как с конвейера сходят новые тракторы, а на другом заводе они видели сборку молотилок. Все это было очень интересно. Подобные машины они встречали на колхозных полях.

Мы застали гостей на станции Лозовой. Вечером комнаты маленькой гостиницы наполнились веселым говором. Во дворе стоял большой автобус, в котором делегация совершала свое путешествие по селам района.

Особенно интересовались станиславцы укрупнением колхозов: им предстоит заняться этим и у себя дома. Когда молоденькая крестьянка в белой кофточке с широкими вышитыми рукавами и узенькими оборками возле кисти восхищалась мощным трактором «С-80», один из ее земляков сказал:

— И у нас все это будет, дочка, только для такой техники нужно большое хозяйство. Нам надо поступить так, как поступили здешние люди.

Группа колхозников Станиславской области. В центре — Иван Мельник.

Фото О. Кнорринга

Много нового увидели гости на полях Харьковщины. Колхозники приглашали их к себе в квартиры, рассказывали о доходах, бюджете, воспитании детей.

— Все мы из одной советской семьи, — говорили им. — У вас лучше пойдут дела — и нам радость!

З. АБРАМОВ

Замечания по поводу...

Дипломатический язык

Один из буржуазных дипломатов ООН заявил, что ругаться можно, однако ругань должна быть произнесена дипломатическим языком. Я представляю это, к примеру, так:

Когда в ООН почтенный мистер Трумэн
Свои ступни
при всех кладет на стол,
Не говори, что он безумен,
Скажи:
умен, как Форрестол!

А. Безыменский

Пой, Прибалтика советская!

Из края в край, словно реки, льются звонкие песни. Будто цветущие сады, улицы городов и сел, расцвеченные флагами, запруженные тысячами людей в национальных костюмах. Ликуют, веселятся на зеленом Певческом поле в Таллине, на берегу Даугавы, и в древнем Вильнюсе. Неповторимо красочен этот праздник народов советской Прибалтики, ставший праздником всех народов нашей страны.

Посланцы братских советских республик прибыли сюда, на берега Балтики, чтобы вместе, в дружной семье, отметить десятилетие Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Они сидят в залах, где идут торжественные заседания, посвященные знаменательному дню. Люди различных национальностей, спаянные великой силой советского патриотизма, в едином порыве подымаются с мест и бурно аплодируют, когда заканчивается чтение приветствий республикам от Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б). Так было и в Риге, и в Вильнюсе, и в Таллине.

В любом уголке трех республик в эти праздничные дни люди еще и еще раз словом и делом подтверждали: «Мы навеки сплочены вокруг Коммунистической партии, Советского правительства, родного Сталина. Спасибо советской власти, великому русскому народу, открывшим нам новую, светлую страницу нашей жизни».

Этими мыслями и чувствами проникнута каждая строка писем прибалтийских народов к товарищу И. В. Сталину.

«Нет больше буржуазной Латвии — жалкой марионетки в руках крупных империалистов, какой была Латвия до 1940 года, а есть свободная, Советская Латвия — равная среди равных республик многонационального Советского Союза».

Так пишут латыши.

«Вы — кормчий, Ваша мудрость нам открыла
Пути к победам в битвах и трудах.
Вы с нами, — и мужает наша сила,
И зреет тучный колос на полях».

Так пишут литовцы.

«Осуществилась заветная мечта эстонского народа — он сбросил с себя ярмо угнетения и эксплуатации и обрел свободу, независимость и национальную государственность».

Так пишут эстонцы.

В письмах товарищу И. В. Сталину народы Прибалтики с радостью сообщают о больших успехах, достигнутых ими во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Дыхание новой жизни доносится отовсюду: с заводов, лесов новостроек, полей молодых колхозов, из лабораторий, научных институтов.

Парады войск и демонстрации трудящихся состоялись в столицах всех прибалтийских республик. Люди шли с плакатами, на которых были начертаны слова, по-особому волнующие сейчас советских граждан:

— Мир миру! Обуздать поджигателей войны!

А вечером начались традиционные певческие праздники. Латыши, литовцы, эстонцы в прекрасных песнях своих славили Родину, великого Сталина.

ДРУЖБА ХЛОПКОРОБОВ ДВУХ РЕСПУБЛИК

Многолетняя дружба связывает хлопкоробов двух братских республик: Узбекистана и Азербайджана. Три года назад звеньевая колхоза «1 Мая», Карягинского района, Азербайджанской ССР, Шамама Гасанова обратилась с письмом к известному мастеру хлопка Янги-Юльского района, Узбекской ССР, Тилле Туранову с предложением вступить в социалистическое соревнование. Карягинские хлопкоробы после этого выезжали в Янги-Юль, а затем узбекские колхозники, и среди них Тилля Туранов, гостили в Азербайджане. С тех пор установился постоянный обмен опытом между узбекскими и азербайджанскими мастерами хлопковых полей.

В нынешнем году колхозные труженики двух республик вновь заключили договор о социалистическом соревновании. В Азербайджан приехала делегация из Узбекистана. В ее составе и звеньевая колхоза «Хагикат», Сыр-Дарьинского района, Герой Социалистического Труда Назира Юлдашева. Гости побывали в колхозе «1 Мая», где поздравили Шамаму Гасанову с присвоением ей второй раз звания Героя Социалистического Труда.

Ответный визит нанесли представители Азербайджана, изучавшие на полях Узбекистана опыт лучших хлопководческих бригад. Среди азербайджанских делегатов были дважды Герой Социалистического Труда Басти Багирова и Герой Социалистического Труда Сурая Керимова.

Делегаты Узбекистана на участке Шамамы Гасановой. Назира Юлдашева (третья слева) и председатель колхоза имени Юсупова, Янги-Юльского района, Д. Артынов (справа от нее) слушают рассказ Ш. Гасановой о том, как она возделывает хлопчатник.

Фото С. Кулишова

Представители Азербайджана в колхозе имени Свердлова, Средне-Чирчикского района, Ташкентской области. Слева направо: Сурая Керимова, бригадир колхоза имени Свердлова М. Утарбаева, Басти Багирова.

Фото М. Пенсона

Начались приемные испытания

Члены приемной комиссии Московского станко-инструментального института имени И. В. Сталина беседуют с поступающими в институт.

Фото А. Гостева

1 августа начинаются приемные испытания в вузах.

...Станко-инструментальный институт имени Сталина. Одним из первых сюда поступило заявление Василия Ханина — контролера ОТК завода «Строймехмонтажа». Он пришел на завод в годы войны, окончив перед этим всего шесть классов. В дальнейшем он получил среднее образование в вечерней школе рабочей молодежи. Четыре года Ханин работал токарем. Освоив эту профессию, он начал обслуживать два станка. Инициативный рабочий смастерил специальное приспособление, которое позволило ему на каждом станке обрабатывать четыре подшипника вместо одного.

В. Ханин увлекся совершенствованием заводского оборудования. Он поступает в Станко-инструментальный институт, чтобы научиться самому создавать новые машины.

В этот институт будет принято 350 человек. Уже зачислены 60 медалистов.

Михаил Косырев пишет в своем заявлении: «Мои родители погибли в годы войны. Меня воспитало государство. Я жил в детском доме, окончил 10 классов школы и вступил в комсомол. Теперь близка к осуществлению моя мечта — я поступаю в институт».

Приемные экзамены начнутся в 864 вузах страны. Всего будет принято около 330 тысяч студентов, — это самый большой набор за время существования высшей школы в нашей стране.

Открываются новые высшие учебные заведения. В Азербайджане создается Политехнический институт, в Благовещенске — Сельскохозяйственный институт. Медицинские институты начинают работать: в Караганде (это будет двадцать четвертый вуз Казахстана), в Рязани — на родине великого Павлова, в Риге.

Соревнование сильнейших

Новые рекорды Н. Попова и Е. Васильевой

Закончились соревнования сильнейших легкоатлетов страны. Несмотря на неблагоприятные условия погоды, некоторым спортсменам удалось достичь прекрасных результатов.

Прежде всего хочется сказать о стайере (бегун на длинные дистанции) Никифоре Попове. Он находится сейчас в хорошей спортивной форме и, несмотря на сильное соперничество, выиграл бег на 5 тысяч метров.

Спустя несколько дней Н. Попов, хорошо распределив свои силы в беге на 10 километров, не только оказался победителем, но и добился нового всесоюзного рекорда. Он пробежал дистанцию за 30 минут 26,8 секунды — это на 8 с лишним секунд лучше рекорда Ф. Ванина, установленного много лет назад. Феодосий Ванин, который с секундомером в руке следил за бегом своего соперника, после финиша первым поздравил Попова с новым достижением.

Непрерывно улучшает свои результаты Л. Щербаков. Он сравнительно недавно перекрыл европейский и всесоюзный рекорд в тройном прыжке, а теперь достиг нового успеха, прыгнув на 15 метров 70 сантиметров.

Евдокия Васильева еще раз блеснула великолепной техникой и установила новый мировой рекорд в беге на 800 метров.

Е. Васильева со своей дочерью Светланой после установления мирового рекорда.

Фото А. Бурдукова

Очень интересно прошло соревнование сильнейших сборных команд в эстафетном беге 4 × 100 метров. Победительницей оказалась «Сборная СССР» в составе В. Сухарева, Короева, Санадзе, Каракулова. Команда повторила всесоюзное достижение: 400 метров спортсмены пробежали за 41,6 секунды.

Приз памяти братьев Знаменских в беге на 1500 метров оспаривали сильнейшие «средневики» страны. В напряженной борьбе соревнование выиграл представитель общества «Калев» (Таллин) Э. Веетыусме.

В южной Родезии

(Путевые заметки)

Д. АФАНАСЬЕВ

«Река смерти»

Ясным и знойным днем мы подъехали к реке Лимпопо, отделяющей Южно-Африканский союз — доминион Великобритании — от ее колониальных владений. В воздухе царила дремотная тишина, изредка прерываемая резкими криками обезьян в прибрежных кустах. Под палящими лучами солнца Лимпопо лениво перекатывала свои зеленоватые воды.

Пока мои спутники выполняли на таможне необходимые формальности, я поднялся на мост, пересекающий реку, и, облокотившись на перила, стал смотреть вдаль. Неподалеку от меня стоял, попыхивая трубкой, английский чиновник.

— Вы здесь впервые, сэр? — спросил он меня.

— Да, впервые.

— Сразу заметно, — снисходительно промолвил англичанин и пояснил: — Бывалые путники предпочитают появляться у нас к исходу дня, сумерками.

— Почему?

— О, тогда здесь можно увидеть захватывающие картины!..

И он рассказал о том, что почти каждый вечер, не говоря уже о ночи, десятки и сотни негров с того берега, из Южной Родезии, тайком перебираются через Лимпопо в тщетной надежде обрести достойное человека существование в других районах Африки.

В воде беглецов подкарауливают крокодилы, которые водятся в реке. И на глазах проезжих джентльменов и таможенников, любителей острых ощущений, крокодилы нередко разрывают людей на части.

— О, это незабываемые сцены! — с неожиданной для своего флегматичного облика живостью воскликнул англичанин. Сплюнув в воду, он добавил с явным оттенком гордости: — Поверьте, сэр, такого театра, как Лимпопо, нет больше нигде в мире. Недаром черные зовут ее рекой смерти...

То, что мы увидели в дальнейшем собственными глазами, объяснило нам, почему коренное население «опекаемых» Британией территорий, пытаясь вырваться из колониального ада, не страшится даже «реки смерти».

Цена «английской цивилизации»

Недалеко от Булавайо, второго по величине города Южной Родезии, похоронен Сесиль Родс, авантюрист и убийца, обманом и насилием, железом и кровью проложивший путь английскому империализму в богатейшие края Африки. За это благодарные дельцы из Сити причислили его чуть ли не к лику святых.

Его свинцовый гроб покоится в скале, венчающей ту самую возвышенность, на которой, по требованию Родса, был подписан акт о капитуляции доверчивых и безоружных негритянских племен перед свирепыми и алчными завоевателями. С тех пор прошло более шестидесяти лет. И все эти годы не принесли коренному населению Южной Родезии ничего, кроме невообразимой нищеты и неслыханных страданий.

Раньше, до своего перехода под сень «английской цивилизации», многочисленные племена банту, населяющие Южную Африку, имели по крайней мере свою землю, которая давала им хлеб насущный. Теперь земли у них нет. За англичанами закреплено здесь девятнадцать миллионов гектаров лучших земель. Негритянскому населению «оставлено» одиннадцать миллионов гектаров, в основном бесплодных, выжженных солнцем каменистых клочков. А англичане составляют в стране менее пяти процентов населения...

Раньше, до вторжения английских рабовладельцев, коренные жители этих краев имели свою национальную культуру, полную самобытной непосредственности и свежести. Сейчас потомки Сесиля Родса принимают самые жестокие меры к тому, чтобы погасить в своих колониальных рабах малейшие проблески национального самосознания.

Что же касается «европейской культуры», то заботами английских колонизаторов она представлена здесь прежде всего такой разновидностью хваленой капиталистической цивилизации, как венерические болезни, о которых в Родезии прежде и не ведали.

Нарочито стараясь затормозить исторический прогресс подвластных народов, английские колонизаторы в то же время планомерно и организованно расхищают их национальные богатства. Они делают это вполне «современными» методами, по последнему слову техники колониальной эксплуатации.

Золотые плоды

Дорога пролегает сквозь густые заросли колючего кустарника. То там, то здесь над кустами маячат причудливые головы жирафов, снисходительно взирающих с высоты своего величия на мир. И вот мы в городе Солсбери, столице Южной Родезии.

Кокетливые коттеджи, чистенькие улицы и пышная зелень делают этот город похожим на какое-то скопище помещичьих усадеб. Да это и есть одно огромное поместье рабовладельческого типа. Живут здесь, разумеется, только господа, только сиятельные джентльмены белой расы. Обслуживающим их неграм отведены зловонные трущобы на задворках, вне пределов города.

С одним из представителей «избранной расы» мы разговорились в гостинице. Он сказал нам, указывая на цветущие за окнами джекоранды — высокие деревья, покрывающиеся весной, в сентябре—октябре, яркими цветами:

— Обратите внимание, господа, на эти великолепные букеты, воздвигнутые самой природой на улицах нашей столицы. Это — само олицетворение весны, чудесной африканской весны, которая вечно царит на благословенной земле Южной Родезии!

Для точности надо сказать, что наш случайный собеседник оказался владельцем плантации в каких-нибудь три с половиной тысячи гектаров. Он должен был скорее говорить не о весне, а об осени. Той самой обильной, полной золотых стерлинговых плодов осени, которая, действительно, непрерывно царит для подобных ему людей в английских колониальных дебрях под скипетром «социалистического» правительства его величества короля Британии.

Недра Южной Родезии таят громадные богатства. Здесь есть золото и хромовая руда, асбест, уголь и многое другое. На земле Южной Родезии, превосходящей по своим размерам более чем в три раза территорию Англии, растут маис, чай, табак, цитрусы, пасутся огромные стада скота. И все это почти даром получают в свое полное распоряжение английские колонизаторы. Почти даром, ибо тяжелый, подневольный труд местного населения оплачивается так мизерно, что расходы на него можно и не принимать в расчет.

Фирма «У. Д. и Х. О. Уилс» выплачивает от своих щедрот рабочим табачной фабрики в Солсбери... семь шиллингов и семь пенсов в месяц, да и то лишь при очень высокой выработке. На цитрусовых плантациях в Мазойэ негры, работая от восхода до захода солнца, получают десять шиллингов в месяц. Фактически это заработок целой семьи: компания снисходительно разрешает семьям рабочих проживать на ее земле при условии... если все члены семьи будут работать бесплатно не менее шести месяцев в году.

Рабочий-англичанин зарабатывает на заводах Южной Родезии до четырехсот пятидесяти фунтов стерлингов в год. Самый высокий годовой заработок негра — пятнадцать фунтов. А так как основу всей здешней экономики составляет «черный труд черных людей», то английские капиталисты и помещики пожинают несметные прибыли. Вот один пример: себестоимость добычи тонны угля на шахтах «Уэнки кольери компани лимитед» в Южной Родезии составляет шесть пенсов, а продажная цена — десять шиллингов девять пенсов. Две тысячи процентов прибыли!

Не удивительно, что такие баснословные барыши настраивают колониальных рабовладельцев на лирический лад. Для них южноафриканская жизнь — поистине вечная весна, сущий рай земной.

Это и есть каторга

Природа Южной Африки необычайно богата красками. Здесь лазурное небо, пышная растительность, яркие по оперению птицы, причудливые животные.

И на фоне этой буйной и щедрой природы— изможденный, вечно голодный негр, угрюмо отводящий страдальческий взор от колючего взгляда белого человека, в котором он привык видеть беспощадного хозяина, погонщика, палача. Каторга, самая бесчеловечная и жестокая, — удел негритянского населения Родезии.

Мы спускаемся в шахту близ Умтали, где добывают золото. Забои тускло освещены огарками свечей. Несмотря на то, что рабочим приходится иметь дело с твердой горной породой, у них нет даже рукавиц, ходят они босиком, вместо одежды на них мешки с дырами для головы и рук. Никакой техники — самые примитивные орудия труда. Никаких, даже элементарных мер безопасности — смерть подкарауливает шахтера на каждом шагу.

И негры, надрываясь, выбиваясь из последних сил, волокут вагонетки с углем, чуть ли не голыми руками вгрызаются в кремнистую породу. По двенадцать, четырнадцать, а то и шестнадцать часов в зной и духоту тысячи других негров обрабатывают плантации.

Когда же, шатаясь от усталости, негр возвращается домой, его ждут голые нары, расположенные друг над другом в три яруса. Общежития для негритянских рабочих, так называемые компаунды, напоминают концлагери. Они обнесены заборами, опутанными колючей проволокой. За порядком здесь следит полиция. Даже в нерабочее время обитатели компаундов не могут выйти за ограду без специального разрешения.

— Да и к чему им выходить? — с простодушным цинизмом воскликнул какой-то колониальный административный чин. — Все, что требуется для спокойной, довольной жизни, негры имеют на месте, в компаундах. Наши промышленники не жалеют средств для этого...

Что имел в виду чиновник под «довольной жизнью», сказать трудно. Может быть, милимили — безвкусную, малопитательную кукурузную кашу, единственное блюдо измученных негритянских рабочих? По крайней мере, наш собеседник уверял, что туземцы «предпочитают» это жалкое варево сахару, хлебу и фруктам и многому другому, что потребляют «белые господа».

«Никакой жалости»

Когда впервые попадаешь в крооль — так именуются в Южной Африке деревни, — просто диву даешься, как, собственно, живут здесь люди. Круглые хижины, сплетенные из травы, без окон, с земляным полом. В хижинах голо и пусто, если не считать убогой глиняной утвари или выдолбленных тыкв.

Смерть — частый гость в жилище туземца. Недоедание и безысходная нужда превращают районы, отведенные колонизаторами для негров, — так называемые резервации — в очаги непроходящих эпидемий. Тут почти не встретишь ребенка, глаза которого не гноились бы. Люди чахнут и безвременно гибнут здесь тысячами.

Медицинская помощь? Если ее нет для негров на шахтах и рудниках, фабриках и заводах, то чего же ждать жителям резерваций! «Медицина» представлена в дебрях английских колоний колдунами и знахарями. Мы беседовали с одним из этих «ученых мужей», пользующихся благосклонным покровительством колониальной администрации, которая снабжает их даже специальными аттестатами, дающими право на «врачебную практику».

Воровато отводя глаза в сторону, жирный старик, распространяющий далеко вокруг себя запах спиртного, рассказал нам, что своих клиентов он лечит различными сушеными травами. Это бы еще куда ни шло, но из дальнейшей беседы выяснилось, что он больше всего занимается «отпугиванием» болезни и для этого является к больным одетым в воинственный наряд из звериных шкур. Набивая себе цену, колдун, прежде чем приступить к лечебным манипуляциям, долго гадает на костях, определяя шансы больного на выздоровление.

Впрочем, в отношении стяжательства этот «врачеватель» стоит вполне на уровне своих английских колониальных коллег: он требует быка за один сеанс «лечения».

В английских колониях официально нет рабства. Но фактически оно существует. Рабство порождается искусственно создаваемой нуждой, непомерными налогами.

— К нашему народу нет никакой жалости, — с горечью говорил нам один из обитателей резерваций, седой, изможденный негр, с которым мы случайно разговорились на дороге, поджидая, пока починят автомобиль. — Нас, как скот, гонят на работы, когда это нужно белым господам...

И в самом деле, как только колониальной администрации или предпринимателям потребуется рабочая сила, они просто отдают команду: из такого-то района прислать столько-то голов, из другого — столько. Тех, кто пытается сопротивляться, сажают в тюрьму и

Негр-шахтер.

затем снова гонят на принудительную работу, лишая даже грошового заработка.

Плантатор, восхвалявший южноафриканскую весну, развивал перед нами в связи с этим целую «теорию» о том, что негры-де наивны, как дети, и «благожелательная» суровость «цивилизаторов» идет им, видите ли, только на пользу. Старая песня! Ее распевал еще Сесиль Родс, вразумляя беззащитных негров порохом и свинцом...

Колониальная «демократия»

Но XX век — не XIX. В народных массах колоний все растет и крепнет гневный протест против насилия и порабощения, зреет воля к национально-освободительной борьбе. Живительное дыхание Великого Октября донеслось и сюда, в джунгли и степи Южной Африки.

Колониальные тираны знают это. Они маневрируют. Они «преобразовали», например, Южную Родезию в так называемую самоуправляющуюся колонию.

В Солсбери вы можете увидеть здание местного парламента. Есть и собственное правительство Родезии. Под неустанным оком английского губернатора оно опекает интересы местных английских дельцов. Но все это никак не касается негров: они фактически лишены каких бы то ни было политических прав. Для участия в выборах от негра требуется не больше, не меньше, как уменье заполнить на английском языке обширную анкету, обладание собственным домом стоимостью не менее ста пятидесяти фунтов стерлингов и доходом не менее ста фунтов стерлингов в год. Естественно, что коренное население не представлено в парламенте ни одним депутатом.

На своей земле коренные обитатели Южной Родезии чувствуют себя незваными и нежелательными пришельцами. Варварская расовая дискриминация лишает их элементарных человеческих прав. Приезжая в город, негр должен предъявить специальное разрешение властей. Иначе — тюрьма. Негр не может оставаться в городе на ночь. Он должен идти только в специально отведенные для этого районы, так называемые локации. Иначе — тюрьма. Туземец — слуга европейца — не имеет права выйти из дома без письменного пропуска хозяина. Иначе — тюрьма.

И вот тысячи негров бегут куда попало из Южной Родезии по непроходимым африканским джунглям, через «реки смерти», подобные Лимпопо. Лишь с асбестовых шахт в Шебани ежедневно убегает около ста негров...

Так выглядят блага английской колониальной «демократии», которым поют хвалу с трибуны Организации Объединенных Наций «социалисты» бевинского толка.

* * *

Приведя нас к могиле Сесиля Родса и не пожалев пышных фраз для описания «подвигов» этого апостола английских колонизаторов, наш проводник вдруг неистово стал поносить «проклятых янки» — этих, как он выразился, «заносчивых типов, для которых нет ничего святого».

Из дальнейшего выяснилось, что некий бизнесмен из Нью-Йорка, посетивший место упокоения Родса, держал себя здесь непочтительно и даже вызывающе. Он отбарабанил пальцами по гробу несколько тактов из новейшего фокстрота и затем, лениво позевывая, осведомился, сколько стоит «эта штуковина» и нет ли резона препроводить ее за океан.

Взрыв возмущения английского колониального чина по адресу оборотистых сынков «дяди Сэма» объяснялся, разумеется, отнюдь не совершенным богохульством над прахом апостола британского империализма. Истоки раздражения нашего спутника глубже и прозаичнее.

На каждом шагу можно услышать в среде английских колониальных предпринимателей жалобы на вторжение американцев, наводняющих Южную Родезию дрянными товарами, дешевизна которых выгодна лишь для сбывающих их дельцов. Американский капитал протягивает свои щупальца и к естественным богатствам края.

Одна из многочисленных форм проникновения Уолл-стрита в английские колонии — пресловутое «просвещение отсталых народов». Мы побывали в американской миссии близ Чипинга. Действительно, здесь есть школа, в которой за дорогую плату обучают сынков туземных вождей ремеслам, а дочерей — искусству прислуживать европейцам. Но попутно эти культуртрегеры уоллстритовского пошиба успели уже прибрать к рукам тридцать тысяч акров плодородной земли. Как говорится: «Богу — богово, кесарю — кесарево»...

Борьба между английскими и американскими «опекунами» Родезии отнюдь не ведет к облегчению положения ее коренного населения. Перед лицом американской конкуренции англичане еще круче завинчивают пресс эксплуатации своих колониальных рабов. В конечном счете «опекаемые» расплачиваются за все непосильным трудом, истощением, массовой смертностью...

Путник покидает пределы Южной Родезии с чувством сердечной боли за горькую участь ее отзывчивых, пытливых и, несомненно, одаренных сынов и дочерей. Но эту боль смягчает сознание того, что негритянские народы южноафриканских колониальных дебрей Великобритании еще далеко не сказали своего последнего слова.

Они его скажут, в этом можно не сомневаться!

Чем больше усиливается после войны колониальный гнет, чем больше выявляются авантюристические планы англо-американских империалистов, которые хотят использовать Африку, в том числе Родезию, для создания огромной сети военных баз, — тем выше поднимается волна национально-освободительного движения по всему африканскому континенту. Борьба народа Родезии против колониального рабства переплетается с борьбой всего передового человечества за прочный демократический мир. И сюда, в эти дебри колониальной Африки, несмотря на колючую проволоку и дубинки надсмотрщиков, доносится и западает в сердце трудящегося негра громкий и ясный голос Стокгольмского Воззвания, зовущего все человечество отстоять мир, сорвать планы поджигателей войны.

ПОДАРКИ И. И. ЛЕВИТАНА

(К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Автопортрет И. И. Левитана. 1890-е годы. Публикуется впервые. Хранился в семье художника, в 1949 году принесен в дар Третьяковской галерее.

Пятьдесят лет назад — 4 августа (н. ст.) 1900 года — скончался Исаак Ильич Левитан, замечательный русский художник, сыгравший огромную роль в развитии пейзажного искусства родной страны. В историю русской живописи Левитан вошел как «чудесный художник-поэт», как «лучший русский пейзажист» (А. П. Чехов).

Левитан — один из наиболее близких и понятных народу художников. Его можно считать популярнейшим русским пейзажистом. Левитану выпало счастье услышать от зрителей, что картины его возбуждают желание «жить и работать». Нет большей награды для художника за его вдохновенный труд, чем подобные отзывы, тем более что они прозвучали в ту мрачную эпоху, когда, по словам поэта, «Победоносцев над Россией простер совиные крыла».

Вместе с тем Левитан остается одним из наименее изученных наших выдающихся мастеров кисти. До сих пор не существует ни одного фундаментального исследования, посвященного творческой биографии Левитана, нет и отдельных работ, в которых были бы освещены различные периоды его жизни. Не составлен сколько-нибудь полный, научно-разработанный список его произведений, вследствие чего множество подделок гуляет по свету в качестве левитановских работ. Почти совершенно отсутствуют в печати документальные материалы о Левитане: мемуарные свидетельства о нем наперечет, их наберется не более пяти — шести, а изданные письма его исчисляются единицами. Личный архив Левитана погиб, а в нем одних только писем А. П. Чехова должно было быть не менее ста, но зато в советских архивохранилищах находятся десятки писем самого художника, в которых имеются интереснейшие его высказывания по самым разнообразным вопросам культуры и искусства.

Что же касается творческого наследия художника, то в лучшем случае мы знаем лишь основные, наиболее прославленные его полотна. Между тем у Левитана есть много работ, неизвестных широким кругам советского народа, и работ первоклассных. Часть их обнаружена лишь в последние годы и никогда в печати не воспроизводилась.

Задача настоящей статьи — познакомить читателя с некоторыми из неизвестных совсем или малоизвестных произведений Левитана, с теми из них, которые вводят нас в круг его житейских отношений. Мы имеем в виду произведения, подаренные им людям, которых он очень уважал или с которыми его связывала тесная дружба. Эти этюды и картины во многом дополняют творческий облик Левитана. Кроме того неизданные документальные материалы (письма самого Левитана и отрывки из переписки его друзей) дали нам возможность обрисовать обстановку, в которой протекала его работа над этими произведениями.

Вдали видны заснеженные вершины Альп, весеннее солнце играет на горных склонах. Возле зеленого холма приютился небольшой домик, вокруг домика миндаль в цвету. Весь этюд пронизан жизнерадостностью; тонко передано очарование цветущего миндаля. Слева внизу скромная надпись: **«И. Левитан М. Н. Ермоловой».**

Когда, по какому случаю сделан был этот подарок? Ни в документальных свидетельствах о замечательном художнике, ни в литературе, посвященной великой актрисе, ответа на этот вопрос мы не нашли. Ничего не могла сообщить по этому поводу и дочь Ермоловой — Маргарита Николаевна. Тем не менее косвенные данные позволяют ответить на поставленный нами вопрос.

Подарок был сделан Левитаном в январе 1890 года, в день двадцатилетнего юбилея М. Н. Ермоловой. Передовые круги тогдашней Москвы готовились отпраздновать славную годовщину. Малый театр подготовлял торжественный спектакль — «Федру» Расина, с юбиляршей в заглавной роли, а после спектакля должно было состояться чествование.

С Малым театром Левитан, как и Чехов, был связан через выдающегося артиста и режиссера А. П. Ленского. Ленский, человек чрезвычайно разносторонней культуры, любил изобразительное искусство, сам с увлечением рисовал и лепил, нередко писал эскизы декораций и костюмов. Отсюда его дружеские отношения и частые встречи в те годы с Левитаном.

Сохранилось письмо Чехова к А. П. Ленскому, написанное за три месяца до юбилея Ермоловой, в котором он упоминает о Левитане, работавшем в то время под Москвой: «Когда выпадет снег, не поехать ли нам вместе к Левитану?» (письмо от 2 ноября 1889 года). Левитан не любил писать портретов, исключения он делал лишь для друзей, и в числе тех, чьи портреты были исполнены Левитаном, находился и Ленский (ныне этот портрет хранится в Рижском музее).

Ленский, «душа Малого театра», как его называла Ермолова, принимал самое горячее участие в организации юбилея великой актрисы. Он играл с Ермоловой в самом спектакле, исполняя роль Терамена, воспитателя Ипполита. С полным основанием можно предположить, что в одну из встреч с Ленским в январе 1890 года художник и попросил его передать Ермоловой этюд «Весна в Альпах».

Этот период жизни Левитана был расцветом его творческих сил. О картинах, выставленных художником в 1889 году на Передвижной выставке и на Периодической выставке Московского общества любителей художеств, Сергей Глаголь, автор посвященной Левитану монографии, говорит: «Картины имели огромный успех у художников и у публики, и Левитан впервые достигает всеобщего признания и становится первым пейзажистом России».

Следует отметить, что одним из самых любимых художников Ермоловой был именно Левитан.

Постараемся ответить на законный вопрос, который, естественно, может возникнуть у читателя: почему Левитан подарил Ермоловой именно этюд Альп? Было ли это случайно или в этом подарке заключен определенный смысл? «Сижу у окна и смотрю на Монблан. Величаво до трепета»,— писал Левитан Чехову из Италии во время следующей поездки туда. В другом письме, написанном в те же дни Е. А. Карзинкиной, мы находим такие строки: «Сижу теперь у подножья Монблана и трепещу от восторга! Высоко, далеко, прекрасно! Взобравшись на вершину Монблана, уже можно рукой коснуться неба!» И, наконец, в третьем письме, посланном тому же адресату: «Немного пишу. Из головы не выходят снега и ледники. Это удивительные сюжеты! Недаром греки населили снежную гору Олимп богами. Да, там только и может обитать бессмертие». Это значит, что Левитан мог подарить Ермоловой этот этюд с определенным внутренним смыслом; быть может, подарком своим Левитан хотел сказать, что и ей, великой актрисе, предстоит бессмертие...

Этюд «Весна в Альпах», исполненный Левитаном в 1889 году в Италии во время первой поездки за границу, сам художник очень ценил. На основе этого этюда им была написана картина, которую он показал в 1890 году на выставке Московского общества любителей художеств. Картина была приобретена П. М. Третьяковым, и ныне она демонстрируется в Левитановском зале Третьяковской галереи. Этюд же после смерти М. Н. Ермоловой поступил в коллекцию Е. В. Гельцер.

* * *

Следующий подарок Левитана вводит нас в круг высококультурной, одаренной молодежи, которая группировалась в девяностых годах в Москве около А. П. Чехова. Подарок этот — превосходный этюд осеннего пейзажа, исполненный художником в 1891 году в Покровском, имении Н. П. Панафидина в Тверской губернии. Слева внизу на этюде надпись: **«И. Левитан — Л. Мизиновой на добрую память 1892 г.»**. Подарок сделан Лике Мизиновой, той самой «прекрасной Лике», которой адресованы многие десятки жизнерадостных и остроумных писем Чехова, той самой «живописной Лике», которую Чехов бесчисленное количество раз с такой теплотой упоминает в письмах к родным и друзьям.

Вот как характеризует Лидию Стахиевну Мизинову в своих воспоминаниях Т. Л. Щепкина-Куперник: «Лика была девушка необыкновенной красоты, настоящая «Царевна Лебедь» из русской сказки. Ее пепельные вьющиеся волосы, чудесные серые глаза под «соболиными» бровями, необычайная мягкость и неуловимый «шарм» в соединении с полным

И. Левитан. ВЕСНА В АЛЬПАХ.

(Из коллекции Е. В. Гельцер)

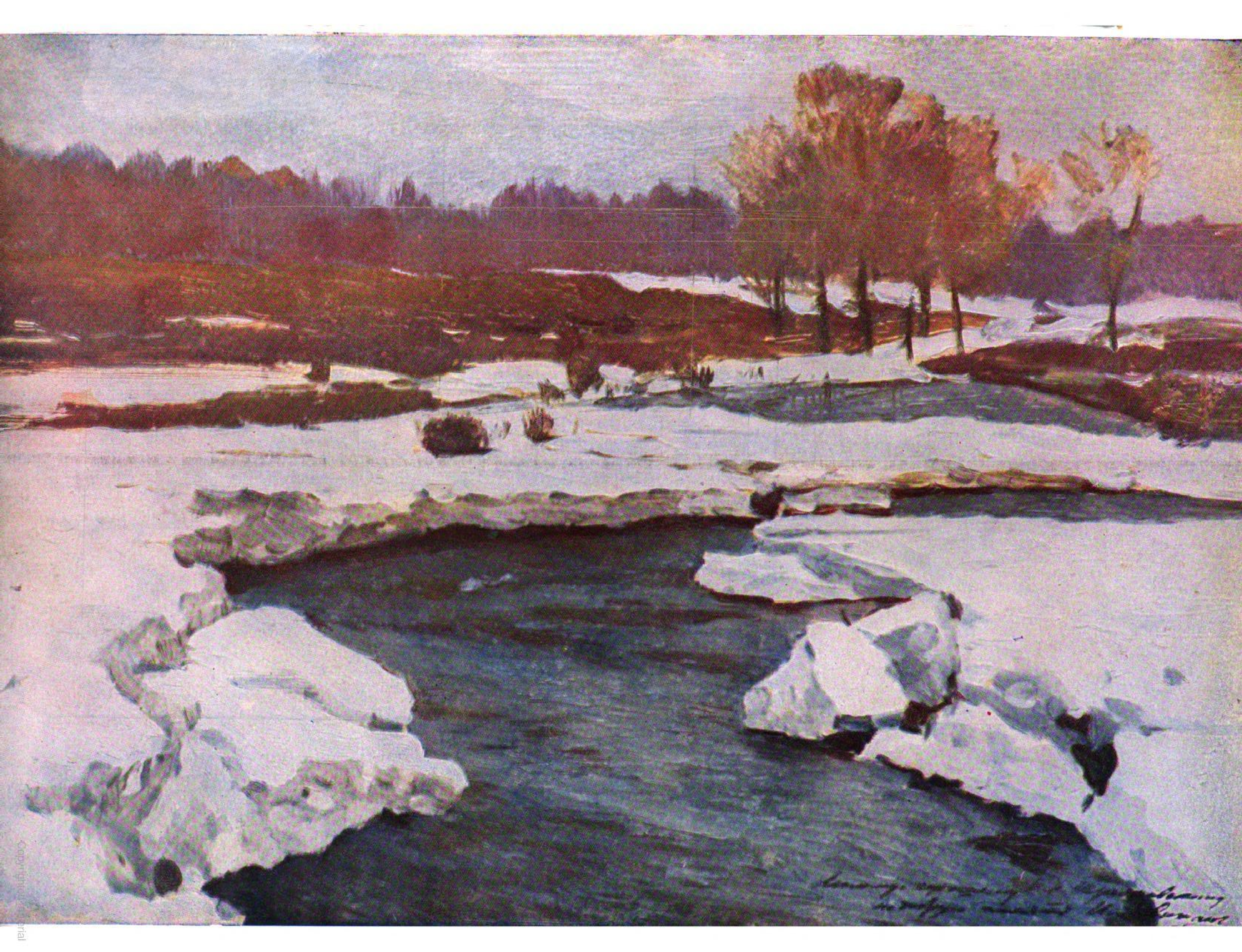
«Огонек» 1950

И. Левитан. ОСЕНЬ.

Публикуется впервые.

(Из коллекции Л. В. Москвиной)

человеку В. И. Турчаниновой — на добрую память И. Левитанъ
1894

отсутствием ломанья и почти суровой простотой — делали ее обаятельной. Но она как будто не только не понимала, как она красива, но стыдилась и обижалась, если об этом при ней с бесцеремонностью художников кто-нибудь заводил речь».

В 1891 году Л. С. Мизинова решила провести лето в Покровском у своего дяди Н. П. Панафидина, в Тверской губернии. Случилось так, что неподалеку от Покровского, близ городка Затишья, тогда же поселился и Левитан со своей приятельницей художницей Софьей Петровной Кувшинниковой. Сохранившиеся письма Левитана к Чехову, непринужденные, веселые, полные молодого задора, озорства и дружеского поддразнивания, отражают атмосферу той сердечной дружбы, которая связывала Чехова и Левитана.

Первое из этих писем художника («Затишье, 29 мая 1891 г.») начинается так: «Пишу тебе из того очаровательного уголка земли, где все, начиная с воздуха и кончая, прости господи, последней что ни на есть букашкой на земле проникнуто ею, ею, божественной Ликой! Ее еще пока нет, но она будет здесь, ибо она любит не тебя, белобрысого, а меня, волканического брюнета, и приедет только туда, где я. Больно тебе все это читать, но из любви к правде я не мог этого скрыть. Поселились мы в Тверской губернии, вблизи усадьбы Панафидина, дяди Лики».

Лето 1891 года было для Левитана периодом творческого подъема. В Затишье и в окрестностях Затишья им было сделано немало этюдов, по которым он вскоре исполнил несколько картин, а ближе к осени он, по приглашению Панафидиных, перебрался в Покровское, где в отведенном ему под мастерскую большом зале написал одну из наиболее капитальных картин — «У омута».

В одном из писем, отправленных уже из Покровского, Левитан сообщает Чехову о чтении вслух его рассказа «Счастье»: «В предыдущие мрачные дни, когда охотно сиделось дома, я внимательно прочел еще раз твои «Пестрые рассказы» и «В сумерках», и ты поразил меня, как пейзажист. Я не говорю о массе очень интересных мыслей, но пейзажи в них — верх совершенства. Например: в рассказе «Счастье» картины степи, курганов, овец — поразительны. Я вчера прочел этот рассказ вслух Софье Петровне и Лике, и они обе были в восторге. Замечаешь, какой я великодушный, читаю твои рассказы Лике и восторгаюсь! Вот где настоящая добродетель!»

В благодарность за то радушие, которое проявили к нему обитатели Покровского, Левитан сделал им несколько подарков. Прежде всего он написал портрет хозяина имения Н. П. Панафидина и подарил его ему (этот портрет хранится ныне в Калининском музее). Этюд осеннего пейзажа, понравившийся Лике, Левитан обещал подарить ей после того, как напишет на основе этого этюда картину. К весне 1892 года картину эту под названием «Осень» Левитан закончил и выставил на XX Передвижной выставке вместе с тремя другими картинами — «У омута», «Лето» и «Октябрь», задуманными и в главной своей части исполненными в благодатные месяцы пребывания в Затишье и в Покровском. Тогда же, весной 1892 года, Левитан и подарил, повидимому, свой этюд «божественной» Лике (о встречах Л. С. Мизиновой в эти месяцы с Левитаном имеются указания в ее тогдашних письмах к Чехову).

В 1920-х годах Л. С. Мизинова уступила И. М. Москвину этюд, подаренный ей Левитаном; в семье И. М. Москвина этюд этот хранится и сейчас.

* * *

Около 1890 года у Левитана обнаружились признаки болезни—ревматический порок сердца. Болезнь эта привела его к знакомству с Иваном Ивановичем Трояновским, известным в те годы врачом, специалистом по сердечным заболеваниям. Трояновский, человек прогрессивных взглядов, целиком отдался работе в лечебницах, обслуживавших московских рабочих. Он был ординатором Яузской больницы для рабочих, врачом конной железной дороги и трамвайного парка, где в общей сложности прослужил 45 лет.

Лечение рабочих было главной заботой И. И. Трояновского; единственное исключение делал он лишь для художников, в кругу которых был весьма популярен, потому что являлся страстным собирателем картин современных ему русских мастеров. Он был хорошо знаком с тогдашними московскими художниками: Поленовым, Серовым, Нестеровым, Суриковым, Остроуховым, К. Коровиным, Грабарем, — а с некоторыми из них и дружен.

Левитан, познакомившись с Трояновским, быстро подружился с ним и с его семьей, состоявшей из жены Анны Петровны и дочери Анюрки. Левитан ценил скромный уют семьи Трояновского, он любил слушать музыку в исполнении Анны Петровны, которая была превосходной пианисткой, и с интересом рассматривал новые приобретения завзятого коллекционера Ивана Ивановича — вот почему художник часто приходил в гости к Трояновским. Нередко вместе с Левитаном являлся и В. А. Серов, который с большой приязнью относился к Анне Петровне и дважды зарисовал ее.

С годами болезнь Левитана принимала все более угрожающий характер: сердечные припадки становились затяжными; оставлять его без врачебного присмотра было опасно. Трояновский самоотверженно ухаживал за больным художником и нередко целые ночи напролет просиживал у его изголовья. Они настолько подружились тогда, что перешли на «ты». Несколько раз Левитан был на краю смерти, и только внимательный уход опытного врача возвращал его к жизни.

После одного из таких тяжелых припадков, когда Трояновский несколько ночей неотступно провел у постели больного, Левитан преподнес ему замечательный этюд «Весенний ручей», который здесь приводится в цветной репродукции. Справа внизу надпись: **«Милому, хорошему И. И. Трояновскому на добрую память И. Левитан. 95 г.»**. Выдержанный в белых и серoватых тонах, «Весенний ручей» по тонкому мастерству должен быть отнесен к числу тех этюдов, которые значительно совершеннее картин, по ним написанных. «Весенний ручей» послужил отправной точкой для создания картины на ту же тему (находится она в Русском музее), но в ней уже не чувствуется того высокого вдохновения, которое отличает этюд, в ней художнику не удалось передать всю радость возрождающейся природы, виртуозно воспроизведенную им в этюде.

В семье И. И. Трояновского хранился и другой подарок художника, сделанный им в декабре 1896 года Анюрке, дочери врача, в день ее десятилетия. Левитану захотелось подарить Анюрке самый радостный этюд, и у себя в мастерской он начал перебирать этюды с натуры один за другим, покуда не набрел на тот, который действительно можно назвать радостным: голубое весеннее небо и цветущие вишни переданы с чисто левитановской сочностью и яркостью (одноцветная репродукция не передает всей прелести этой работы художника). На этюде он сделал следующую надпись: **«Милой деточке Анюрке — старый хрыч И. Левитан. 1896»**. «Старый хрыч», которому в это время было всего 35 лет, пришел в день рождения девочки поздравить ее и принес с собой в подарок этот этюд.

В памяти Анны Ивановны сохранились воспоминания о лете 1897 года, когда Левитан провел свыше недели у них на даче в «Буграх», под Малоярославцем. Там он много работал и написал несколько этюдов. С необыкновенным усердием и пытливостью Левитан изучал лунное освещение и много говорил о том, как трудно изображать лунный свет. Результаты этого изучения сказались на двух больших картинах, написанных им вскоре после пребывания в «Буграх»: «Лунная ночь. Большая дорога» и «Лунная ночь. Деревня», которые в следующем, 1898 году он показал на XXVI Передвижной выставке.

В начале 1900 года, когда Левитан снова заболел и над ним нависла угроза смерти, Трояновский ежедневно навещал больного и делал все, что было в его силах для спасения жизни художника. На руках у Трояновского Левитан и скончался.

К своему коллекционерству И. И. Трояновский до последних лет жизни (умер он в 1928 году) относился с самозабвенной страстью. В 1910 году в одном из московских журналов появилась статья «Собрание картин И. И. Трояновского», в которой сообщалось, что в нем насчитывается свыше 200 полотен кисти наиболее выдающихся современных мастеров русского искусства. Шестнадцатью картинами и этюдами был представлен Левитан; среди них такие шедевры, как «На Севере», «Заросший пруд», «Владимирка» (повторение, сделанное художником по заказу Трояновского), «Плоты» и другие. Ряд наиболее выдающихся картин своей коллекции Иван Иванович передал в Третьяковскую галерею, а после его смерти значительное их количество поступило в другие музеи нашей страны — в Русский музей и в периферийные картинные галереи.

* * *

Одним из примеров неразработанности биографии Левитана может служить следующий факт: в печатных работах о художнике мы не найдем даже упоминания о Турчаниновых, а между тем последний период его жизни связан с этой семьей самым тесным образом. Правда, документальные материалы, которые позволили бы всесторонне охарактеризовать большую и благородную роль семьи Турчаниновых в жизни и творчестве художника, находятся до сих пор под спудом; но даже то немногое, чем располагают наши архивы, свидетельствует о том, что Турчаниновы в последние годы жизни Левитана самоотверженно заботились и делали все возможное для продления его жизни.

Познакомился он с этой семьей, повидимому, в 1894 году и в этом же году провел несколько месяцев в имении Турчаниновых «Горка», расположенном на берегу озера неподалеку от станции Бологое. Анна Николаевна Турчанинова и две ее взрослые дочери создали в «Горке» самую благоприятную обстановку для творчества художника; работал он там с увлечением, какого давно уже не испытывал. «Я работаю много и еще больше читаю. В моем распоряжении огромная библиотека, где много запрещенных книг, очень интересных»,— писал Левитан отсюда Н. Н. Медынцеву 3 сентября 1894 года.

Количество картин и этюдов, выполненных им в ту пору, поистине необычайно. Пятнадцать из них он показал в декабре 1894 года на XIV Периодической выставке Московского общества любителей художеств, несколько других работ, написанных тогда же, послал весной 1895 года в Петербург на XXIII Передвижную выставку. И это, конечно, далеко не все, что было создано им во время пребывания у Турчаниновых в летние и осенние месяцы 1894 года. Так, например, ни на первой, ни на второй выставке не был показан пленительный натюрморт, изображающий букет васильков, который воспроизводится здесь впервые. На нижнем поле картины рукой художника написано: **«Сердечному, чудному человеку В. И. Турчаниновой — на добрую память И. Левитан. 1894»**.

Натюрморт, подаренный Левитаном Варваре Ивановне,— один из лучших, когда-либо созданных им. Можно не сомневаться, что и самой Анне Николаевне и ее второй дочери Левитан тогда тоже подарил свои произведения, но где они теперь — неизвестно.

Исполнены «Васильки» пастелью, особыми, сухими красками, спрессованными в виде карандашей. Пастельные краски, как никакой другой материал, обладают свойством передавать самые тонкие нюансы бархатистости, воздушности.

Впервые к пастельной живописи Левитан обратился в 1893 году. Во время же своего первого пребывания у Турчаниновых он настолько увлекся этим видом живописной техники, что из пятнадцати работ, показанных им по возвращении в Москву на выставке Общества любителей художеств, двенадцать были исполнены пастелью. Среди них натюрморты георгин, астр, колеусов, иммортелей.

Где эти произведения Левитана находятся в настоящее время, — об этом никаких данных в литературе нет; весьма возможно, что они и не сохранились, так как пастель — весьма хрупкий вид живописи, требующий самого бережного хранения. По тем же пастелям, которые дошли до нас, ясно видно, что, как правильно указывает А. А. Федоров-Давыдов,

И. Левитан. ВАСИЛЬКИ.
(Из коллекции Е. В. Гельцер.)
Публикуется впервые.

Левитан действительно достиг здесь «виртуозности в обращении с материалом, из его природных свойств он с гибкостью музыканта извлекает эмоциальную действенность».

Левитан, безусловно, был лучшим русским пастелистом. О том, до какого высокого уровня совершенства поднялся художник, можно судить по «Василькам»: от них веет необыкновенной прелестью, эти неприхотливые цветы возбуждают в зрителях воспоминания о знойном июльском полдне, бескрайнем поле ржи, в котором то там, то здесь мелькают васильки...

Никакая репродукция не в состоянии передать бархатистой трепетности картины Левитана и жизнерадостности, веющей от нее. Пастель дала возможность художнику воссоздать все оттенки голубого, синего и фиолетового, которыми переливаются васильки, когда они собраны в букет. Любовью к жизни и к дарам ее проникнута эта картина. Только большой художник мог с такой правдивостью и таким восхищением воспроизвести на листе бумаги простые полевые цветы. (Ныне «Васильки» находятся в коллекции Е. В. Гельцер.)

В 1895 году, в первых числах мая, Левитан уже снова был в имении Турчаниновых. Но на этот раз пребывание его в «Горке» не дало тех результатов, которых он достиг в первый свой приезд. Жизнь его у Турчаниновых в 1895 году ознаменовалась трагическим происшествием: Левитан покушался на самоубийство.

Художнику, который так ценил жизнь, который с таким душевным трепетом говорил о «бесконечной красоте окружающего» и о своей «безумной» любви к искусству, были свойственны приступы отчаяния и депрессии. Нередко вызывались они тяжелой болезнью, иногда являлись результатом личных переживаний, но чаще всего их причиной бывала победоносцевская «гнусная расейская действительность».

Какие именно обстоятельства привели Левитана к попытке самоубийства, из-за отсутствия точных данных сказать невозможно.

Большое внимание проявила к художнику в эту тяжелую пору Анна Николаевна Турчанинова. В архиве А. П. Чехова сохранилось письмо, в котором она сообщала Антону Павловичу о трагическом происшествии и просила его приехать навестить Левитана. «В минуту отчаяния он желал покончить с жизнью, 21-го июня, — писала Турчанинова. — К счастью его удалось спасти. Теперь рана уже не опасна, но за Левитаном необходим тщательный, сердечный и дружеский уход. Зная, из разговоров, как Вы дружны и близки Левитану, я решилась написать Вам, прося немедленно приехать к больному. От Вашего приезда зависит жизнь человека: Вы один можете спасти его и вывести из полного равнодушия к жизни».

Чехов, который в это время отдыхал в Мелихове, немедленно собрался к Турчаниновым. Оттуда он писал одному из друзей: «Вызвали меня сюда к больному. Вернусь я домой, вероятно, дней через 5, но если напишете мне, то я успею получить. Имение Турчаниновой. Холодно. Местность болотистая. Пахнет половцами и печенегами».

Приезд Чехова к Турчаниновым оказал на больного самое благотворное влияние. «Те несколько дней, проведенных тобою у меня, были для меня самыми покойными днями за это лето»,— писал Левитан Чехову после его отъезда. Но состояние душевной угнетенности еще долго мучило художника. В только что цитированном письме, которое было отправлено 27 июля, Левитан писал: «Вновь я захандрил и захандрил без меры и грани, захандрил до одури, до ужаса. Если бы ты знал, как скверно у меня теперь на душе. Тоска и уныние пронизали меня». Но вскоре любовь к работе, к родному искусству взяли свое, и в следующем письме, от 9 августа, Левитан извещал Чехова: «Я начал работать и работаю такой сюжет, который можно упустить. Я пишу цветущие лилии, которые уже к концу идут». В ответ на обещание Чехова приехать в «Горку» в середине августа Левитан писал ему в том же письме: «Не говорю уже обо мне,— все горские с нетерпением ожидают тебя. Этакий крокодил, в три дня очаровал всех! Варя просила написать, что соскучились они все без тебя. Завидую адски».

Всего несколько лет тому назад в Ленинграде сохранялась целая связка писем художника к А. Н. Турчаниновой; нынешняя судьба этих ценных для биографии Левитана писем неизвестна. Тем большее значение приобретает сохранившаяся в рукописном отделе Третьяковской галереи копия одного из них. Письмо датировано 24 января 1899 года и написано по возвращении из Петербурга, куда Левитан ездил на «Международную художественную выставку картин», где вместе с произведениями иностранных мастеров демонстрировались работы Серова, Репина, Васнецова, Нестерова, Поленова и Левитана.

Известно, с какой требовательностью относился Левитан к своим произведениям. Лишнее подтверждение художнической неудовлетворенности собственными творениями мы находим в следующих строках этого письма к А. Н. Турчаниновой: «По обыкновению, я, даже на выставках среднего качества, если есть мои работы, чувствую себя ужасно... Свои вещи я всегда не люблю на выставках, на этот раз они показались мне детским лепетом и я страдал чудовищно». Однако скоро наступил перелом: «Прошло два дня, которые я не выходил из выставки, и в конце концов я начал чувствовать себя очень хорошо».

Чем же объяснялась такая перемена? Левитан, которому вообще было совершенно чуждо преклонение перед иностранщиной, за эти «два дня», сравнив свои работы с произведениями западноевропейских импрессионистов и декадентов, осознал, повидимому, прогрессивность своего творческого метода. В последних строках письма к Турчаниновой он сообщает: «Хочется работать, в голове тьма всяких художественных идей. Вообще прекрасно. Пускай я телесно устал, но духом я молодею».

Через год здоровье Левитана окончательно пошатнулось, и он слег в постель. Наступили последние месяцы его жизни, месяцы борьбы со смертью. Анна Николаевна неотступно находилась при больном. В начале мая 1900 года в Москву приехал Чехов. Несколько раз он навещал Левитана. Чехов видел, что положение больного тяжелое. «Как Левитан? Меня ужасно мучает неизвестность. Если что слышали, то напишите, пожалуйста», — с тревогой спрашивал он О. Л. Книппер в письме из Ялты.

В тот самый день, 20 мая 1900 года, когда Чехов писал это письмо, Турчанинова послала ему из Москвы следующую записку: «Антон Павлович, с Вашего отъезда температура каждый день поднималась до 40, вчера 41, упадок полный. Мы совсем теряли голову. Приглашен еще доктор, который бывает по вечерам, И. И. [Трояновский] — утром. Сегодня утром температура пала до 36,6. Вздохнули мы, но к вечеру опять поднимается. Что-то будет, ужас закрадывается в душу, но я не унываю. Не верю, что не выхожу. Не могу больше писать. Анна». (К имени «Анна» рукою Чехова приписано: «Турчанинова».)

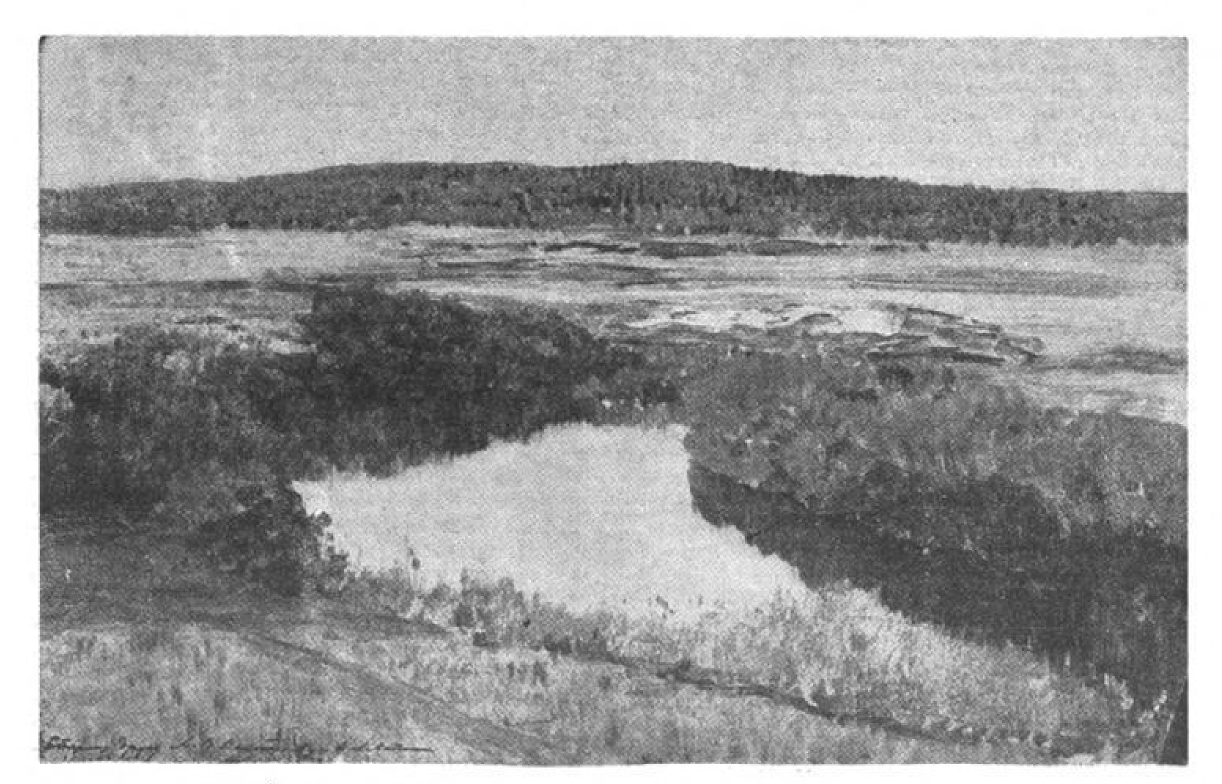
Но «выходить» Левитана Анне Николаевне не удалось: через два месяца он скончался.

В феврале 1901 года в Петербурге, в здании Академии художеств, была организована «посмертная выставка академика И. И. Левитана». На выставке было собрано свыше 140 наиболее значительных произведений художника. Выпущенный тогда каталог дает возможность установить, что на выставке находилось семь произведений Левитана, подаренных им А. Н. Турчаниновой. Вот их названия: «Терраса в сирени», «Солнечный день» (этюд), «Цветы», «Осенний этюд», «Зима» и две акварели. Где сейчас находятся эти работы — неизвестно. Два небольших натюрморта, изображающих розы, с дарственными надписями художника С. И. Турчаниновой — младшей дочери Анны Николаевны — хранятся в частных коллекциях Москвы. Без сомнения, и у старшей ее дочери — Варвары Ивановны, — кроме «Васильков», были и другие произведения художника. Судьба их тоже неизвестна.

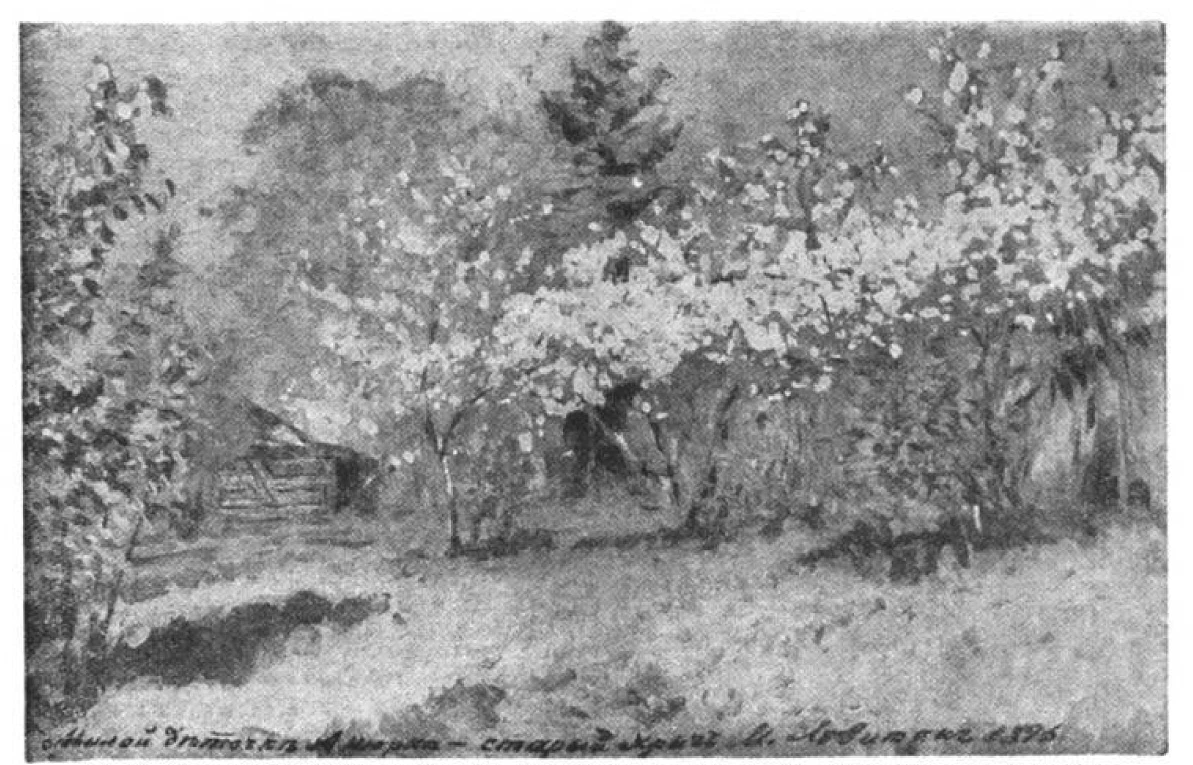
* * *

«Старому другу М. В. Нестерову — И. Левитан» — эти простые слова, написанные на этюде, подаренном незадолго до смерти одним художником другому, совсем не случайны, они заключают в себе глубокий смысл. Неизвестен другой случай, когда Левитан, даря художнику этюд, назвал бы его в дарственной надписи другом. И это вполне понятно: у Левитана вообще было немного настоящих друзей, а среди художников единственным близким и верным другом своим он считал именно Нестерова. В свою очередь, и Нестеров указал в беседе со своим биографом всего лишь двух художников, которых он считал друзьями, и на первом месте назвал Левитана. По словам Михаила Васильевича, Левитан был для него «не только прекрасным художником, — он был верным товарищем-другом, он был полноценным человеком».

Встретились они в ранней молодости, в 1878 году, в Московском училище живописи и ваяния. Почти ровесники (Левитану тогда было 17 лет, а Нестерову — 16), они вскоре подружились и навсегда сохранили эту дружбу. В своих воспоминаниях Нестеров так объясняет причины своей симпатии к Левитану: «С первых дней знакомства я любовался живым, ярким талантом его, отвечавшим мне некоторым сходством понимания смысла нашей русской природы. Мы оба по своей натуре были «лирики», мы оба любили видеть природу умиротворенной; конечно, это не значило, что я не видел и не ценил в творчестве Левитана иных мотивов, более или менее драматических, или его романтики («Над вечным покоем»). Я любил его «Омут», как нечто пережитое автором и воплощенное в реальные формы драматического ландшафта. Любил и популяр-

И. И. Левитан. К ВЕЧЕРУ. РЕКА ИСТРА. Публикуется впервые. Художественный музей, Уфа.

И. И. Левитан. **ЦВЕТУЩИЕ ВИШНИ.** Публикуется впервые. Из коллекции А. Б. Юмашева.

ную «Владимирку», равноценную по замыслу и по совершенству исполнения. «Владимирка» может быть смело названа русским историческим пейзажем, коих в нашем искусстве не много».

«Великолепным художником-поэтом» называет Левитана Нестеров. В немногих словах ему удалось выразительно охарактеризовать творческий облик друга: «Левитан, вдумчивый по природе, ищущий не только внешней «похожести», но и глубокого скрытого смысла, так называемых «тайн природы», ее души, шел быстрыми шагами вперед и как живописец. Техника его росла, он стал большим мастером. Все трудности так называемой «фактуры» он усваивал легко и свободно. Глаз у него был верный, рисунок точный. Левитан был «реалист» в глубоком, не преходящем значении этого слова: реалист не только формы, цвета, но и духа темы, нередко скрытой от нашего внешнего взгляда. Он владел, быть может, тем, чем владели большие поэты-художники времен Возрождения, да и наши — Иванов, Суриков и еще весьма немногие». Нестеров говорит о «чудном даре» Левитана «передавать своей кистью самые неуловимые красоты природы. Левитан показал нам то скромное и сокровенное, что таится в каждом русском пейзаже, — его душу, его очарование».

Этюд «К вечеру. Река Истра», подаренный Нестерову в конце девяностых годов, был исполнен Левитаном в 1885 году, в то время, когда художник вместе с семьей Чеховых жил под Новым Иерусалимом, в «поэтичном Бабкине». Этюд превосходен передачею воздуха, интересен своей тональностью. М. В. Нестеров — тонкий знаток русского пейзажа, и тот факт, что этюд был подарен именно ему, показывает, как высоко Левитан ценил качества этой своей работы. Ныне этюд находится в Художественном музее в Уфе, куда Михаил Васильевич передал все свое собрание картин.

На сорок один год пережил Нестеров своего друга: Левитан умер в возрасте 39 лет, в самом расцвете творческих сил; Нестеров же — 80-летним стариком (в 1942 г.), не прекращавшим работы до самых последних месяцев жизни. «Подумать только: ведь он был лишь годом старше меня, — писал Нестеров незадолго до своей смерти о Левитане, — а я как-никак еще работаю... Работал бы и Левитан, если бы «злая доля», ранняя смерть не отняла бы у нас, всех знавших и любивших его, всех старых и новых почитателей его таланта, — чудесного художника-поэта. Сколько дивных откровений, сколько незамеченного никем до него в природе показал бы людям его зоркий глаз, его большое, чуткое сердце».

* * *

В заключение приведем несколько высказываний И. И. Левитана, неизвестных доселе в печати.

Бесконечной любовью к родному краю, к России пронизано все творчество Левитана. Поэтичность русской природы воплощена в его произведениях во всей неповторимой красоте, во всем многообразии ее прелести. Его письма и статьи проникнуты той же глубокой любовью к родине.

В своей статье о А. К. Саврасове Левитан горячо осуждает художников «псевдоклассического и романтического направления» прежде всего за то, что они были «совершенно беспочвенны: они искали мотивов для своих картин вне России, их родной страны». И одну из основных заслуг своего учителя Левитан видел в том, что «с Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле».

В каждом письме, написанном из-за границы, куда в последние годы жизни врачи посылали Левитана лечиться, он неизменно возвращается к этой теме. С особой силой пишет он о своей любви к родине именно в письмах к друзьям-художникам, как бы желая подчеркнуть, что художники в «безграничной любви к своей родной земле» и должны черпать силу для творчества. «Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси, — пишет он из Ниццы 9 апреля 1896 года Аполлинарию Васнецову, — реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия!»

Через год Левитана, тяжело больного, снова посылают за границу лечиться, и 13 апреля 1897 года он пишет оттуда художнику Н. А. Касаткину: «Какая тоска тут, дорогой мой Николай Алексеевич! Зачем ссылают сюда людей русских, любящих так сильно свою родину, свою природу, как я например?! Неужели воздух юга может в самом деле восстановить организм, тело, которое так неразрывно связано с нашим духом, с нашей сущностью?! А наша сущность, наш дух может быть только покоен у себя на своей земле, среди своих, которые, допускаю, могут быть минутами неприятны, тяжелы, но без которых еще хуже. С каким бы восторгом я перенесся в Москву. А надо сидеть здесь, по словам докторов (съешь их волки!). Хотя, если я буду и дальше тосковать, я возьму и возвращусь, пусть хоть околею!»

Так же, как и друг его, Чехов, Левитан мечтал о том времени, когда на их родине «бесконечная красота» русской природы будет сочетаться с осмысленной, счастливой, радостной жизнью. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» — эта мысль, высказанная Чеховым в «Трех сестрах», не оставляла и Левитана и часто была причиной тоски художника. И лишь в нашу великую эпоху мечты Чехова и Левитана осуществились: отошли в далекое прошлое гнет, нищета, голод, и среди замечательной природы нашей страны расцвела новая, чудесная жизнь.

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Педагоги советского Севера

Камчадалка Римма Лонгвинова три года назад окончила Тигильскую среднюю школу. Можно было бы вернуться в родную Палану и здесь, в семилетке, где она в свое время училась, преподавать в начальных классах русский язык.

Но Лонгвинова решила, что знаний у нее еще мало. Надо учиться дальше. И девушка поехала в Хабаровск, в педагогический институт.

Институт этот существует двенадцать лет. Из стен его вышло около 1500 учителей, занятых теперь преподаванием в школах Хабаровского края. Отличительная черта института — многонациональный состав. Только в нынешнем году дипломы получили 230 педагогов шестнадцати различных национальностей.

Семнадцать выпускников северного отделения вернутся к себе домой, главным образом в Камчатскую область.

Сын оленевода эвен Иван Березкин, коряк Мирон Хелол, чуванец Иван Алин и другие едут в родные места, где передадут свои знания подрастающему поколению. Василий Панкарин, нымылан по национальности, окончив северное отделение института, теперь преподает здесь родной язык.

Напутствуя своих питомцев, заведующая кафедрой северных языков Н. А. Богданова сказала им:

— По ту сторону Берингова пролива, под властью американского доллара, томятся аборигены, лишенные всяких человеческих прав, обреченные на вымирание. Наше счастье, что мы живем под солнцем Сталинской Конституции. Несите же на советский Север светоч знаний, чтобы еще краше была жизнь нашего народа.

Р. АГИШЕВ

Выпускники северного отделения Хабаровского педагогического института (слева направо): камчадалы Римма Лонгвинова и Иван Гарднер, корячка Варя Пак, эвены Иван Березкин и Ольга Плешкова, нымылан Василий Панкарин.

Фото Н. Суровцева

На сибирской земле

Елизавета СТЮАРТ

Рисунки В. Высоцкого

1. ВСТУПЛЕНИЕ

На улицах села пустынно —
Давно в поля ушел народ.
В конторе не спеша прикинул
На счетах цифры счетовод.
Грядущий урожай колхозный
Заносит он на чистый лист...

Десятилетний и серьезный
У телефона ждет «связист».
Решеньем сельских пионеров
Сюда дежурить послан он.
Все трудятся. Вот он, к примеру,
Обслуживает телефон.
С завидной важностью
мальчонка
Свой пост ответственный несет:
Сейчас гудок раздастся тонкий,
Он трубку бережно возьмет,
А в трубке что-то щелкнет сухо,
И председатель скажет в ухо:

— Беги до кузницы, узнай,
Как там с починкой грабель
конных,
И доложи по телефону.
А я в бригаде. Исполняй...

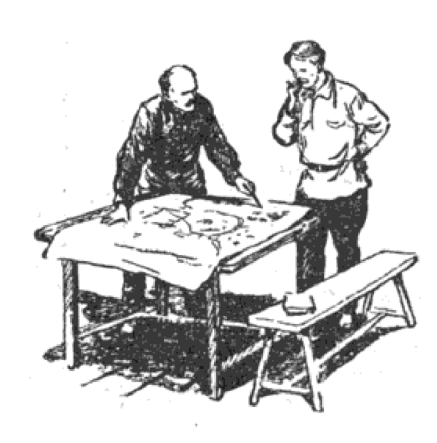
...За окнами в потоках света
Лежит колхозная земля...
Мы входим на порог с приветом.
— Где председатель!
— На полях...
— А как найти его!
— Идите
Вдоль свежеструганных столбов.

Идем,
и путеводной нитью
Блеск телефонных проводов.
К правленью от бригадных
станов
Они бегут со всех сторон,
Всего неделя, как по плану
Здесь установлен телефон.
И каждый им теперь гордится
И по столбам укажет путь...

А день сегодняшний стремится
Скорей в грядущее шагнуть,
И неотложных дел биенье
Звучит все время в проводах...
Так начинается вступленье
В мир, что творится на глазах...

2. НАД ГЕНЕРАЛЬНЫМ ПЛАНОМ

В конторе воздух чуть прогорк
Дымком табачным синеватым...
Ночь...
Председатель и парторг
Под лампой развернули ватман.

Чертежных линий прямизна
Им говорит с листов бумажных,
Что здесь мечта закреплена
О самом нужном, самом
важном —
О близком будущем села!..

Включает план переустройства
И неотложные дела
И творческое беспокойство...

Село уснуло. Все молчит,
Но мысли вечно в наступленье.
И «генеральный план» звучит,
Как «генеральное сраженье».

— Мы на переднем рубеже,—
Сказал парторг,— и нынче летом
Немало в жизнь войдет уже
Того, что есть на плане этом.
Больница, ясли, скотный двор —
Идет строительство большое...
Но есть особый разговор
О главной из колхозных
строек —
О гидростанции...
И смолк.
Да, председатель знал об этом.
В движке для них велик ли толк!
Им нужно света, больше света!
Чтоб побежал скорее ток
В поля и дал машинам силу,
Чтоб осенью колхозный ток
Огнем веселым озарил он!
Но срок, казалось, очень мал...
И вслух Степан Ильич сказал:
— Побольше бы рабочих рук,
Иначе трудно будет, друг!..
— Ты говоришь, что трудно
будет! —
Переспросил парторг.— А люди!
Мы можем многого достичь:
У нас народ в работе стойкий...
Народ решил, Степан Ильич,
И ночью лес возить на стройку.
А как, мол, с отдыхом и сном!
Смеются: «После отдохнем!»
Пожалуй, разговор такой
Поправки делает в расчетах!..

Рожденный волею людской
И не учтенным в плане взлетом,
В ту ночь уверенной рукой
Был новый график разработан!

Они и час и два подряд
Еще под лампою сидели,
И расцветал колхозный сад
Там, где была на плане зелень.

Кирпичных строек корпуса
Вставали в их воображеньи,
Вдаль уходила полоса
Полезащитных насаждений...

Все ожило на чертеже!
Жизнь за мечтой спешила
следом...
Людей на каждом рубеже
Ждала желанная победа.

3. ВОДОВОЗ

Коня зарею росною,
Как лен, беловолос,
Погнал баском, по-взрослому,
На речку водовоз.

Тринадцать есть ли парню-то!
Да сколько уж ни есть,
А звание ударника —
Всегда большая честь!

Он за труды отличные
Доверьем облечен:
К колхозному кирпичному
Заводу прикреплен.

Пока идут каникулы,
Он возит по утрам
Речную воду с бликами
Рассвета пополам.

Песок с водой да с глиною
Смешают, разотрут,
Сырец рядами длинными
Расставят на ветру.

Потом заложат в печь его,
Чтоб в пламени обжечь,
Чтоб в стены человечьего
Жилья он мог бы лечь.

Чтоб стал кирпич амбарами,
Куда ссыпают рожь,
Чтоб в новом клубе парами
Плясала молодежь!..

И паренек старается —
Вода звенит в ведре!
О чем ему мечтается
На молодой заре,

Босому, загорелому
Строителю села!
Конечно, парень сделает
Великие дела!..

А небо синей льдиною
Лежит на дне реки,
В копыта лошадиные
Легко стучат мальки.

Течет волна нескорая...
И смотрит с берегов
Вся в роликах фарфоровых,
Вся в нитях проводов

Деревня,
новым обликом
В реке отражена...
И ведра ловят облако,
Плывущее со дна.

4. ПОЛНОЧЬ

Росой омытая звезда
Зажглась в ночных просторах
неба.
Покрикивали поезда
За морем зреющего хлеба...

Шел председатель не спеша
По сонным улицам селенья.
Река, осокой чуть шурша,
Звезды качала отраженье.

Нес перелетный ветерок
Дыханье тальника и глины.
Был света лунного мосток
Меж берегами перекинут.

Столбы прошли дорогой в луг,
Бросая тени у обочин...
Движка уже привычный стук
Лишь углублял молчанье ночи.

И хоть порою поезда
Гудели где-то в отдаленье,
Так было тихо здесь, в селенье,
Что кажется, сорвись звезда,
И слышен будет шум паденья...

Внезапно в этот час ночной
Ворвался грузный ход машины,
И свет стремительный, земной
С луной затеял поединок!

Дорога дрогнула слегка
В круженье озаренной пыли:
Из леса два грузовика
К постройке бревна подвозили!

Смолистых запахов струю
Степан Ильич вдохнул глубоко:
«А гидростанцию свою,
Пожалуй, кончим мы до срока!..»

И той мечте, что все они
Прекрасной явью стать помогут,
На близкие взглянув огни,
В родной колхоз он дал дорогу.

„ВО ГЛУБИНЕ РОССИИ“

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Рисунок В. Климашина

Каждому писателю нет-нет да и захочется написать рассказ совершенно вольно, не думая ни о каких «железных» правилах и «золотых» законах, записанных в учебниках литературы.

Законы эти, конечно, великолепны. Они заставляют подчас еще туманную мысль писателя входить в берега точного замысла и затем уже плавно несут ее к конечному выводу, к завершению книги, подобно тому, как река несет свою воду к широкому устью.

Совершенно ясно, что не все законы литературы уже разнесены по параграфам. Существует много способов и приемов живописного выражения мысли, еще не получивших названия.

Лет двадцать назад в Москве показывали так называемую экспериментальную, созданную только для опыта, для пробы, кинокартину о дожде. Показывали ее только работникам кино, так как думали, что обыкновенный зритель на такой картине будет зевать и уйдет из кинотеатра в полном недоумении.

В картине этой был показан дождь во всем его разнообразии — и зрительном и звуковом. Дождь в городе на черном, маслянистом асфальте, дождь в листве, дождь дневной и ночной, ливень и так называемый грибной, моросящий дождик, «слепой» дождь под солнцем, дождь на реке, когда каждая капля, падая, выбивает на тихой воде как бы небольшой кратер и отскакивает от него, поблескивая и звеня; воздушные пузыри на лужах, мокрые блестящие поезда среди полей, окутанные паровозным паром; полосы дождей над серым взморьем...

Всего перечислить я не могу, но воспоминание об этой картине сохранилось надолго и помогло мне ощутить с большей силой ту поэзию обыкновенного дождя, которую я раньше плохо замечал. Раньше меня, как и каждого, поражал, например, свежий и нежный запах прибитой дождем пыли, но я не вслушивался во все звуки дождя и не всматривался в пасмурную и мягкую расцветку дождливого воздуха.

Что может быть благодарнее для писателя — а он, по существу, всегда должен быть и поэтом,— чем открытие новых областей поэзии вблизи себя и тем самым обогащение человеческого сознания, восприятия и памяти...

Все это я пишу, конечно, для того, чтобы оправдать некоторые от-

ступления от твердых требований сюжета, допущенные в этом рассказе.

Так вот, утро, когда начинается этот рассказ, наступило пасмурное, но теплое. Обширные луга были политы ночным дождем, а это значило, что не только в каждом венчике блестела, как кристалл, капля воды, но все великое множество трав и кустов издавало резкий и освежительный запах.

Я шел лугами к одному довольно таинственному озерцу. На взгляд человека трезвого, ничего таинственного в этом озерце не было и быть не могло. Но впечатление загадочности от этого озерца оставалось у всех, и я, сколько ни пытался, не мог установить причину этого явления.

Для меня таинственность состояла в том, что вода в озерце была совершенно прозрачная, но казалась по цвету жидким дегтем (со слабым зеленоватым отливом). В этой водяной черноте жили, по рассказам престарелых словоохотливых колхозников, караси величиной «с поднос от самовара». Поймать хоть одного такого карася никому не случалось, но изредка в глубине озерца вдруг вспыхивал бронзовый блеск и, вильнув хвостом, исчезал.

Ощущение таинственности возникает от ожидания неизвестного и не совсем обыкновенного. А густота и высота зарослей вокруг озерца заставляли думать, что в них непременно скрывается что-нибудь до сих пор невиданное и смертельно любопытное: или стрекоза с красными крыльями, или синяя божья коровка в белую крапинку, или ядовитый цветок лоха с полым сочным стволом толщиной в человеческую руку.

И все это действительно там было, в том числе и огромные желтые ирисы с мечевидными листьями. Они отражались в воде, и почему-то вокруг этого отражения всегда стояли толпами, как булавки, притянутые магнитом, серебряные мальки.

В лугах было совсем пусто. До покоса еще оставалось недели две. Издали я заметил маленького мальчика в выцветшей и явно большой для него артиллерийской фуражке. Он держал под уздцы гнедого коня и что-то кричал. Конь дергал головой и отмахивался от мальчика, как от слепня, жестким хвостом.

— Дяденька-я-я, — кричал мальчик, — а, дяденька-я-я! Подь сюда! Это был требовательный крик о помощи. Я свернул с дороги и подошел к мальчику.

— Дяденька,— сказал он, смело глядя на меня серыми умоляющими глазами,— подсади меня на мерина! А то я сам не могу.

— А ты чей? — спросил я.

— Аптекарский я,— ответил мальчик.

Я знал, что у нашего сельского аптекаря Дмитрия Сергеевича детей нет, и подивился на необыкновенную фамилию этого мальчика.

Я поднял его на руки, но мерин, дико косясь, начал мелко перебирать ногами и отходить, стараясь держаться от меня на расстоянии вытянутой руки.

— Ох и вредный! — сказал мальчик с укором.— Прямо псих! Дайте я его за повод схвачу, тогда вы меня и посадите. А так он не даст.

Мальчик поймал мерина за повод. Мерин тотчас успокоился и даже как будто уснул. Я подсадил мальчика ему на спину, но мерин продолжал стоять все так же понуро и, казалось, собирался простоять так весь день. Он даже легонько всхрапнул. Тогда мальчик высоко подпрыгнул у мерина на хребте и с размаху ударил его босыми пятками по вздутым пыльным бокам. Мерин удивленно икнул и поскакал лениво и размашисто к песчаным буграм за Бобровой протокой.

Мальчик все время подпрыгивал, взмахивал локтями и колотил мерина пятками по бокам. Тогда я сообразил, что, очевидно, только при такой довольно тяжелой работе можно от этого мерина добиться чего-нибудь путного.

На озерце, глубоко запрятанном в крутых берегах, лежала зеленая илистая тень, и в этой тени серебрились от росы сами по себе серебряные ракиты.

На ветке ракиты сидела маленькая серая птица в красном жилете и желтом галстуке и издавала дробный и приятный треск, не раскрывая при этом клюва. Я подивился, конечно, на эту птаху и на ее веселое занятие и начал продираться к воде, где, как я знал, должны были уже зацвесть ирисы.

Дело в том, что к нам приехала после экзаменов в московской школе городская девочка Маша — любительница растений — и я решил набрать ей в подарок букет из ирисов и других хороших цветов. Но так как плохих цветов вообще нет, то мне выпала довольно трудная задача, что выбрать. В конце концов я решил взять по одному цветку и одной ветке от всех растений, создававших вокруг озерца непролазные росистые и пахучие валы.

Я осмотрелся. По берегам уже зацвела желтоватыми непрочными кистями таволга. Цветы ее пахли мимозой. Донести их до дому, особенно в ветреную погоду, было почти невозможно. Но я все же срезал ветку таволги и спрятал ее под кустом, чтобы не взрошить раньше времени.

Потом я срезал широкие, как сабли, листья аира. От них исходил сильный и пряный запах. Я вспомнил, что на Украине хозяйки по большим праздникам устилают полы аиром, и стойкий запах его держится в хатах почти до зимы.

Стрелолист уже дал первые плоды — зеленые шишки, покрытые со всех сторон мягкими иглами. Я сорвал и его.

С трудом я зацепил сухой веткой и осторожно вытащил из воды белые пловучие цветы водокраса с красноватой сердцевиной. Лепестки его были не толще папиросной бумаги и тотчас обвяли. Пришлось его выбросить. Тогда я той же веткой подтащил к берегу цветущую водяную гречиху. Розовые ее метелки стояли над водой круглыми маленькими рощами.

До белых лилий я никак не мог дотянуться. Раздеваться же и лезть в озерцо мне не хотелось: илистое его дно засасывало выше колен. Вместо лилий я сорвал береговой цветок с грубым названием сусак. Его цветы были похожи на вывернутые ветром маленькие зонтики.

У самой воды большими куртинами выглядывали из зарослей мяты невинные голубоглазые незабудки. А дальше, за свисающими петлями ежевики, цвела по откосу дикая рябинка с тугими желтыми соцветиями. Высокий красный клевер перемешивался с мышиным горошком и подмаренником, а над всем этим тесно столпившимся содружеством цветов подымался исполинский чертополох. Он крепко стоял по пояс в траве и был похож на рыцаря в латах со стальными шипами на локтях и наколенниках.

Нагретый воздух над цветами мрел, качался, и почти из каждой чашечки высовывалось полосатое брюшко шмеля, пчелы или осы. Как белые и лимонные листья, всегда вкось, летали бабочки.

А еще дальше высокой стеной вздымались боярышник и шиповник. Ветки их так переплелись, что казалось, будто огненные цветы шиповника и белые, пахнущие миндалем цветы боярышника каким-то чудом распустились на одном и том же кусте.

Шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный, покрытый множеством острых бутонов. Цветение его совпадало с самыми короткими ночами, нашими русскими, немного северными ночами, когда соловьи гремят в росе всю ночь напролет, зеленоватая заря не уходит с горизонта и в самую глухую пору ночи так светло, что на небе хорошо видны горные вершины облаков. Кое-где на их снеговой крутизне можно заметить розоватый отблеск солнечного света. И серебряный рейсовый самолет, идущий на большой высоте, сверкает над этой ночью, как медленно летящая звезда, потому что там, на той высоте, где пролегает его путь, уже светит солнце.

Когда я вернулся домой, исцарапанный шиповником и весь в ожогах от крапивы, Маша прибивала к калитке листок бумаги. На нем было вырисовано печатными буквами:

Много пыли на дороге,
Много грязи на пути,—
Вытирай почище ноги,
Если хочешь в дом войти.

— Ага! — сказал я.— Ты, значит, была в аптеке и видела там такую же записку на дверях?

— Ой, какие цветы! — закричала Маша.— Прямо прелесть! Да, я была в аптеке. И еще я видела там прямо замечательного человека. Его зовут Иван Степанович Крышкин.

— Кто ж он такой?

— Мальчишка. Прямо необыкновенный.

Я только усмехнулся. Уж кого-кого, а деревенских мальчишек я знал насквозь. По многолетнему опыту в этом деле я смело могу утверждать, что у этих беспокойных и шумливых наших соотечественников есть одно действительно необыкновенное свойство. Физик определил бы его словом «всепроницаемость». Мальчишки эти «всепроницаемы», вернее, «всепроницающи», или, говоря старинным тяжеловесным языком, «вездесущи».

В какую бы лесную, озерную или болотную глухомань я ни попадал, всюду я заставал мальчишек, предававшихся самым разнообразным и порой удивительным занятиям.

Я, конечно, не говорю о том, что в сентябре месяце на ледяной и туманной утренней заре заставал их, трясущихся от холода, в мокрых зарослях ольхи на берегу глухого озера в двадцати километрах от жилья.

Они сидели, притаившись в кустах, с самодельными удочками, и только характерный звук, который называется «шмыганье носом», выдавал их присутствие. Иногда они так затаивались, что я их вовсе не видел и вздрагивал, когда у себя за спиной вдруг слышал умоляющий хриплый шопот:

— Дяденька, дай червячка!

Во все эти глухие места, где, как любили выражаться авторы романов о приключениях на суше и на море, «редко ступала нога человека», мальчишек приводило неистовое воображение и любопытство.

Мне кажется, что если бы я попал на Северный полюс или, скажем, на полюс Магнитный, то и там обязательно бы сидел и шмыгал носом мальчишка с удочкой, караулил бы у проруби треску, а на Магнитном полюсе выковыривал бы из земли сломанным ножом кусочек магнита.

Других особо примечательных свойств за мальчишками я не знал и потому спросил у Маши:

— Чем же он такой прямо необыкновенный, твой Иван Степанович Крышкин?

— Ему восемь лет, — ответила Маша, — а он разыскивает и собирает для аптекаря разные лечебные травы. Например, валерьяну.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что Иван Степанович Крышкин до удивительности похож на того мальчишку, которого я подсаживал на старого мерина. Но все сомнения рассеялись, когда я узнал, что упомянутый Крышкин появился около аптеки вместе с гнедым мерином и что этот самый мерин, будучи привязан к изгороди, тотчас уснул. А Иван Степанович Крышкин вошел в аптеку и передал аптекарю мешок с собранной за Бобровой протокой травой валерьяной.

Оставалось неясным только одно: как это Иван Степанович Крышкин словчился нарвать валерьяну, не слезая с мерина. Но когда я узнал, что Иван Степанович привел мерина на поводу, то догадался, что на мерине он доехал только до зарослей валерьяны, а оттуда вернулся пешком.

В этом месте рассказа пора уже перейти к тому, о чем я и хотел рассказать, — к аптекарю Дмитрию Сергеевичу, и, пожалуй, не столько к нему, сколько к давно занимавшей меня теме об отношении человека к своему делу.

Дмитрий Сергеевич был беззаветно предан фармации. Из разговоров с ним я убедился, что распространенное мнение о том, что существуют неинтересные профессии,— предрассудок, вызванный нашим невежеством. С тех пор мне начало нравиться в сельской аптеке все, начиная от свежего запаха всегда вымытых дощатых полов и можжевельника и кончая запотевшими бутылками пузырящегося боржома и белыми фаянсовыми банками на полках с черной надписью «венена!» — яд.

По словам Дмитрия Сергеевича, почти каждое растение содержит в себе или целебные или смертоносные соки. Задача в том, чтобы извлечь эти растительные соки, узнать их свойства и употребить на благо человеку.

Многое, конечно, было уже открыто с давних времен, например, действие настойки ландыша или наперстянки на сердце или что-нибудь иное в этом роде. Но тысячи растений были еще не исследованы, и этот труд представлялся Дмитрию Сергеевичу самым увлекательным из всех занятий в мире.

В то лето Дмитрий Сергеевич был занят извлечением витаминов из молоденькой сосновой хвои. Он заставлял всех нас пить зеленый жгучий настой из этой хвои, и хотя мы морщились и ругались, но все же должны были согласиться, что действует он превосходно.

Однажды Дмитрий Сергеевич принес мне почитать толстую книгу — фармакопею. Я не запомнил точного ее названия. Книга эта была не менее увлекательна, чем самый свободный и мастерски написанный роман. В ней были описаны все, подчас совершенно удивительные и неожиданные качества многих растений — не только трав и деревьев, но и мхов, лишайников и грибов. Кроме того в ней было подробно рассказано, как приготовлять из этих растений лекарства.

Каждую неделю Дмитрий Сергеевич печатал в местной районной газете «Знамя труда» маленькие статьи о целебной силе растений, какого-нибудь скромнейшего подорожника или табачного гриба. Статьи эти, которые Дмитрий Сергеевич почему-то называл фельетонами, печатались под общим заголовком «В мире друзей».

В некоторых избах я видел вырезанные из газеты и прибитые гвоздиками к стене эти статьи Дмитрия Сергеевича и по этому признаку узнавал, с какой болезнью боролся обитатель избы.

В аптеке постоянно толклись мальчишки. Они были главными поставщиками трав для Дмитрия Сергеевича. Работали мальчишки самоотверженно и забирались в такие глухие места, как, например, болото по названию «Хвощи», или даже за отдаленную речку со странным названием «Казенная», где редко кто бывал, а кто бывал, тот рассказывал о пустошах, покрытых мелкими илистыми озерами и заросших высоким конятником.

За доставку травы мальчишки ничего не требовали, кроме детских резиновых сосок. Соски эти они надували ртом, тужась и краснея, завязывали тесемочкой и делали из них подобие воздушных шаров, так называемые летучие пузыри. Пузыри эти, конечно, не летали. Но мальчишки постоянно таскали их с собой и то быстро вертели их на веревочке вокруг пальца, издавая угрожающее жужжание, то просто били этими пузырями друг друга по голове, наслаждаясь восхитительным треском, сопровождавшим это занятие.

Несправедливо было бы думать, что мальчишки проводили большую часть дня в праздности и развлечениях. Развлекались они только летом во время школьных каникул, да и то не каждый же день. Большей частью они помогали взрослым: пасли телят, возили хворост, резали лозу, окучивали картошку, чинили изгороди и приглядывали в отсутствие взрослых за маленькими детьми. Хуже всего было, конечно, то, что маленькие едва умели ходить и их приходилось всюду таскать с собой на закорках.

Больше всего мальчишки любили в деревне двух человек — Дмитрия Сергеевича и старика по прозвищу «Утиль».

«Утиль» появлялся в деревне не часто — раз в месяц, а то и реже. Он лениво ковылял в пыльном балахоне, с мухортой лошаденкой, старательно тащившей телегу, волочил за собой по песку веревочный кнут и заунывно кричал:

— Тряпье, старые калоши, рога, копыта принимаем!

На передке телеги у «Утиля» стоял волшебный ящик, сколоченный из простой фанеры. На откинутой крышке ящика висели на гвоздиках пестрые игрушки — свистульки, шарики на резинке, целлулоидовые куколки, переводные картинки и мотки ярких бумажных ниток для вышивания.

Как только «Утиль» въезжал в деревню, тотчас к нему, как цыплята на зов хозяйки, бежали со всех дворов, торопясь и спотыкаясь, мальчишки и девочки, волоча своих «младшеньких» братишек и сестренок и прижимая свободной рукой к груди старые мешки, стоптанные чуни, поломанные коровьи рога и всякую ветошь.

«Утиль» обменивал тряпье и рога на новенькие, еще липкие от краски игрушки и по поводу каждой игрушки вступал в длительные разговоры, а порой и распри со своими маленькими поставщиками.

Взрослые никогда ничего не выносили «Утилю». Это было исключительное право детей.

Очевидно, общение с детьми развивает в человеке многие добрые свойства. «Утиль» был человек по внешности суровый, даже, как говорится, «страховидный» — косматый, заросший седой щетиной, с багровым от солнца и ветра облупленным носом. Голос у него был зычный и грубый. Но, несмотря на эти угрожающие признаки, «Утиль» никогда не отказывал детям. Один только раз он не принял у девочки в красном выцветшем сарафане совершенно истлевшие голенища от отцовских сапог.

Девочка как-то вся сжалась, втянула голову в плечи и, будто побитая, медленно пошла от телеги «Утиля» к своей избе. Дети, окружавшие «Утиля», вдруг притихли, наморщили лбы, а кое-кто засопел носом.

«Утиль» свертывал из махорки толстую «козью ножку» и, казалось, не замечал ни плачущей девочки, ни пораженных его жестоким поступком детей.

Он не спеша заклеил «козью ножку», закурил, потом сплюнул. Дети молчали.

— Вы что? — сердито спросил «Утиль».— Ай не понимаете? Я государственное поручение сполняю. Ты мне грязь не носи! Ты мне носи предмет для дальнейшего производства! Понятно?

Дети молчали. «Утиль» затянулся и, не глядя на детей, сказал:

— Сбегайте-ка за ней! Мигом! Сбычились на меня, будто я душегуб!

Вся стая детей, как вспугнутые воробьи, кинулась к избе девочки в красном сарафане.

«Корабль мира» в пионерском лагере

С. МАРШАК

Нет в мире лучше корабля,
Чем парусник «За мир».
С матросом рядом у руля —
Отважный командир.

Ведет он с бурями борьбу,
Глядит, прищурив глаз,
В свою подзорную трубу
И отдает приказ:

— Трави живее стаксель-шкот!
— Полнее! — Так держать!

И режет удалой швертбот
Чешуйчатую гладь.

Сказать по правде, никогда
Не видел он морей.
Он спущен на воду пруда
В одном из лагерей.

Десятилетний командир —
На боевом посту.
И надпись четкая «За мир!»
Сверкает на борту.

С войною борется народ
Во всех краях земли.
И, бороздя поверхность вод,
К борьбе наш парусник зовет
Большие корабли!

Ее приволокли, румяную и смущенную, с невысохшими еще слезинками на глазах, и «Утиль» важно и строго осмотрел ее голенища, бросил их на телегу и протянул девочке взамен самую лучшую, самую пеструю куклу с круглыми пунцовыми щечками, восторженно вытаращенными водянисто-голубыми глазами и пухлыми растопыренными пальцами.

Девочка робко взяла куклу, прижала к худенькой груди и засмеялась. «Утиль» дернул за вожжи. Лошаденка прижала уши, влегла в оглобли, и телега, скрипя по песку, двинулась дальше.

«Утиль» шел рядом с ней, не оглядываясь, все такой же суровый и как будто бы грубый, и молчал. Только пройдя двадцать изб, он прокашлялся и протяжно закричал:

— Ветошь, рога, копыта, рваные калоши принимаем!

Глядя ему вслед, я подумал, что вот нет как будто на свете занятия менее приятного, чем быть ветошником, а между тем сумел же этот человек сделать из него радость для колхозной детворы.

Любопытно, что «Утиль» работал даже, я бы сказал, с некоторым вдохновением, с выдумкой, с заботой о своих шумливых поставщиках. Он добивался от своего начальства, чтобы на каждую поездку по деревням ему каждый раз выдавали другие игрушки. Ассортимент игрушек (по воле хозяйственников, очевидно, не знающих и не любящих свой родной язык, тяжеловесное иностранное слово «ассортимент» совершенно вытеснило простые русские слова «подбор» или «выбор») у «Утиля» был разнообразный и увлекательный.

Величайшим событием в деревне был тот случай, когда «Утиль» по заказу Дмитрия Сергеевича привез из города бронзированные рыболовные крючки и расплатился ими по особому списку на четвертушке бумаги с теми мальчиками, которые собирали для аптеки лекарственные травы. Иван Степанович Крышкин получил по заслугам целых десять крючков.

Раздача крючков происходила в благоговейной тишине. Мальчишки, как по команде, сняли свои видавшие виды кепки и, сопя, с необыкновенной сосредоточенностью и тщательностью начали закалывать крючки в подкладку кепок — в самое верное хранилище мальчишеских ценностей.

Все мы привыкли к тому, что у нас в России самый с виду неприметельный и скромный человек может оказаться на поверку человеком очень незаурядным и значительным. Хорошо понимал это писатель Лесков. Понимал, конечно, потому, что досконально знал и любил Россию, изъездил ее вдоль и поперек и был наперсником и закадычным другом сотен простых наших людей.

Под скромной внешностью Дмитрия Сергеевича, который, в шутку говоря, отличался только тем, что в нем не было ничего примечательного, скрывался неутомимый искатель нового в своем деле, требовательный к себе и окружающим гуманист.

Под грубой внешностью «Утиля» билось широкое и доброе сердце, и, кроме того, это был человек воображения, которое он применил к своему как будто мизерному делу.

Я подумал об этом и вспомнил одно забавное происшествие в наших местах, случившееся с моим приятелем и со мной.

Однажды мы поехали рыбачить на Старую Канаву — так в этих местах зовут узкую лесную речку с быстрым течением и коричневой водой. Речка эта протекает в большом отдалении от человеческого жилья, в глубине леса, и попасть на нее не так-то просто. Сначала нужно ехать сорок километров по узкоколейке, потом километров тридцать идти пешком.

На Старой Канаве в ямах с водоворотами обитали крупные язи, и за ними-то мы и поехали.

Возвращались мы на следующий день. В лесные сумерки мы вышли к разъезду на узкоколейке. Сильно пахло скипидаром, опилками и гвоздикой. Был уже август, кое-где на березах висели первые пожелтевшие листья. То один, то другой такой лист загорался по очереди золотым пламенем от луча закатного солнца.

Подошел маленький поезд, весь из пустых товарных вагонов. Мы влезли в тот вагон, где было побольше народа. Женщины везли кошелки с брусникой и грибами. Два оборванных и небритых охотника сидели, свесив ноги, в открытых дверях вагона и курили.

Сначала женщины разговаривали о своих сельских делах, но вскоре таинственная прелесть лесных сумерек вошла в вагон, и женщины, вздохнув, замолчали.

Поезд вышел в луга, и тотчас стал виден во всю его ширь тихий закат. Солнце садилось в травы, в туманы, в росы, и шум поезда не мог заглушить птичьего щелканья и перелива в кустах по сторонам полотна.

Тогда самая молодая женщина запела, глядя на закат, и глаза ее казались золочеными. Пела она простую рязанскую песню, и кое-кто из женщин начал ей подпевать.

Когда женщины замолкли, оборванный охотник в обмотках из солдатской шинели сказал вполголоса своему спутнику:

— Споем и мы, Ваня? Как думаешь?

— Ну что ж, споем! — согласился спутник.

Охотники запели. У одного был густой и мягкий голос. Он лился свободно, широко, и мы все сидели, пораженные этим необыкновенным голосом.

Как всегда, пение вызывало зримые образы, у каждого свои, разные. У меня голос певца вызвал картину деревенского вечера, затянутого дымком далекого костра, вечерней зари над полями.

Женщины слушали певцов, покачивая головами от удивления. Потом самая молодая женщина тихонько заплакала, но никто даже не обернулся в ее сторону, потому что это были слезы не боли и горечи, а восхищения.

Певцы замолкли. Женщины начали благодарить их и желать им счастья и долгой жизни за доставленную редкую радость. Мы же долго молчали, потрясенные этим пением.

Потом мы расспросили певца, кто он такой. Он назвал себя колхозным счетоводом из-за Оки. Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов и профессоров консерватории послушал его голос. Преступно, говорили мы, сидеть здесь, в глуши, с таким голосом и зарывать талант свой в землю. Но охотник только застенчиво улыбался и упорно отнекивался.

— Да что вы! — говорил он.— Какая же опера с моим любительским голосом! Да и возраст у меня не такой, чтобы так рисковать и ломать свою жизнь. У меня в селе сад, жена, дети учатся в школе. Что это вы придумали — ехать в Москву! Я в Москве был три года назад. Так у меня от тамошней сутолоки и шума голова с утра до ночи кружилась и так болела, что я не чаял, как бы мне поскорее удрать к себе на Оку.

Маленький паровоз засвистел тонким голосом. Мы подъезжали к своей станции.

— Вот что! — решительно сказал мой приятель охотнику.— Нам сейчас выходить. Я оставлю вам свой московский адрес и телефон. Приезжайте в Москву непременно. И поскорей. Я вас сведу с нужными людьми.

Он вырвал из записной книжки листок и торопливо набросал на нем свой адрес. Поезд уже подошел к станции, остановился и тяжело отдувался, готовясь тронуться дальше.

Охотник при слабом свете заката прочел записку моего приятеля и сказал:

— Вы писатель?

— Да.

— Как же, знаю. Читал. Очень рад познакомиться. Но позвольте и мне в свою очередь представиться: солист Большого театра Озеров. Ради всего святого, не обижайтесь на меня за этот небольшой «розыгрыш». Одно только могу сказать на основании этого «розыгрыша»: счастлива страна, где люди так горячо относятся друг к другу.

Он засмеялся.

— Я говорю, конечно, о том, с каким жаром вы хотели помочь колхозному счетоводу стать оперным певцом. И уверен, что если бы я действительно был счетоводом, вы бы не дали погибнуть моему голосу. Вот за это спасибо!

Он крепко потряс нам руки. Поезд тронулся, и мы остались, озадаченные, на дощатой платформе. Тогда только мы вспомнили рассказ Дмитрия Сергеевича о том, что певец Озеров каждое лето отдыхает у себя на родине, в большом заокском селе неподалеку от нас.

Пора, однако, кончать этот рассказ. Я ловлю себя на том, что заразился словоохотливостью от здешних стариков и разболтался, как паромщик Василий. У него одна история неизбежно вызывает в памяти другую, а та — третью, третья — четвертую, и потому нет его рассказам конца.

Задача у меня была самая скромная — рассказать хотя бы незначительные случаи, свидетельствующие о талантливости и простосердечии русского человека. А о значительных случаях мы еще поговорим потом.

Академик М. В. КЕЛДЫШ

«В ознаменование пятидесятилетия научной деятельности профессора Николая Егоровича Жуковского и огромных заслуг его, как «отца русской авиации...» — так начинается постановление Совета Народных Комиссаров, подписанное В. И. Лениным в декабре 1920 года.

Заслуги Жуковского в создании отечественной авиации исключительно велики. Разработка теории полета — аэродинамики, которая и по сей день является основой авиационной науки, воспитание выдающихся деятелей авиационной науки и техники, создание крупнейших научно-исследовательских и учебных центров авиации—все это прочно связано с именем Н. Е. Жуковского.

Ярко и точно, документально-правдиво рассказывает фильм «Жуковский»[1] о научном подвиге великого ученого.

Не «частная жизнь» профессора Жуковского составляет содержание этого произведения, и в этом его коренное отличие от таких зарубежных фильмов-биографий, как «Эдисон» или «Пастер». Авторы фильма «Жуковский» сосредоточили свое внимание на главных, самых существенных чертах научной деятельности прославленного ученого.

Математика, физика, аэродинамика — необычный и очень сложный материал для художественного произведения, однако авторам удалось преодолеть эти трудности и в яркой, образной форме раскрыть процесс научного творчества Жуковского. Основное достоинство фильма в том, что наука в нем не фон, не «пейзаж»: она составляет существо картины, ее сюжет, ее драматическое действие.

Вместе с тем фильм показывает Жуковского не кабинетным ученым, замкнутым в скорлупу оторванных от жизни теорий, а подлинным революционером в науке, новатором, для которого теоретические исследования — только ключ к раскрытию тайн природы.

Главная заслуга исполнителя роли Жуковского заключается именно в том, что он сумел передать обаяние личности этого корифея русской и мировой науки, его преданность интересам своего народа, страстность и принципиальность, неколебимую веру в могущество человека.

Образ Жуковского в фильме раскрывается в тесной связи с передовыми людьми того времени, с его выдающимися современниками: А. Г. Столетовым, Д. И. Менделеевым, А. Ф. Можайским, К. Э. Циолковским, П. Н. Нестеровым. Авторы фильма хорошо показали тесное научное содружество Жуковского и его ближайшего ученика и соратника, выдающегося ученого С. А. Чаплыгина.

Среди многих ярких эпизодов производит особое впечатление сцена их встречи на улице. Слепые керосиновые фонари, аляповатые купеческие вывески, грохот извозчичьей пролетки... Возле небольшого дома беседуют два человека. Один — высокий, крепкий, с окладистой бородой и проникновенным взглядом, другой — коренастый, плотный, с широким лицом, точно высеченным из гранита. Таким предстают в фильме Жуковский (артист Ю. Юровский) и его знаменитый сподвижник Сергей Алексеевич Чаплыгин (артист В. Белокуров).

Каким упорством и какой любовью к родине обладали эти люди, прокладывавшие в царской России пути отечественной науке!..

Взаимоотношения Жуковского с правящими кругами царской России нашли верное отражение в эпизодах столкновения ученого с денежным тузом-стяжателем Рябушинским и «великим» князем, продающими и предающими интересы родины.

— Русская наука, мысль, честь, гордость, — все продается! —говорит Жуковский, порывая отношения с этими людьми. — Общего языка у меня с ними нет, никогда не было и не будет!

В противовес этим представителям царской и капиталистической верхушки простые трудовые люди — летчики, инженеры, студенты — верят в дело Жуковского.

Вместе с ними прославленный ученый, революционер в науке, горячий патриот Жуковский приветствовал Великую Октябрьскую революцию.

Сильное впечатление производят финальные эпизоды фильма. Скромные лаборатории Жуковского при поддержке советского правительства в короткий срок вырастают в грандиозные центры авиационной науки. И как продолжение дела, начатого Жуковским, как творческое развитие его бессмертного научного подвига перед зрителями проходят могучие современные самолеты непобедимой сталинской авиации.

[1] «Жуковский». Сценарий А. Гранберга. Постановка В. Пудовкина и Д. Васильева. Операторы А. Головня и Т. Лобова. Композитор В. Шебалин. Производство киностудии «Мосфильм», 1950 г.

КАДР ИЗ ЦВЕТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО

ФИЛЬМА «ЖУКОВСКИЙ».

Жуковский на охоте. В роли Жуковского заслуженный деятель искусств Латвийской ССР, лауреат Сталинской премии Ю. Юровский.

Взлет самолета Можайского.

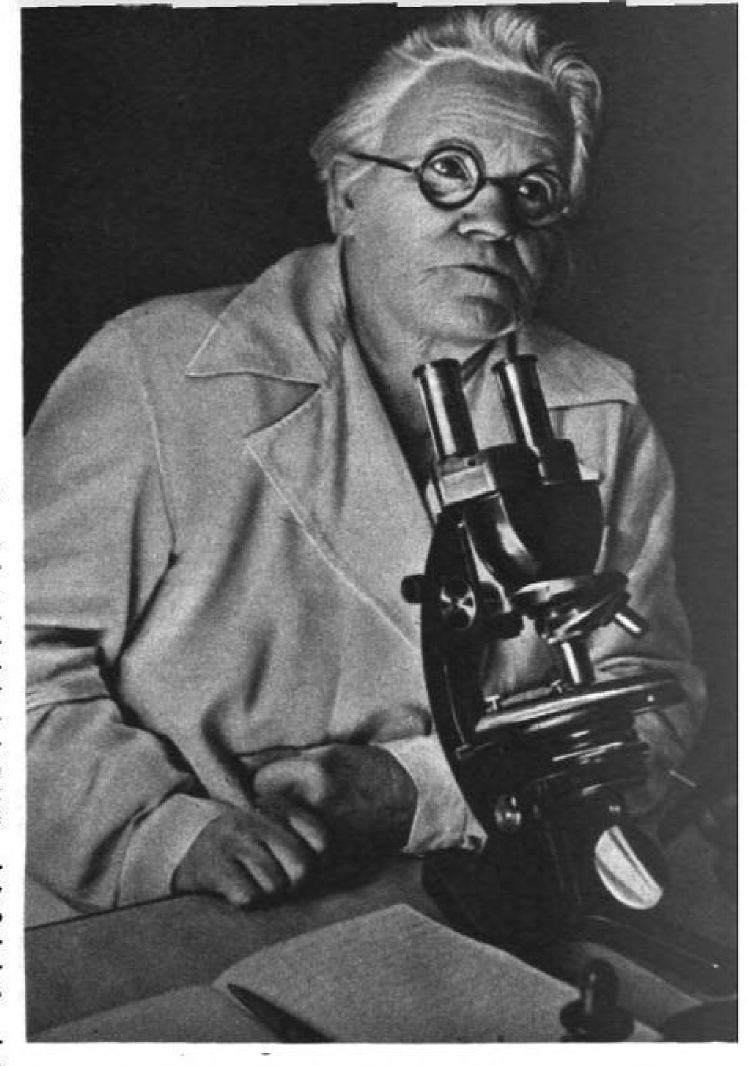
Лауреат Сталинской премии В. Дружников в роли П. Н. Нестерова.

Жуковский читает лекцию в школе летчиков.

ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО

Профессор А. Н. СТУДИТСКИЙ,
доктор биологических наук

Фото Б. Кузьмина

Ольга Борисовна Лепешинская.

Клетка... Кому не знакомо это слово, выражающее самое существенное в наших знаниях о тончайшем строении живых тел! В сознании каждого со школьной скамьи прочно укрепляется представление, что основу строения организмов составляют клетки — мельчайшие частицы, из которых сложены тела животных и растений.

«Элементарные органы», «кирпичи, из которых возведено здание организма»,— говорил о них великий русский ученый К. А. Тимирязев. «Основа жизни», «единица жизни» — так характеризуют клетку все современные учебники и руководства по микроскопической анатомии.

Комочек жизни — такая мысль возникает при рассматривании живых клеток под микроскопом. В капле крови микроскоп открывает миллионы мельчайших телец. Одни округлы, бесструктурны, неподвижны. Это красные кровяные клетки. Другие обладают заметным внутренним строением, при длительном наблюдении обнаруживают способность к движению. Это белые кровяные клетки — лейкоциты. В питательной среде, состоящей из жидкой части крови — плазмы,— можно изучить их поведение вне нашего тела.

Если с помощью микрокиноаппарата снимать белые кровяные клетки с перерывом в одну минуту, а показывать готовую ленту с обычной скоростью — 24 кадра в секунду,— то на экране обнаружатся удивительные вещи. Лейкоциты двигаются, подобно одноклеточным простейшим организмам — амебам. Более мелкие мечутся по экрану, почти неуловимые глазом; крупные медленно переползают с места на место, выпуская длинные отростки, растягиваясь и снова сжимаясь в комок. Они размножаются делением тела надвое. Дочерние клетки расползаются в разные стороны и приступают к самостоятельной жизни: питаются, переваривая вещества среды, в которой живут, поглощают микробов, попадающихся на пути. Создается впечатление, что действительно это частицы, наделенные всеми признаками жизни.

Такой взгляд владел исследователями на протяжении почти целого столетия. Изучение клеток, их тончайшего строения и деятельности открыло новый, неведомый нам мир — «закулисную работу жизни», по выражению великого русского мыслителя А. И. Герцена. Но вместе с тем оно уводило в сторону от познания организма как целого, в котором клетки играют подчиненную, зависимую роль.

Немецкий ученый Вирхов 90 лет назад объявил их ответственными за все состояния организма. Болезненные изменения нашего тела Вирхов назвал «клеточной патологией». На рубеже XIX и XX веков другой немецкий ученый, Ферворн, заменил исследование нормальной жизнедеятельности организма «клеточной физиологией».

В работе этих ученых и их последователей клетка заняла место целого организма. На многие годы незыблемыми, несокрушимыми истинами стали казаться слова Вирхова: «все живое только из клеток», «каждая клетка возникает из клетки». Отсюда следовал вывод, что познание всех живых тел должно сводиться к изучению входящих в их состав клеток.

Вирхов был убежденным противником дарвинизма, теории развития живой природы. Он считал природу застывшей в своих формах с того момента, когда она «вышла из рук творца». Его представления омертвили клеточное учение, которое из теории, свидетельствующей о развитии органического мира, превратилось в руках Вирхова в мертвую догму о тождественном плане строения всех живых организмов. Вирховианство стало опорой реакционного, идеалистического направления в биологии, отрицающего подлинную эволюцию живой природы.

И в самом деле, о каком развитии, то есть о превращении простого в сложное, об образовании нового на месте отживающего старого, можно говорить, если считать, что жизнь организма начинается с клетки и ведет к возникновению клеток, дающих начало новым организмам? Одна клетка, по Вирхову, порождает множество клеток — организм. Из этого множества снова выделяется одна клетка, порождающая новое множество; бесконечная цепь клеточных делений, воспроизводящих старые, вечно существующие формы. А где же развитие? Где образование нового?

На протяжении последних десятилетий прогрессивные ученые призывали к пересмотру вирховианской клеточной теории. Но только на основе марксистско-ленинского учения оказалось возможным разоблачить до конца извращения, внесенные Вирховым, и показать пути их преодоления.

Пятнадцать лет назад в скромной лаборатории на Пятницкой улице в Москве началась первая атака на твердыни вирховианства. Атаку возглавила Ольга Борисовна Лепешинская, профессор-большевик, доктор биологических наук, руководитель лаборатории — небольшого коллектива сотрудников, размещавшихся в нескольких комнатах института, носившего в те годы название Биологического института имени К. А. Тимирязева.

Оружием были факты, добытые упорным, сосредоточенным, кропотливым трудом. Доклады и выступления О. Б. Лепешинской неизменно сопровождались демонстрациями. На длинных столах выстраивались микроскопы — десятки штативов с первоклассной оптикой, позволяющей видеть тончайшие процессы развития.

Задача заключалась в опровержении метафизической вирховианской догмы, толкующей развитие как непрерывную цепь клеточных делений. Она противоречила марксистско-ленинскому пониманию развития как процесса, включающего наряду с медленными, постепенными, непрерывными изменениями и быстрые, скачкообразные изменения, нарушающие непрерывность развития. Догма Вирхова противостояла движению науки, мешала ее дальнейшему проникновению в тайны природы.

Под объективами лежали микроскопические препараты, на которых, переходя от микроскопа к микроскопу, можно было проследить удивительный процесс самозарождения клетки. Это были срезы, сделанные через развивающееся куриное яйцо — ту его часть, которая носит название зародышевого диска. Здесь идет бурное размножение клеток обычным путем, возникают зачатки органов. Но под зародышевым диском располагается желток. Его на протяжении многих лет считали источником питания зародыша. Это мнение оказалось неверным. Наблюдения О. Б. Лепешинской и ее сотрудников показали, что желток не только питательное, но и образовательное вещество, из которого строится тело эмбриона.

В жидкости, лежащей под зародышевым диском, зерна желтка образуют округлые тела — «желточные шары». Их обнаружили давно, но их роль оставалась неясной вплоть до того времени, когда О. Б. Лепешинская начала свои исследования. На препаратах легко улавливаются различия в строении желточных шаров. Если стоять на позициях вирховианства, этим различиям можно не придавать никакого значения — ведь они касаются «неживого», «питательного» материала. Но если подойти к ним с правильных, научных позиций, то шаг за шагом можно проследить процесс самозарождения клеток.

В этом и заключалось основное открытие О. Б. Лепешинской — доказательство возникновения клеток не из предшествующих клеток, а из неорганизованного, неоформленного материала — живого вещества.

В развитии животных организмов есть стадия, когда зародыш представляет собой одну клетку. Это вполне закономерно, так как в клетке в какой-то мере отражается далекое прошлое животных организмов, предки которых были одноклеточными существами. А доклеточная стадия? Ведь жизнь на земле возникла в виде клеток не сразу. Должно же находить отражение исходное, доклеточное состояние, когда жизнь воплощалась в более простых частицах — капельках живого вещества. И вот наблюдение открываю в развитии куриного зародыша эту стадию.

Приглашенные в лабораторию ученые склонялись над микроскопами, долго рассматривая препараты О. Б. Лепешинской. Высказывались осторожно, недоверчиво.

Открытию О. Б. Лепешинской предстоял длительный и нелегкий путь: преградой стояли старые, вирховианские представления.

Лепешинскую уверяли, что обычной методикой микроскопического исследования превращение желточных шаров в клетки доказать нельзя. Дело в том, что краски, применяемые для обработки таких препаратов, откладываются на зернах желтка так же, как на клеточных структурах, и создают внешнее сходство тех и других. Тогда была введена микрохимическая методика; она открыла в оболочках желточных шаров вещества, входящие в состав важнейшей части клетки — ее ядра. Развитие клетки из желточного шара сопровождается перемещением этих веществ в формирующееся ядро.

Лепешинской говорили, что вообще мертвыми, окрашенными препаратами нельзя доказать ее утверждения. Тогда она перешла на прижизненные наблюдения. В капле «живого», неубитого и неокрашенного желтка обнаружилась та же картина — последовательные стадии зарождения и развития клеток.

Были сделаны возражения, что стадии превращения описываются на нескольких, произвольно выбираемых желточных шарах. В ответ в лаборатории предприняли наблюдения над одним и тем же желточным шаром — с фотографированием через определенные промежутки времени. Фотоснимки также подтвердили правоту Лепешинской.

Тогда стали возражать против прижизненных наблюдений в капле желтка вне разви-

Научная конференция в лаборатории. Слева направо: старшие лаборанты А. М. Ерошкина и Т. С. Павлова, научный сотрудник В. Г. Крюков, профессор О. Б. Лепешинская, научные сотрудники Б. Н. Михин и О. П. Лепешинская, кинооператор микросъемок Н. К. Ренельский.

вающегося яйца. Лепешинская разработала методику наблюдений через прозрачное окошечко, накладываемое на живой, развивающийся зародышевый диск. И в этих условиях удалось доказать образование клеток из желточных шаров.

Вопрос стоил времени и сил, потраченных на его разрешение. Речь шла о перевооружении биологической науки, о новом в развитии животных организмов. И О. Б. Лепешинская продолжала борьбу.

На протяжении ряда лет накапливались новые факты. Куриное яйцо было только одним из многих объектов исследования. В лаборатории изучались яйца различных птиц, рыб, земноводных животных. Во всех случаях обнаруживалась доклеточная стадия, открытая О. Б. Лепешинской. Становилось очевидным, что живое может существовать не только в виде клеток, но и как неоформленное, бесструктурное вещество. Рушился миф о том, что последней, «неделимой единицей» жизни является клетка. Жизненные свойства отнюдь не обязательно связаны с ней. Любая частица тела, если она обладает основным признаком жизни — обменом веществ с окружающей средой,— живая, она растет и развивается. Такой частицей может быть любая крупинка протоплазмы — белкового вещества, из которого построено тело клетки,— ничтожно малая, даже невидимая в микроскоп, даже **молекула**.

Живая молекула! Это казалось кощунством, посягательством на священные устои вирховианской догмы. А между тем представление о живых молекулах было вполне научным и полностью соответствовало диалектико-материалистическому мировоззрению.

Энгельс считал, что жизнь «это — форма существования белковых тел, существенным моментом которой является **постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой** и которая прекращается **вместе с прекращением этого обмена веществ**, ведя за собой разложение белка». Совершенно ясно, что если в частице белка, не имеющей формы клетки, идет обмен веществ, то нет никаких оснований считать ее неживой. Она жива, она может расти и размножаться, если для этого есть соответствующие условия.

Ученые, спорившие с О. Б. Лепешинской, забывали о том, что существование живых белковых молекул — это не только возможность, вытекающая из ее опытов, но и реальный факт, уже доказанный наукой. Этот факт — возбудители некоторых болезней — фильтрующиеся вирусы. Они обладают настолько малой величиной, что их приходится считать сложными белковыми молекулами. Это не клетки. Но они проявляют признаки жизни — прежде всего способность к самовоспроизведению — за счет веществ организма, где они паразитируют.

Да, вирусы были камнем преткновения для вирховианской концепции. Вот почему буржуазная наука отрицает принадлежность вирусов к живым существам.

Советские ученые своими трудами определили место и значение неклеточных форм в развитии жизни.

Г. М. Бошьян доказал родство вирусов и микробов, установил возможность превращения вирусной частицы в микробную клетку.

О. Б. Лепешинская доказала, что из бесструктурного живого вещества, добытого из живого организма, возникают клетки.

Опыты были проведены на живом веществе гидр — маленьких пресноводных животных, обладающих высокой способностью к регенерации — восстановлению тела из небольшого кусочка.

Гидру растирали в ступке. Полученную массу растворяли в воде и подвергали центрифугированию — разделению на составные части. Осадок был снова растерт в ступке, снова разведен водой и центрифугирован. И капля совершенно бесструктурного вещества, взятая из верхнего слоя осадка, помещалась под микроскоп.

Уже через час в капле появляются первые признаки возникновения клеток: образуются мельчайшие тельца, которые на глазах увеличиваются в размерах. Если в каплю добавить питательные вещества — корм гидры,— то развитие продолжается. Тельца растут, приобретая строение клеток. Затем начинается размножение. С помощью микроскопа нетрудно воспроизвести развитие клеток из живого вещества во всех подробностях.

Так теоретическая гипотеза была доказана в эксперименте.

За 15 лет работы О. Б. Лепешинская и ее сотрудники добились выдающихся успехов в разработке теории развития клеток из живого вещества. Недавно вышедшая вторым изданием книга О. Б. Лепешинской «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме» содержит данные многочисленных опытов.

Подробные описания, сотни микрофотограмм показывают, как живое вещество превращается в клеточные формы. Эти превращения обнаружены в развитии разнообразных животных, в образовании крови у зародышей птиц, в заживлении ран и в других процессах. И то, что приведено в книге, составляет только часть материалов, полученных в лаборатории О. Б. Лепешинской. Работа продолжается, каждый день приносит новые факты, выбивающие оружие из рук противников.

О. Б. Лепешинской не раз делались возражения, что в питательных средах, где возникают клетки, не исключена возможность развития микробов, создающих впечатление самозарождающихся клеток. Это полностью опровергнуто наблюдениями над развитием клеток в белке куриного яйца.

Белок стерилен — свободен от микробов и их зародышей. Иначе и быть не может: при инкубации, в условиях повышенной температуры, микробы неизбежно вызывали бы разложение белка и гибель зародыша.

И в этом стерильном, «безжизненном» материале, составляющем всего-навсего одну из оболочек яйцевой клетки, в условиях инкубации происходит образование клеток.

В лаборатории О. Б. Лепешинской день за днем изучались изменения белка в инкубируемых яйцах. Сначала появляются мельчайшие, игольчатой формы кристаллики, собранные в виде звездочек: белок кристаллизуется. Это первый этап развития клеток. Затем звездочка расплывается — возникает комочек, однородный во всех своих частях. Но вот в нем отчетливо выявляется внутреннее шаровидное тельце — ядро. Теперь это уже клетка типичного строения. И не только строения, но и состава. **Микрохимические реакции открывают в клетке вещество, характерное для всех клеток животных организмов. Процесс завершен: из неклеточной возникла клеточная форма.**

Образование клеток из живого вещества — это закономерность развития. Она определена далеким прошлым органического мира — древнейшим состоянием жизни, состоянием живого, но еще неоформленного вещества, — так же, как стадия клетки, стадия живого вещества, пройденная когда-то развивающейся живой природой, воспроизводится в становлении каждого организма.

Победа передовых взглядов на строение и развитие живых тел — новая победа мичуринской биологической науки. Вирховианство — это опора реакционного вейсманизма-морганизма, лжеучения о наследственности, созданного буржуазной наукой. Вейсманизм отрицает развитие в природе, толкуя все изменения живых тел как комбинации неизменных наследственных зачатков. Новое в природе, согласно представлениям вейсманистов-морганистов, не возникает: развития нет, есть только воспроизведение одним наследственным зачатком другого, совершенно такого же, и их различные сочетания.

Такое же извращение подлинных закономерностей развития содержит вирховианская трактовка. Так же, как вейсманисты-морганисты изображают воспроизведение наследственных зачатков, защитники вирховианской догмы трактуют воспроизведение клеток: клетка от клетки, организм из клеток, и новый организм от одной из клеток, порожденной предшествующим организмом. В этой порочной схеме отсутствует то, что видит в живой природе каждый человек: беспрестанное изменение, образование нового. А новое возникает только на основе разрушения старого. Разрушение клетки до бесструктурного состояния и новообразование клеток — необходимый, закономерный процесс в развитии организмов.

Советская мичуринская биологическая наука на наших глазах переделывает природу, вызывая к жизни «существа будущего», как называл новые формы растений великий ученый И. В. Мичурин. Объединенными усилиями советские ученые различных специальностей вскрывают закономерности возникновения и развития животных и растительных организмов, созданных природой и преобразуемых человеком в интересах строительства коммунизма. В этой огромной работе вооружат и усилят творческую мысль новые представления о развитии — результат могучего влияния идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на советское естествознание.

НАШ КЛУБ

В обеденный перерыв к рабочим депо с концертом приехала бригада художественной самодеятельности клуба.

И. СЕМЕНОВА

Фото Е. Умнова

«Наш клуб» — так называют гомельские железнодорожники не только новое здание против вокзала, куда по вечерам приходят они в одиночку и целыми семьями. «Наш клуб» — понятие более широкое. Это также интересные выставки, лекции и беседы на маленьких станциях; это конференции читателей технической и художественной литературы, кинофестивали лучших советских фильмов, концерты кружковцев и мастеров искусств в красных уголках предприятий...

Оживленно вечером в клубе. Репетируют новую программу художественные коллективы, сражаются в очередном турнире шахматисты, занимается кружок фотолюбителей. В большой аудитории идет лекция для молодежи — «Образ товарища Сталина в художественной литературе». На экране в кинозале показывают новую картину...

В фойе посетители знакомятся с выставкой работ художников города — профессионалов и любителей. Экспонированы живопись, графика, скульптура, вышивка...

Машинисты Н. Кураш, И. Хладенко, П. Царик и Н. Щегольков (слева направо) рассматривают портреты знатных железнодорожников. Вот и портрет старшего машиниста Н. Н. Щеголькова. 20 лет работает Николай Никитич на Гомельском узле. Паровозу его — вожаку колонны «Пятилетка в четыре года» — присвоено звание лучшего паровоза сети дорог.

Тесно связан клуб с производственной жизнью дороги. Со знатными людьми узла знакомят и выпускаемый бюллетень и световая газета. В клубе можно услышать увлекательный рассказ о кривоносовских рейсах. Долгие оживленные беседы завязываются на стахановских вечерах, на которые стремится придти каждый, кто свободен от рейса. Депутат Верховного Совета СССР И. Ф. Каменщиков (третий слева) рассказывает товарищам по депо о своем последнем рейсе.

НАШ КЛУБ

Деятельность клуба мы наблюдаем далеко за пределами узла. «Новые книги привезли» — эта весть моментально облетает линейную станцию Костюковка. Весовщик станции библиотечная активистка В. Гладкая, получая книги от библиотекаря клуба З. Лизуновой, передает ей новый заказ: «Привезите непременно книги, удостоенные Сталинской премии: спрос на них большой».

— И детских книг побольше! — добавляет ученица 5-го класса Тамара Чепа.

26 библиотечных передвижек обслуживают далеко отстоящие от клуба пункты.

* * *

Еще на первом фестивале народного танца в Москве был отмечен коллектив гомельчан, и с тех пор на союзных и республиканских смотрах, олимпиадах, фестивалях он неизменно занимает одно из ведущих мест. Руководит хореографическим кружком заслуженный деятель искусств БССР А. А. Рыбальченко.

В просторной, светлой комнате днем занимается детская танцевальная группа. А. А. Рыбальченко готовит хореографическую картинку «Малая Белорусская» — о детской железной дороге...

* * *

На Всесоюзном смотре клубов, домов и дворцов культуры гомельскому железнодорожному клубу имени Ленина была присуждена первая премия.

Во время войны здание клуба было разрушено. Но как только советские войска освободили город от фашистских варваров, железнодорожники принялись его восстанавливать. Вскоре здесь вновь забурлила жизнь. В уютных комнатах трехэтажного здания разместились различные кружки. По вечерам из широких окон льется песня, доносятся голоса балалаек и мандолин, гулкие вздохи труб и валторн.

Н. Абаляев.— РЫБАК.

СКУЛЬПТОР Николай Абаляев

В городе Кимры, издавна славящемся обувным промыслом, в местном музее среди экспонатов, характеризующих историю и быт района, имеются работы резчика по дереву Николая Ивановича Абаляева.

Темы его работ взяты из жизни. В одних скульптор показал черты тяжелой и неприглядной жизни тружеников-кустарей в дореволюционной России, в других запечатлел то новое и светлое, что принесла народу советская власть.

Николай Абаляев родился в деревне близ Кимр в 1900 году. После двухлетней учебы в школе он, потомственный сапожник, десяти лет был уже посажен за «липку» и вскоре овладел ремеслом. Свой край он покидал только дважды: в 1920 году, когда сражался против белогвардейских банд Деникина, и в 1941 году, когда вновь ушел защищать Родину. Николай Абаляев пал смертью храбрых на фронте Великой Отечественной войны.

Абаляева принято относить к «самоучкам». Действительно, он не получил художественного образования, и единственным его орудием скульптора был сапожный нож. Но с понятием «самоучка» связано представление о недостатке умения, техники. Абаляев же ставил и решал сложные задачи — об этом свидетельствуют статуэтки «Рыбак», «Футболист», «Лесоруб».

Темы других его работ — «Привела мать на учебу» и «Возвращенье с учебы» — это воспоминания скульптора о горестном детстве. Композиции «Обед у кустаря» придан сатирический характер. Статуэтка «Сапожник» — фигура человека, искалеченного подневольным трудом.

Абаляев любовно воссоздавал образы социалистической действительности: «Пионеры идут в школу», «Крестьянка со снопом колосьев» и другие. Наиболее значительное его произведение — многофигурная композиция, выполненная в 1940 году. Она изображает великий перелом в жизни крестьянства, дни «поднятой целины». В центре композиции рабочий-двадцатипятитысячник, вокруг представители разных слоев деревни. Абаляеву удалось мастерски передать чувства крестьян, коренным образом изменяющих свою судьбу.

Жители Кимр по праву гордятся своим талантливым земляком.

А. ГАТОВ

Н. Абаляев.— ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА.

От друзей у нас нет секретов

Александра ЧУДИНА,
заслуженный мастер спорта

Четыре года назад я впервые подружилась со спортсменами стран народной демократии. Было это накануне розыгрыша первенства Европы по легкой атлетике. Участники соревнований, представители двадцати двух европейских государств, жили в огромном лагере Сместад близ Осло. Вокруг советских спортсменов звучала чужая, непонятная речь. Только язык словаков, чехов, поляков, болгар был нам близок и понятен. С ними и завязались разговоры, а потом — и настоящая дружба.

Конечно, основой для нашей дружбы послужила не одна лишь родственность языков. Мы не могли разговаривать без помощи переводчиков с румынами или венграми, но вскоре подружились и с ними. Общность интересов всех подлинно демократических стран — вот что родило и нашу спортивную дружбу.

Легкоатлеты Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии хотели использовать у себя на родине опыт советского физкультурного движения, желали поучиться мастерству у наших спортсменов. Мы охотно шли навстречу такому желанию. Нам и самим хотелось позаимствовать все ценное из опыта легкоатлетов стран народной демократии. Поэтому беседы наши носили задушевный и откровенный характер. Когда же нас расспрашивали о методах тренировок, мы всегда были готовы не только ответить, объяснить, но и показать. Между настоящими друзьями не бывает секретов.

Совсем по-иному строятся взаимоотношения спортсменов капиталистических стран. Незадолго до открытия легкоатлетического чемпионата Европы в одной из шведских газет появилось сообщение под сенсационным заголовком: «Тайна финнов в метании копья разоблачена!». Оказывается, финны много лет держали в строжайшем секрете метод тренировки своих копьеметателей. Лишь недавно какому-то шведскому тренеру удалось подсмотреть (!), как упражняются финские спортсмены. В результате и появилась статья под столь кричащим названием. Не мешает напомнить, что финны и шведы при всяком удобном и неудобном случае разглагольствуют о своей «традиционной дружбе».

Без пышных деклараций и фальшивых заверений успешно развивается, крепнет и дает замечательные плоды дружба спортсменов Советского Союза и спортсменов народно-демократических стран. Наша встреча в Норвегии лишь завязала эту дружбу. Само собой, в условиях подготовки к ответственнейшим соревнованиям мы не могли уделять друг другу слишком много внимания. Но вот в 1948 году делегация советских спортсменов едет в Польшу.

Больше трех недель провели мы в этой гостеприимной и дружеской стране. Мы посетили Варшаву, Гданьск, Вроцлав, Катовицы, Краков, Лодзь. В каждом из этих городов у нас состоялись товарищеские матчи с польскими легкоатлетами, волейболистами и баскетболистами. Среди наших «противников» мы с радостью встретили и тех спортсменов, с которыми познакомились еще в Осло.

Обмену опытом, взаимной учебе хорошо послужили наши спортивные соревнования. Ведь мастерство обретается и в борьбе.

Победительницы соревнований в Берлине по прыжкам в высоту с разбега. Слева направо: Модрахова (Чехословакия), занявшая 2-е место, А. Чудина (СССР) — 1-е место и Преис (Германская демократическая республика) — 3-е место.

Пусть наши бегуны Каракулов, Санадзе, Головкин обогнали польского спринтера Кишку. Зато Кишка многому у них научился. Пусть наши прыгуны Волков и Кузнецов проиграли поляку Адамчику. Зато этот проигрыш заставил советских прыгунов быть требовательнее и строже к самим себе.

В большинстве соревнований побеждали со значительным перевесом советские спортсмены. Но они тут же раскрывали перед польскими товарищами все «секреты» своего мастерства. В Варшаве и Вроцлаве наши тренеры Н. Г. Озолин, Д. П. Марков, Н. Н. Денисов и З. П. Синицкий прочли для польских спортсменов цикл лекций о методах тренировок по различным видам спорта. Каждую такую лекцию наши лучшие спортсмены иллюстрировали показом отдельных элементов своей богатой техники.

Перед отъездом из Польши советский рекордсмен Николай Озолин подарил одному из молодых польских спортсменов свой бамбуковый шест для прыжков. По его примеру я подарила польской метательнице свое копье. В этих подарках была известная символика. Мы как бы говорили:

— Вот вам наше испытанное в спортивных боях оружие! Пусть поможет оно и вашим победам!

Трудящиеся Польши проявляли к выступлениям советских спортсменов огромный интерес. В Катовицах наши выступления начались и кончились под дождем. Но никто из 25 тысяч зрителей не покинул стадиона. Многотысячная толпа стояла и возле стадиона, слушая радиорепортаж о матче.

Поляки с восторгом встречали все наши спортивные успехи. Но однажды им пришлось убедиться и в нашей готовности к труду. После соревнований в Варшаве советские баскетболисты и волейболисты приняли участие

Советская гимнастка Г. Урбанович, после соревнований в Праге, подписывает свою фотографию чехословацкому мальчику

в работах по восстановлению города. Мы присоединились к молодежному отряду Службы Польской, занятому разборкой какого-то полуразрушенного здания. Вот тут и произошел любопытный эпизод.

Кирпич надо было грузить на большие железнодорожные платформы, стоявшие метрах в пятидесяти. Польская молодежь работала очень старательно, но медленно. Кирпич клали на тачки, везли к платформам, а там перегружали. Советские спортсмены начали работать по-другому. Они выстроились цепочкой и «перепасовывали» друг другу кирпичи от здания до самой платформы. Работа шла быстро и споро. Не прошло и часа, как обе платформы были нагружены.

С интересом наблюдавшие за нами варшавяне наградили советских спортсменов шумными аплодисментами. Нам это приветствие было так же дорого, как и рукоплескания за хороший прыжок или удачный бросок мяча. А еще радостнее было увидеть, что и польская молодежь начала работать по нашему методу.

Поездка в Польшу была только началом наших многочисленных встреч со спортсменами стран народной демократии. Много интересного и полезного дал обеим сторонам прошлогодний легкоатлетический матч СССР—Чехословакия, происходивший в Москве. Соревнования эти особенно ценны были тем, что вызвали к жизни новые спортивные рекорды, как советские, так и чехословацкие. Советский бегун Эрих Веетыусме, соревнуясь с чехословацкими спортсменами В. Чевона и М. Швайгром, установил новый всесоюзный рекорд в беге на 1500 метров.

Во время матча установили новые всесоюзные рекорды Владимир Казанцев, Александр Канаки, Тимофей Лунев.

Национальные рекорды Чехословакии установили Мирослав Тошнар, М. Матесова, команда-участница мужской эстафеты.

Интересно проходили мои встречи с венгерской рекордсменкой, олимпийской чемпионкой Ольгой Дьярматти. В прошлом году во время международных студенческих игр в Будапеште на старт соревнований по прыжкам в длину вместе со мной вышла невысокого роста, стройная блондинка. Это и была Дьярматти, лучшая прыгунья Венгрии.

С первой же попытки Ольга Дьярматти сделала прыжок в 5 метров 95 сантиметров. Я прыгнула много хуже. Но я внимательно присмотрелась к технике моей победительницы. Успех ее определялся хорошо отработанными ритмом и скоростью разбега, регулярным попаданием ноги на планку, отличным толчком. Все эти элементы техники были у меня гораздо слабее. Именно на них и обратила я в тренировках особое внимание.

И вот прошло меньше года. Я снова встретилась с Ольгой Дьярматти, теперь уже в Берлине, на соревнованиях во время Всегерманского слета молодежи. Между мной и венгеркой завязалась упорная спортивная борьба. После трех попыток лучший результат был у меня — 5 метров 74 сантиметра. Но в финале Дьярматти прыгает на два сантиметра дальше, а я добиваюсь рекордного результата — 5 метров 95 сантиметров.

— Гратуллю! — поздравляет по-венгерски Дьярматти, крепко пожимая мне руку.

С такой же сердечностью готова и я поздравить свою венгерскую подругу по спорту с любым из ее новых достижений.

За последние два — три года советские физкультурники встречались со спортсменами стран народной демократии много раз. Товарищеские матчи и совместные тренировки состоялись не только у легкоатлетов и пловцов, но и у гимнастов, штангистов, боксеров, теннисистов, футболистов и представителей других видов спорта. Все эти встречи неизменно приносили пользу обеим сторонам, содействовали росту спортивного мастерства.

Нынешней весной вместе с нашими легкоатлетами тренировалась в районе Сочи группа чехословацких спортсменов во главе с рекордсменом мира Эмилем Затопеком. Вернувшись на родину, Затопек выступил в печати с восторженным интервью о советских методах тренировок. Но я уверена, что много ценного почерпнули из совместных тренировок и наши бегуны.

Встречаясь с нашими зарубежными друзьями, бывая в странах народной демократии с радостью видишь, как уже много взято ими из богатого советского опыта. Я уже не говорю о том, что в этих странах спорт стал доступен самым широким массам трудящихся, что здесь введена сдача спортивных норм по образцу нашего комплекса ГТО, что во многом применяется организационная система советского физкультурного движения. Коснусь спортивной техники. И наша техника все шире используется в народно-демократических странах.

Особенно заметно это было во время розыгрыша первенства Европы и мира по волейболу. Чехи, поляки, болгары, венгры, румыны успешно применяли заимствованные у нас приемы игры. По примеру же советских волейболистов они стали активнее в защите. Конечно, такое явление характерно не только для волейбола. Спортсмены демократических стран стремятся овладеть деталями советской техники и в других видах спорта.

Помню, в Будапеште меня окружили венгерские легкоатлеты и просили показать, как выполняется так называемый «стопорящий толчок», один из важнейших элементов техники прыжка в высоту. Они же просили научить правильной работе ног над планкой. Я с удовольствием показывала и учила. Повторю еще раз: от настоящих друзей у нас секретов нет.

В странах народной демократии физическая культура и спорт ставят своей целью всестороннее физическое развитие человека, помощь строительству социализма. Растет дружба спортсменов этих стран с физкультурниками Советского Союза.

Конечно, наша дружба содействует не только рождению новых рекордов, новых высоких спортивных достижений. Каждая наша встреча, каждое соревнование, каждая совместная тренировка является и новым вкладом в дело укрепления общей широкой и всесторонней дружбы между советским народом и народами демократических стран. Этот крепнущий с каждым днем братский союз борцов за мир и за светлое будущее не смогут разрушить никакие силы.

ТРЕНЕРЫ СОВЕТСКОГО СПОРТА

Инженер Александр Шведов

Был погожий московский вечер. Ярко поблескивала река, отражая лучи клонившегося к закату солнца. Над легкими волнами, мерно поднимаясь и опускаясь, словно крылья большой птицы, мелькали восемь весел. Они стремительно несли по воде узкотелый «скиф» с девятью загорелыми, мускулистыми спортсменами.

Скользя вдоль гранитных берегов, лодка направилась к «Стрелке» — водной станции ВЦСПС. «Скиф» причалил к плоту. Осторожно вышли из неустойчивого судна восемь гребцов и рулевой. Первым покинул свой отсек высокий, стройный спортсмен. В его руках не было весла, в лодке он сидел за рулем. Это был Александр Михайлович Шведов.

Он тренирует гребцов общества «Крылья Советов», о которых идет слава как о быстрейших. Спортсмены называют эту восьмерку крылатой.

...Был 1932 год. В советский спорт вливались новые тысячи юношей и девушек.

В один из весенних дней на плоту 2-й водно-спортивной станции городского совета профсоюзов, расположенной у Бородинского моста, появился юноша. На вид ему было лет шестнадцать. Московские гребцы в тот день впервые выходили на воду — открывали сезон. Паренек с восторгом и завистью следил за состязаниями на воде. С тех пор Сашу Шведова потянуло к гребному спорту.

Летом того же года Шведов был принят в юношескую команду гребцов.

Восьмерка гребцов общества «Крылья Советов» на тренировке. В круге — инженер А. Шведов.

Фото А. Бочинина

Когда свежий речной ветер наполнял легкие и чувствовалась приятная усталость, он думал: «Вот он — вид спорта, в котором может разгуляться природная сила!» И ему вспоминались рассказы старейшего русского гребца М. С. Свешникова. Еще в XIX веке этот богатырь не раз завоевывал первенство в международных состязаниях по гребному спорту, «привозя на корме» хваленых заморских рекордсменов.

Новаторство было отличительной чертой в работе Шведова. Путем точных расчетов он доказал, что «спурты» (движения вперед рывками), столь необходимые в тактике легкоатлетов, в гребле неприменимы.

Незадолго до конца войны инженера Шведова перевели на работу в Московский авиационный институт имени Орджоникидзе. Здесь было широкое поле деятельности для тренера-гребца. Желающих заниматься спортом было много. Александр Михайлович организовал в спортивном клубе института мужскую команду гребцов. Тогда еще немногие могли предвидеть, что эта команда общества «Крылья Советов» скоро будет грозой для чемпионов на водных дорожках и подарит стране не один рекорд. В экипаж восьмерки вошли Евгений Сиротинский, Борис Зубчук, Игорь Демьянов, Владимир Родимушкин, Игорь Борисов, Алексей Комаров, Евгений Бочаров и Сергей Волков.

...Путь к победе был труден. Начались тренировки на воде. Почти каждый день на Москве-реке можно было видеть скользящие спортивные суда. Шведов все свое уменье и мастерство опытного спортсмена передавал молодежи. Несогласованным движениям постепенно приходили на смену ритмичные весельные удары гребцов, работавших в едином темпе.

Июнь 1946 года принес первые успехи. Быстрокрылая восьмерка Шведова прошла километровую дистанцию с рекордным результатом. А через несколько дней команда гребцов общества «Крылья Советов» завоевала приз имени 75-летия русского гребного спорта.

Осенью восьмерка еще раз продемонстрировала рост своего мастерства, побив прежнее всесоюзное достижение в гонке на два километра.

Не менее плодотворным был и следующий год. Спортсмены «Крыльев Советов» завоевали звание чемпионов Москвы, ВЦСПС и СССР.

Первые успехи вдохновили гребцов. Они продолжали упорную борьбу за секунды. Прививаемое тренером чувство товарищества, дружба коллектива помогали гребцам одерживать победы. Не один раз на крупных состязаниях судьи извещали о том, что первыми к финишу пришли гребцы «скифа», в рулевом отсеке которого сидел А. Шведов. Имена неоднократного победителя всесоюзных чемпионатов Демьянова, сильнейшего загребного Сиротинского, мастеров гребного спорта Комарова, Зубчука, Кабанова стали известны далеко за пределами столицы.

В прошлом году безрульная четверка «Крыльев Советов» добилась отличного успеха, пройдя два километра за 6 минут 24,6 секунды. Это результат, вторично достигнутый в мире за все время существования гребного спорта. Лодка с четырьмя гребцами развила скорость восьмерки.

В такие дни, возвращаясь с соревнований в лабораторию Авиационного института, ведущий инженер кафедры тепловых двигателей мастер спорта Александр Михайлович Шведов был горд сознанием исполненного долга. Было приятно думать, что большой труд, вложенный в воспитание и обучение спортсменов, не пропал даром.

Дм. ЛЮБИМОВ

АМЕРИКАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

(Из «Словаря Дьявола»)

Амброз БИРС

Рисунки Л. Бродаты

Рассказ — это короткое повествование, обычно не соответствующее действительности. Однако истинность приводимых ниже рассказов никогда еще не была заподозрена с достаточным основанием.

1

М-р Рудольф Блох из Нью-Йорка оказался как-то за обедом рядом с м-ром Персивалем Поллардом, известным критиком.

— М-р Поллард,—сказал Блох,— моя книга «Биография мертвой коровы» вышла, правда, анонимно, но вы вряд ли могли не знать, кто ее автор. Между тем, обсуждая ее в вашем обзоре, вы говорите, что она принадлежит Идиоту № 1 нашего столетия. И это, по-вашему, честная критика?

— Очень сожалею, сэр, — сказал критик дружески, — но мне не приходило в голову, что вы в самом деле не хотели, чтобы публика узнала подлинное имя автора.

2

Генерал Г. Г. Уозерспун, президент Военной академии, имеет у себя дома обезьяну-бабуна — животное, необычно развитое в умственном отношении, но не вполне красивое.

Возвратившись как-то вечером к себе домой, генерал, к своему удивлению и огорчению, увидел,

что Адам (так генерал называл это существо, так как он был дарвинистом) сидит в его кресле, одетый в его лучший мундир с эполетами и всем прочим.

— Эх ты, проклятый дальний мой предок, — зарычал величайший стратег, — с чего это ты вздумал не спать после ужина да еще нацепил на себя мой мундир?!

Адам вскочил и, глядя очень укоризненно на генерала, присел на все четыре ноги, как полагается ему по его воспитанию, затем подбежал к столу и, наконец, возвратился к генералу с визитной карточкой в лапах. Оказалось, что в отсутствие генерала к нему приезжал с визитом генерал Барри и, судя по пустой бутылке из-под шампанского и по нескольким сигарным окуркам, очень неплохо развлекался в ожидании хозяина.

Генерал извинился перед своим верным предком и вышел из комнаты.

На другой день он встретил генерала Барри. Барри ему сказал:

— Спун, старик, уходя от вас в последний раз, я так и забыл вас спросить о ваших превосходных сигарах. Где вы их достаете?

Генерал Спун не удостоил его ответом и отошел от Барри.

— Простите меня, Спун, пожалуйста, — сказал Барри, поспешая за ним, — я, конечно, пошутил. Не прошло и 15 минут, как я, еще сидя в вашем кабинете, понял, что это были не вы.

3

Контр-адмирал Шлей и член палаты представителей Чарльз Ф. Джой стояли перед памятником мира в Вашингтоне и обсуждали вопрос: можно ли считать успех неудачей?

В середине какой-то очень многозначительной фразы Ч. Ф. Джой вдруг остановился и воскликнул: «Ба! Я уже как будто слышал это оркестровое сочинение раньше. «Сентлемэнна», что ли?

— Я не слышу никакого оркестра, — сказал Шлей.

— А я что говорю! И я тоже не слышу никакого оркестра, — сказал Ч. Ф. Джой, — но я вижу, что по аллее продвигается генерал Мойлз, а это представление всегда действует на меня так же, как оркестр медных инструментов. Я же говорю: всегда надо очень тщательно проверять свои ощущения, а то можно ошибиться в вопросе об их происхождении.

Покуда контр-адмирал Шлей наспех переваривал эту новую философскую идею Ч. Ф. Джоя, мимо них торжественно прошествовал, точно делал смотр войскам, генерал Мойлз; это было потрясающее воплощение Собственного Достоинства.

Когда скрылся с глаз хвост воображаемой процессии и оба наблюдателя несколько оправились от того умопомрачения, которое вызвало в них все это сияние, контр-адмирал заметил:

— Он, как видно, получает очень большое удовольствие от своей особы.

— О да, — согласился с ним Ч. Ф. Джой и задумался, а потом сказал очень глубокомысленно: — Ничто не может дать ему и половины того удовольствия, какое дает ему его собственная персона.

Перевод с английского **Л. БОРОВОГО**

Сага о храбром викинге

Председатель норвежского стортинга Натвиг Педерсен позволил себе более или менее объективно оценить события в Корее, но «неизвестно почему» внезапно изменил свою точку зрения и публично повинился в сказанном.

(Из газет)

В зале шум. Дивится зал
Дерзостной затее:
Натвиг Педерсен сказал
Правду о Корее!
Так сказать, сорвались с губ
Два правдивых слова...

Но — смотрите: правдолюб
Выступает снова!
Он твердит, не глядя в зал:
«Скрыть свой грех не смею,—
Я нечаянно сказал
Правду про Корею.
А от правды (вспомнить — стыд!)
Сохрани нас, боже...»

Ладно, Натвиг! Бог простит,
Да и Трумэн — тоже.

Эмиль КРОТКИЙ

В южно-американских странах футбольные матчи часто превращаются в кровавые побоища, в которых принимают участие зрители. Аргентинская печать сообщает о многочисленных жертвах буржуазного футбола.

(Из газет)

ТОТАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ...

...ПОД ЗНОЙНЫМ НЕБОМ АРГЕНТИНЫ.

Рисунок Н. Лиса

39-34

Созрели яблоки и груши, соты в пчелиных ульях заполнены медом, заканчивается уборка зерновых, огурцов, томатов; на юге начинают убирать подсолнечник и табак, персики, сливы, орехи; созревают арбузы и дыни — вот он, урожайный август, последний месяц лета, когда пожинаются плоды того, что было заложено тружениками земли осенью и весной.

В августе можно найти любые грибы: к этому времени в почве создаются наиболее благоприятные для их роста условия. В лесу, на болотах, на озерах много дичи: птенцы подросли и заматерели, — начинается охота по перу. На удочки и жерлицы хорошо ловятся щуки и окуни.

К концу месяца заметно желтеет листва, краснеет рябина, прозрачней и холодней становится вода. «В августе серпы греют, вода холодит», — гласит пословица. Все напоминает о близкой осени.

Но все же август характерен ровной, теплой погодой. Средняя его температура по Москве, например, выше 15 градусов. Изредка август даже бывает теплее июля. Спад температуры обычно происходит со второй половины месяца.

Все меньше становится цветов, все оголенней лесные пущи и пустынней поля. Певчие птицы перед близким отлетом начинают сбиваться в стайки, с севера уже летят пролетные, в средней полосе одними из первых улетают стрижи.

Заметно убавляется день, раньше начинает темнеть. В безлунные августовские ночи почти черное небо усеяно мириадами звезд, как будто там тоже созрел богатый урожай, и, как серебряные и золотые зерна, сыплются «падающие звезды». Особенно их много бывает в северо-восточной части неба 11—12 августа — в период наибольшей активности самого обильного из метеорных потоков — персеидов; в это время иногда каждую минуту «падает звезда». Яркие, белого цвета метеоры летят быстро, прочерчивая по небу слабый, тающий след. Радиант, их исходная точка, лежит в созвездии Персея.

Старинная русская пословица говорит: «В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять». Действительно, в этом месяце не только собирают урожай, но и закладывают основы урожая будущего года: идет осенняя обработка почвы и сев озимых культур.

Б. М.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА И КАРТИНА РАФАЭЛЯ

Посещения А. С. Пушкиным Эрмитажа нашли отражение в его творчестве: в стихотворениях «Недоконченная картина», «Возрождение» и более позднем — «Полководец».

В Эрмитаже в то время было единственное изображение мадонны кисти Рафаэля — картина «Святое семейство», или «Мадонна с безбородым Иосифом». О ней в альбоме, популяризировавшем коллекцию Эрмитажа и изданном в 1805 году, хранителем картинной галереи сказано:

«...Господин Барруа весьма дешево купил сию картину, принадлежавшую Ангулемскому дому. Она хранилась в оном без особого внимания. Неискусной какой-то живописец, желая поновить ее и, не умея совместить работы своей с работой творца оной, всю ее переписал снова, так что уже не видно было в ней кисти Рафаела. Но когда господин Барруа ее купил, то Вандин, очистив ее от посторонней работы, возвратил свету подлинное ее письмо, которое вместо повреждения стало оттого гораздо свежее; наложенные на нее краски неискусного живописца послужили ей покрышкою и сохранили ее от вредных действий воздуха...».

Эта история заимствована из рукописного каталога Эрмитажа, составленного в 1773—1783 годах. Ее со всей очевидностью и передает Пушкин в первых строфах стихотворения «Возрождение»:

Художник-варвар кистью
сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок
беззаконный
Над ней бессмысленно
чертит.

Но краски чуждые,
с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней
красотой.

Стихотворение это было впервые напечатано в «Невском Альманахе» в 1828 году. Комментаторы относили его к разряду «аллегорических», считая центральный образ стихотворения созданием творческого воображения поэта, поэтической метафорой. Между тем, как удалось теперь установить в своем исследовании старшему научному сотруднику Эрмитажа М. Я. Варшавской, источником творческого вдохновения Пушкина при создании этого замечательного стихотворения служили реальные, жизненные впечатления.

С. Д.

Подумай

МИКРОСКОП И ВИРУСЫ

До того как был изобретен электронный микроскоп, ученые тщетно пытались разглядеть в оптический микроскоп — даже с максимальным увеличением (в 3600 раз) — мельчайшие вирусы — возбудители гриппа, оспы и некоторых других болезней.

Некий самоучка — механик и оптик, весьма искусный мастер, — узнав об этом, решил сконструировать и построить микроскоп более мощный, чем существующие. Он поставил в изготовленный им микроскоп вдвое больше линз.

Для испытания своего прибора изобретатель достал в лаборатории несколько капель жидкости, заведомо содержащей эти вирусы.

Однако вирусы ему не удалось увидеть. Тогда он принялся за изготовление еще более сильного микроскопа, в котором поставил втрое больше линз, очень тщательно отшлифованных.

Все же и на этот раз его постигла неудача.

В чем же дело?..

«МОЛОДОЙ» ЧЕЛОВЕК

Вообразим, что на одной из планет солнечной системы имеются существа, подобные людям, и что они живут столько же «планетарных» лет, сколько наш человек — земных.

При этих условиях «молодой» житель этой планеты, лет двадцати в перерасчете его возраста на земные годы имел бы почтенный возраст... почти в 5000 лет!

О какой планете мы говорим?

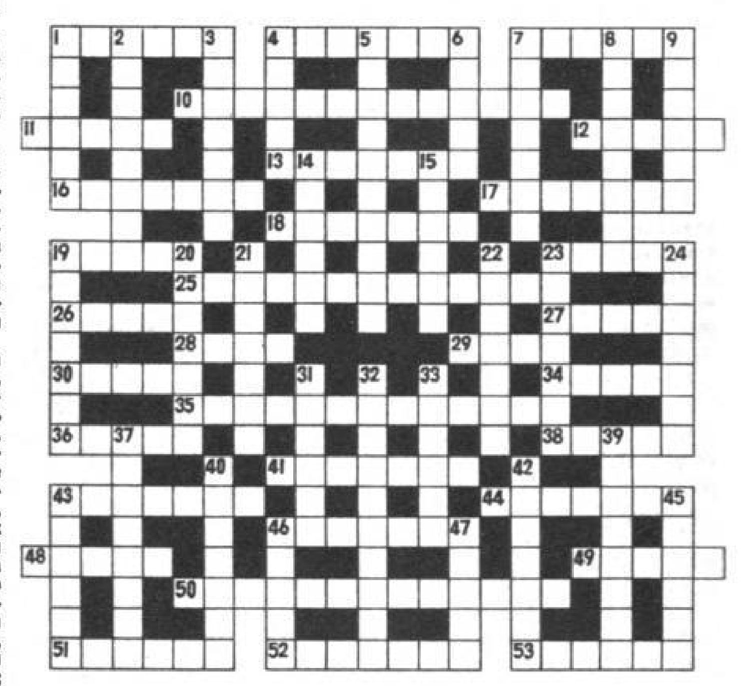
ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 30

ДВА ВИДА ГОРЕНИЯ

При очень высоких температурах не только не происходит образования более сложных молекулярных соединений, а, наоборот, вещество разлагается на простые составные части.

Так, например, на поверхности Солнца, где температура составляет 6 тысяч градусов, почти все сложные молекулы распадаются, и вещество поверхности Солнца является в основном механической смесью атомов чистых элементов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Великий украинский писатель. 4. Часть ружья. 7. Представитель национальности СССР. 10. Международное объединение. 11. Сообщение о своей работе. 12. Насекомое из семейства пчел. 13. Бессодержательный ответ. 16. Обсуждение. 17. Род винтовки. 18. Неподвижное основание станка. 19. Стиль плавания. 23. Вооруженная борьба между государствами. 25. Покровительственная система таможенной политики. 26. Большой обломок твердого вещества. 27. Русский физик. 28. Растение из семейства тыквенных. 29. Действительное событие. 30. Продолговатое мягкотелое животное. 34. Горчичный газ. 35. Взрывчатое и лекарственное вещество. 36. Мера длительности, промежуток. 38. Город в РСФСР. 41. Середина дня. 43. Государственный музей в Ленинграде. 44. Советский писатель. 46. Гора в Европе. 48. Разветвление речного русла. 49. Совокупность учреждений, обслуживающих людей средствами общения на расстоянии. 50. Русский математик. 51. Направление линии дороги, канала. 52. Город в РСФСР. 53. Галерея из арок.

По вертикали:

1. Передник. 2. Знатная стахановка сельского хозяйства 3. Новая вещь. 4. Часть туловища. 5. Род бабочек. 6. Степная птица. 7. Углевод, добываемый из растений. 8. Опера Верстовского. 9. Отряд, выставляемый для прикрытия военной операции. 14. Русский поэт. 15. Город в Китае. 19. Русский исследователь полярных стран. 20. Комната для спанья. 21. Кондитерское изделие. 22. Ударный музыкальный инструмент. 23. Вдавленное место. 24. Летчик. 31. Благородный металл. 32. Название одной звезды первой величины. 33. Определение стоимости. 37. Великая русская артистка. 39. Утолщенная часть стебля, находящаяся в земле. 40. Огородное растение. 42. Сооружение для запруды воды. 43. Одно из изобразительных поэтических средств. 45. Связки вдоль хребта у красной рыбы. 46. Служащий во флоте. 47. Короткий чулок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 30

По горизонтали:

3. Сопка. 8. Каталог. 9. Изуверы. 10. Посев. 11. Просо. 13. Доход. 15. Полтава. 17. Паводок. 18. Локатор. 19. Копейка. 20. Обмолот. 21. «Стожары». 24. Уральск. 25. Росчерк. 26. Фланель. 28. Транзит. 30. Орион. 31. Почва. 32. Устои. 33. Утконос. 34. Область. 35. Дичок.

По вертикали:

1. Подготовка. 2. Активность. 4. Самоотверженность. 5. Фадеев. 6. Сверка. 7. Приспособленность. 12. Коростель. 14. Полонский. 16. Алатырь. 17. Продукт. 22. Островский. 23. Севооборот. 27. Левкой. 29. Раскат.

Обо всем

Какой силы иногда достигает ветер, свидетельствует следующий любопытный факт. 29 июня 1904 года над Москвой, в районе Лефортово — Сокольники — Басманная, пронесся тромб (так называется смерч, проходящий в населенных местах). Он повалил несколько столетних деревьев, имевших стволы до метра в поперечнике, поднял в воздух несколько коров, пасшихся в роще, и коровы «летали» по воздуху несколько секунд.

Под Москвой тогда же взлетела в воздух железнодорожная будка вместе с находившимся в ней путевым обходчиком и была отброшена на 40 метров. Обходчик, к счастью, отделался лишь легкими ушибами. В Мытищах тромб разрушил огромную дымовую трубу вагоностроительного завода. В центр смерча попал постовой городовой. Его ветер поднял в воздух выше домов, и он упал на землю, избитый градом, в разорванной одежде.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 04373. Подписано к печати 25/VII 1950 г. Изд. № 495. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1891. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ВКЛАДЧИК СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ

МОЖЕТ УПЛАТИТЬ ПУТЕМ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ

Экономьте время!

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ БЕЗНАЛИЧНЫМИ РАСЧЕТАМИ ЧЕРЕЗ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ.

Цена 3 руб.